

Викки Латта

**Я - СТРАЖ
ПЛАМЕНИ!**

Академия Высшей магии

Annotation

Что важнее: достичь вершины или удержаться на ней?

Одна встреча — и надменный аристократ, сильный маг и будущий страж едва не потерял свой дар.

Одна встреча — и я получила шанс исполнить заветную мечту и поступить в академию.

Одна встреча изменила нас и порушила все планы заговорщиков.

Теперь мы оба стали мишенями и можем лишиться жизни. Или чего-то гораздо большего?

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
-

Глава 1

Говорят, в минуты смертельной опасности вся жизнь пролетает перед глазами. Так вот, сегодня, лежа на обочине дороги посреди толпы охавших прохожих, я могла сказать: это утверждение — наглая ложь! На волоске от гибели в моем мозгу успела только промелькнуть строка сплошной брани и единственное цензурное: «Что? Опять?!»

Меня снова пытались убить. Причем как! Банальнейшим способом — сбив машиной! Это прямо неуважение какое-то... Никакой фантазии и творческого подхода.

— Может, ее в лечебницу? — задал резонный вопрос кто-то из сердобольных.

— Да она только что оттуда! — вмешалась Силь.

Подруга, энергично распахав всех локтями, наконец оказалась рядом с ошарашенной мной, только что чудом увернувшейся от летевшей на меня в лобовую машины.

Химере Пусе и распахивать никого было не нужно. Стоило только превратиться из милой кошечки во внушительную собаку, а затем как следует гавкнуть — и зрители расступились сами.

Меж тем Силь деловито поинтересовалась:

— Сколько у меня на руке пальцев?

— У тебя на руке — пять. Но показываешь ты мне два. Хотя лучше всего охарактеризовал бы нынешнюю ситуацию один. Средний, — прокомментировала я.

— Язвишь — значит, жить будешь, — с облегчением выдохнула подруга, а затем помогла мне подняться.

В лечебницу вернуться все же пришлось: пытаюсь уйти от столкновения, я здорово рассекла руку. Так что целителю пришлось накладывать заживляющие чары. Впрочем, ими все и ограничилось, задерживать меня здесь не стали, лишь напутствовали, что нужно снять повязку через пару часов. К тому времени от раны не останется даже следа. Я машинально кивнула, хотя мысли мои в этот момент были далеко.

Это падение подарило несколько синяков, пару ссадин и одну рану. А к ним в придачу — кучу вопросов. Кто это был? И повторится

ли подобно еще? И смогу ли я в случае опасности сама дать отпор, используя собственную магию, которая ко мне наконец вернулась? И раз уж на то пошло, последний, может, не самый глобальный, но самый актуальный — это точно: в чем мне идти по улице?!

Легкое платье тонкого шифона после встречи с машиной оказалось разодранным от подола едва ли не до бедра. К тому же рукав в том месте, где я рассекла предплечье, был не только дырявым, но и заляпанным кровью. А еще у босоножки сломался каблук. И как в таком виде, спрашивается, идти в академию?

Мы с Силь, как две девочки, и не пошли туда. А направились для начала в магазин. Там я выбрала себе практичные, а главное, крепкие штаны, футболку и свитер. На замену босоножкам — кроссовки, в которых можно со всем удобством удирать от неприятностей.

Теперь, после того, как Мор... или все же Дрон (?) — я так и не определилась, как мысленно называть этого талантливую актера и по совместительству сына канцлера, — перечислил мне на счет кругленькую сумму компенсации за все пережитое, я могла себе позволить такие траты, как пополнение гардероба. В последнем спуская пару часов произошло еще одно прибавление. Правда, когда мы с Силь успели перекусить и добраться до лавки, в которой можно было приобрести все для учебы в столичной магической академии. Там-то я и купила себе новую форму адепки факультета стражей. Старая, увы, пала в неравном бою с ликвидатором.

Удивительно: кажется, это была такая же красная куртка, такие же штаны и рубашка, что выдавались мне две недели назад кладовщиком, и... в то же время одежда была абсолютно другой! Более мягкой, удобной, отлично сидевшей на фигуре.

С покупками, довольные и веселые, мы с Силь поехали в академию. Там у ворот я распрощалась с подругой и направилась к общежитию. Но, не дойдя до крыльца с десятков ярдов, почувствовала на себе пристальный, буравивший лопатки взгляд.

Резко повернулась, готовая как бить простеньким атакующим заклинанием, так и бежать. Или и то и другое сразу. Это уж по обстоятельствам. В руке уже начал разгораться пульсар, когда я увидела поднимающуюся со скамейки статную даму. От нее буквально разило высокомерием и надменностью.

Она прицедила:

— Разве за применение боевых заклинаний вне занятий адептов не ждет отчисление?

И я узнала этот тон... Эти глаза...

Точно такие же были у Дэна. И манера говорить, когда чем-то крайне недоволен, оказалась до невозможности похожей. И пусть волосы незнакомки блестели медью, а черты лица разительно отличались от таковых у Стиллы, я не сомневалась: передо мной родственница стража собственной раздраженной персоной. К слову, своих эмоций леди даже особо не скрывала: поджатые губы, прищуренные глаза, надменно вскинутый подбородок... Весь ее вид словно говорил, что она до меня снизошла. Да, именно так! Точно королевская цапля до головастика, что мельтешил у нее под ногами в луже. И сейчас она раздумывала: то ли склевать эту мелкую пакость одним молниеносным движением, разможжив в клюве, то ли понаблюдать за копошением и... все равно раздавить.

— А разве я его применяла? — в тон леди отозвалась я. Меня раздражали ее взгляд, ее манера держаться, ее тон. Так, словно я была не то что никем, а скорее ничем в ее глазах. И единственная причина, по которой я не ответила резкостью, — это догадка, что дама, стоявшая передо мной, возможно, дорогой для Дэна человек. Я прямо посмотрела на леди в строгом и элегантном черном платье, изящной шляпке, закрытых и даже на вид безумно дорогих туфлях-лодочках и ажурных перчатках и постаралась как можно мягче добавить: — Демонстрировать — не значит использовать.

С этими словами втянула заклинание в ладонь. Неизрасходованная магия обожгла руку. Но я почти этого не заметила, так меня, будто наотмашь по лицу, хлестнула следующая фраза собеседницы:

— Свои прелести моему сыну ты тоже только демонстрировала? Или использовала? — И она сделала несколько шагов ко мне.

Теперь между мной и, как оказалось, матерью Дэна была всего пара ярдов. А я подумала: зря старалась быть вежливой. Абсолютно зря.

— Простите? — Я сглотнула, стараясь дышать ровно.

— Ты все прекрасно слышала. А я не привыкла повторять. Или считаешь, что, если первокурснице-провинциалке без гроша за душой удалось очутиться в объятьях Дэниэла, она сможет стать и его женой?

Так вот, хочу предупредить: дорога от постели до алтаря бывает долгой, тернистой, а в высшем свете порой и смертельно опасной.

— Что вы вообще несете? — нахмурилась я. К собственной чести, не перешла на крик. Мой голос звучал спокойно и даже отстраненно.

— Несу? — с показной задумчивостью спросила миссис Стилл и отчеканила: — Тебе — крупные неприятности, если не отстанешь от моего сына. У него есть официальная невеста. Так что тебе, девочка, ничего не светит.

— С чего вы вообще взяли, что я любовница Дэниэла? — холодно произнесла я. Хотя хотелось заорать: какая, к демонам, невеста? Огонь внутри меня взметнулся и начал разрастаться, грозясь вырваться наружу. И мне пришлось приложить немало усилий, чтобы его сдержать. Я старалась сконцентрироваться на совсем недавно обретенном даре, чтобы не произошло срыва и я не выгорела. Потому мой голос был сухим. Сил на эмоции не остались. Все уходило на контроль.

— Хм... я ожидала пылких речей о том, что ты и мой сын любите друг друга, а не вопросов. Но твоя сдержанность мне нравится. Хотя в личном деле эта черта характера почему-то не отмечена... — будто рассуждая вслух, проговорила миссис Стилл.

Но я оценила эту как бы невзначай демонстрацию ее силы и влияния: если она с такой легкостью смогла добраться до моего личного дела, то и до меня самой этой даме дотянуться будет нетрудно.

А мать Дэна между тем продолжила:

— Думаю, мы сможем договориться...

— Я не знаю, о чем вы вообще хотели договариваться, если даже понятия не имеете о предмете беседы, — произнесла я, заговорив на языке собеседницы. Причем специально не подбирала слова. Оно так само получилось.

Миссис Стилл вздернула бровь и уточнила:

— Что ты имеешь в виду?

— То, что вы не ответили на мой вопрос. И похоже, упорно считаете, что я пассия вашего сына. Хотя это и не так.

— А разве нет? — Стилл искривила губы в усмешке. — Тогда просвети меня: и кто же вы с ним?

— Друзья. Просто друзья, — в моем голосе жизни было не больше, чем на кладбище. Магия, сжатая в тиски контроля, не

улеглась, лишь притаилась, пока вокруг заточенного в клетку самообладания огненного дара рушились стены моего мира.

— В мое время это назвалось немного по-другому, — произнесла Стилл, тем показав, что ее мнение осталось неизменным. — Когда мужчина побежал среди ночи спасать девушку из рук маньяка, что решил выпить ее дар, когда этот спаситель сам едва не умер, а затем в бреду на лекарской кушетке шептал ее имя и признавался в откровенном, и когда, наконец, мой сын, едва очнувшись, спрашивал, что с тобой... — она все же сорвалась... нет, не на крик, на повышенный тон. Но даже это говорило о многом. Не внутри меня одной ярились и бушевали эмоции, которые я задушила. Но Стилл справилась с чувствами довольно быстро. И холодно добавила: — И да, для возникновения дружбы нужно побольше времени, чем одна неделя. В отличие от влюбленности. Поэтому я могу с прискорбием согласиться: мой сын все же увлекся тобой, милочка. Но это увлечение. И оно быстро пройдет, стоит Дэниэлю тобой... наиграться. Это уже у него бывало. И не раз. Ты не первая в списке его любовниц. И не последняя. Мой сын порой... пылко увлекается чем-то, — она сделала акцент на «чем-то». Не кем-то... Еще раз показав мне мое место. — Но столь же быстро остывает. Так что повторю: не думай, что у тебя выгорит с ним что-то серьезное.

Речь леди вышла эмоциональной, долгой и убедительной. И я выслушала ее, не отводя взгляда. Но сжимая до белых костяшек кулаки. Потому не сразу обратила внимание, что Стилл озвучила не истинную, а официальную версию случившегося, в которой не было и упоминания о Море — сыне канцлера. А ликвидатор по ней же был просто психом.

Я сглотнула и ответила:

— Это вы можете думать что угодно. А я точно знаю: мы с Дэном друзья. Не больше, — выдохнула и твердо добавила: — И не меньше. И точка.

— Не могу понять: то ли ты умнее, чем кажешься на первый взгляд, то ли глупее, — процедила собеседница и жестко спросила: — Сколько?

— Простите? — опешила я.

— Сколько ты хочешь, чтобы исчезнуть из жизни Дэна? И не пытайся строить из себя оскорбленную невинность, набивая цену. Тебе

и твоей семье нужны деньги. Я могу их дать. Но в разумных пределах. Это выгодная сделка. А добраться до состояния нашей семьи, став женой моего сына, у тебя все равно не получится. Даю слово, — она произнесла это так твердо, что возникла убежденность: она добьется своей цели даже через мой труп.

Пламя внутри меня взревело. Я стиснула зубы, стараясь усилить контроль над даром.

Вдох. Выдох. Прикрыла глаза, концентрируюсь на том, что происходит внутри меня. Смирять гнев, раздражение... Душу эмоции. Любые эмоции. Потому что если сейчас они возьмут верх...

Уже не я буду управлять своей магией, а она мной... И леди Стилл добьется своего: я исчезну из жизни ее сына. И из академии. И из нормальной жизни. На пару лет — так точно. Потому что место для магов с неустойчивым даром одно. И оно немногим лучше добровольной тюрьмы. И лишь по прошествии времени — реабилитационная комиссия, оценивающая стабильность источника и возможность вернуться в общество. Или как вариант — печати, запирающие магию в теле навсегда.

— Мне не нужны деньги. И, говоря это, я не набиваю цену, как бы вам ни хотелось верить в обратное... Все гораздо проще: вы хотите купить то, чего нет. Я не любовница Дэна.

Заверять «и никогда ей не буду» не стала. Не потому, что у меня были какие-то планы или виды на Дэна, как считала его мать. Нет. Просто я никому не позволю диктовать мне условия, шантажировать, угрожать... Даже ликвидатору, не то что какой-то аристократке, считающей, что можно покупать друзей и изничтожать врагов, стоит за это только хорошенько заплатить.

А еще я доверяла Дэну. И хотела поговорить с ним лично. Пусть он сам мне объяснит все как есть. Особенно про эту свою демонову невесту! И тогда я буду принимать для себя решение. Только так. А не основываясь лишь на словах его матери.

— Все же умнее, — сделала вывод Стилл и довольно улыбнулась. А спустя пару секунд, во время которых окинула меня еще одним оценивающим взглядом, присовокупила: — Я рада, что ты все поняла правильно... И что со временем ваша дружба, — это слово она выделила особо, — и вовсе сойдет на нет.

И до меня, сражававшуюся со своими внутренними огненными демонами, не сразу дошло, что именно она имела в виду. А когда поняла... Мать Дэна осталась при своем мнении относительно наших отношений. Она все так же считала, что мы любовники. Но я испугалась ее. Потому просто решила отступить. Потому упорно и называла отношения с ее сыном лишь дружбой.

Она тонко улыбнулась мне и с намеком произнесла:

— Надеюсь, это наша единственная встреча.

— Хотелось бы в это верить, — в тон отозвалась я.

Миссис Стилл повернулась и пошла прочь. А я осталась стоять, чувствуя, как от тотального контроля жаркий огонь во мне начинал леденеть, превращаясь в обжигающее холодом пламя.

Прикрыла глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Я чувствовала себя как чаша, наполненная до краев. Одна капля — и будет взрыв.

Контроль. Тотальный. Над собственной силой. Эмоциями. Мыслями. Иначе я сгорю. Не знаю, сколько я так стояла, но наконец почувствовала, как разбушевавшийся дар постепенно начинал успокаиваться. Только при этом он становился каким-то другим. Если до встречи с миссис Стилл я ощущала свою магию алыми языками пламени, то теперь — белым огнем. Таким, в котором может сгореть даже металл.

Это значило лишь одно: произошел еще один скачок, прорыв на новый уровень дара. Но чем сильнее источник, тем жестче должен быть его контроль. А я со своей-то прежней магией толком не научилась управляться...

Закусила губу, стараясь притушить, приглушить внутри меня дар окончательно, чтобы он в последний момент не вскинулся, не вырвался. И тут услышала откуда-то сбоку:

— С тобой все в порядке? — Я распахнула глаза, повернулась и увидела Минига — одnogруппника, которого за смуглость, длинные темные волосы, собранные в хвост, и серьгу в ухе называла про себя Пиратом.

— Наверное, — ответила я.

— Еще не определилась? Это у вас, девушек, бывает. — Он усмехнулся и тоном, которым не спрашивают, а утверждают непреложную истину, произнес: — Давай я тебя провожу до

общежития. А то вдруг ты решишь, что с тобой все же «нет», и грохнешься по дороге лицом в кусты, а ногами — на брусчатку. И будут о тебя прохожие запинаться.

— Ты прям романтик, — заметила, улыбнувшись.

— Угу, причем безнадежный, — не обиделся на мою подколку Пират, и мы двинулись к общежитию. Кстати, Мин взял еще и мою сумку с вещами. Для него это было проявлением дружеского участия и джентльменством, для меня — спасением. Потому что свой дар я сейчас использовать боялась, а тащить баул на одной силе собственных мышц... Все же, как выяснилось, весил он изрядно. Просто, пока мы мило болтали со Стилл, я, находясь под нервным напряжением, его веса не чувствовала. А сейчас вот ощутила.

— Ну давай, до завтра. Увидимся на паре по рунологии, — произнес Пират, когда мы подошли к крыльцу общежития.

Адепт уже хотел было ретироваться, но я не дала. Остановила вопросом:

— Мин, что изменилось?

— Ты это о чем? — спросил Пират с интонацией человека, который прекрасно все понял, но тянет время, подбирая максимально обтекаемый ответ.

— О том, что пару недель назад ты меня на дух не переносил, а сейчас помогаешь. Или успел нацепить на сумку какое-нибудь проклятье? — Я подозрительно прищурилась.

Мин решительно выдохнул, его тело напряглось, словно приготовившись принять удар, и он сказал:

— Пару недель назад я думал, что ты чья-то избалованная дочурка, решившая поиграть в стража. Ну или любовница... Решила воспользоваться связями и зайти с черного входа, тогда как все остальные штурмовали центральные ворота... Когда ты появилась, группа-то ведь набрана уже была. И тут какая-то смазливая мордашка впархивает. А ты, который все вступительные испытания прошел, тренировался, учился, пробивался и доказывал себе и отцу, что чего-то стоишь... — он замолчал, оборвав сам себя.

— Продолжай. — Я демонстративно сложила руки на груди в жесте: «Продолжай, я тебя внимательно скушаю. И слушаю тоже. Но меньше». Потому как мне хотелось покусать этого сноба. Решил он за меня, кто я такая.

— Что, даже пощечины не дашь? — насторожился Мин.

— А надо?

— Ну я, вообще-то, приготовился, — фыркнул Пират. — Обычно за такое девушки не задумываясь оплеуху могут дать.

— Будем считать, что я та еще сквалыга, у которой не выпросишь ни снега зимой, ни пощечины во время скандала.

— Ты не прижимистая, у тебя правильная экономическая политика. А бережливые девушки мне нравятся... Как насчет того, чтобы стать моей девушкой? Ты же просто находка: не скандалишь, красивая. Живучая опять же, что для подруги стража зачастую немаловажно. И на полевые практики: все скупают по свиданиям, а мы с тобой... — тут же оживился Мин и...

Он все же отхватил. Только не великосветскую пощечину, а товарищеский подзатыльник, от которого, впрочем, частично успел увернуться.

— Понял, — охотно отозвался Мин и честно предупредил: — Но не отвял.

— Слушай, колокольчик, засохни! Или иди и звени в уши другим адепткам.

Пират посмотрел на меня так, словно я бросила ему вызов.

Да чтоб тебя! Я приготовилась к еще одной атаке Мина, попутно прикидывая, как половчее вырвать у адепта собственную сумку. И он, словно почуяв это, крепче схватился за ремень и с хитрой ухмылкой добавил:

— Ну вот. Я вообще-то хотел подкатить, а не прокатиться мимо. Но попробовать стоило: ты то, что мне надо. — Мин хитро подмигнул. — Хотя поначалу ты меня, да и многих в группе раздражала. Думали: ну вот, заявилась цаца-выскочка. А потом, когда тебя похитил этот псих ради выкачки дара — одного из самых сильных в академии... Одним словом, я понял, что тебе красивые цифры уровня магии в табеле не нарисовали. И даже если ты и чья-то протеже, то попала в стражи не за красивые сис... синие глаза, — быстро исправился Пират, продолжая при этом смотреть отнюдь не в мои ясные очи.

— Ты поменял отношение ко мне только из-за этого? — удивилась я. — А если бы меня прибили, то я бы вообще в твоём списке стала самым достойным из стражей?

— Ну перегибать-то не надо, — остудил мой пыл Мин и иронично пояснил: — Ты была бы на втором месте.

— После тебя? — не удержалась я от сарказма.

Пират хмыкнул:

— Я передумал, Ники. Тогда ты была бы на третьем. — И так хитро улыбнулся, что стало понятно: это провокация.

Но до матери Дэна адепту было далеко, так что я на это лишь улыбнулась этой полушутливой попытке.

— Не надейся. Не взорвусь.

— Жаль. А у меня был коварный план: ты бы психанула, и я бы принял удар на себя и переключил бы твое внимание самым действенным методом. — И Мин проиграл бровями.

— Увы. Это была проигрышная стратегия. Потому как я девушка спокойная и тихая. Спокойно закопаю. Тихо это дело отпраздную...

— От кого другого это прозвучало бы пустой угрозой, но от тебя, Ники... После того как ты уколошила своего убийцу, я готов поверить таким заявлениям. Так что, пожалуй, предпочту не рисковать... — с этими словами Пират протянул мне мою сумку.

И едва я взялась за ее ремень, добавил:

— Или не предпочту.

А затем развернулся на пятках и ушел, беззаботно насвистывая фривольный мотивчик. А я задумалась: это что такое было? Единичное явление? Или массовое?

Если сначала большинство одноклассников считали меня чьей-то то ли дочерью, то ли пассией, попавшей сюда по благу, то теперь кто-то мог свое мнение и поменять. И увидеть во мне не выскочку, а девушку. А это проблема. С учетом того, что меня ждала группа, состоящая почти из одних парней, будущих стражей, среди которых царит культ силы, а из самих адептов плещет тестостерон, — большая такая проблема.

С печалью вспомнился лысый белозубый Люк, который не заводил шашни с однофакультетницами, ведь случись практика и попади он в пару с бывшей, которая могла затаить обиду, для него рейд мог бы плохо закончиться. Поэтому у громилы было кредо: все загулы — на сторонних ресурсах. В смысле, факультетах. И как жаль, что все остальные парни в академии этого правила не придерживаются.

Печально вздохнув, я поправила ремень на плече и направилась в свою комнату.

Глава 2

А там меня ждали соседки. Мрачные, словно плакальщицы, которые уже настроились на похороны и то, что им за стенания на них неплохо заплатят. А тут покойничек возьми да воскресни и сорви им весь бизнес.

— А я тебе говорила, что она живая, — вместо приветствия отозвалась некромантка. И мотнула рыжей копной взлохмаченных волос в мою сторону, как будто были варианты. — А ты еще сомневалась, Лори, в моем профессионализме. Убедилась теперь? Все с этой паразиткой в порядке!

— Ну, извини... — развела руками алхимик. — Она мне в таком кошмаре привиделась, что я испугалась.

И кучеряшка возмущенно глянула на меня в духе: как ты могла мне так скверно привидеться?!

Обычно вернувшихся почти с того света приветствуют радостными восклицаниями, закидывают цветами (иногда прямо в горшках), вешаются на шею, но... такие поздравления порой гораздо менее искренние, нежели слова моих соседак.

Из перепалки Лори и Дары я поняла одно.

Они переживали за меня. Искренне. Хотя и не хотели это показывать. И как только я это поняла, так сразу кинулась им на шею. Сначала ближайшей — Даре. Рыжая и пикнуть не успела — а я уже сжимала ее в объятьях.

— Спаси меня, — прохрипела рыжая, видимо, кудряшке. — Или хотя бы быстро убей. Эта психическая решила меня медленно расплющить.

— Убить тебя или ее? — деловито поинтересовалась Лори, глядя на нас с рыжей и еще не подозревая, что через пару секунд я отцеплюсь от Дары и столь же пылко кинусь на Лори.

— А-а-а, — взывала алхимик и удостоилась ехидной улыбки от некромантки.

— Теперь у тебя есть вопросы: кого именно нужно было грохнуть?

— Да, — просипела жертва моей благодарности и с чувством добавила: — Вас обеих!

— Я тоже вам рада! — произнесла я, когда на шаг отступила от Лори. Я была действительно рада их видеть: и рыжую, и кучеряшку.

— Поэтому от счастья решила придушить, чтобы вся комната досталась тебе одной? — подозрительно утонила некромантка.

— Не подавай ей идеи, — произнесла Лори тихо, делая вид, что шепчет на ухо Даре.

— Поздно, она уже вдохновилась, — отозвалась рыжая. А потом она махнула рукой и, противореча сама себе, сделала шаг ко мне и порывисто обняла. Уже сама. Я сначала подумала: мстит, но неожиданно услышала: — Да, мелкая белобрысая зараза! Мы за тебя переживали.

— А кое-кто и пережил! — присовокупила Лори, тоже подходя и обнимая.

— Я искала в морозильном ларе утешение и спокойствие, — парировала Дара. — И представь себе, даже находила.

— Моя настойка могла бы помочь тебе обрести душевное равновесие гораздо быстрее, — фыркнула кучеряшка.

— Зато мой вариант однозначно вкуснее. Да и эликсиры и тебе-то самой не сильно помогли, — тут же нашлась некромантка.

— Я переживала оптом: и за Ники, и за семью, — не сдавалась алхимик. — Мне и дозы нужны больше.

Дара ничего на это не ответила. Да и мне нечего было сказать. Мы так и стояли, объявшись. Это длилось, наверное, с минуту, если не больше. И при этом даже никто не пытался меня придушить в ответ. Вот чудо!

А потом, когда объятья распались, я услышала:

— Так и быть, белобрысая, твоя взяла. Мы не будем больше тебе специально пакостить... — торжественно произнесла некромантка. Тем провозгласив окончание соседской условной войны.

А еще я поняла, что пакостить «не нарочно» рыжая и кучеряшка не обещали.

— Ну что, готова к завтрашнему учебному дню? — спросила Лори.

— Нет, — честно ответила я. — Я так устала, что даже не уверена, что смогу встать завтра утром сама из кровати.

— Не переживай. Если что, я тебя из нее эксгумирую, — благородно пообещала некромантка. И я начала понимать, почему с Дарой никто не хотел селиться.

С соседками мы проболтали до самого ужина. А после столовой рыжая убежала на очередной ночной практикум, а Дара отправилась ставить в лаборатории в томильную печь эликсир, который должен был прогреваться двенадцать часов подряд при определенной температуре.

Я осталась одна, но ненадолго. Зазвонил магофон: Дэн хотел узнать, как прошел мой день. Ну я ему и рассказала. И о машине, которая чуть не сбила, и о его матери, которая проехала по моей психике асфальтоукладчиком.

Когда я закончила, в трубке повисло напряженное молчание. Оно звенело, вибрировало, отдаваясь в натянутых струнами нервах.

И я не выдержала. Хотела задать этот вопрос при личной встрече, но не смогла.

— Так это правда? У тебя действительно есть невеста?

И выдохнула. Про себя молясь: только не лги. Не лги мне, Дэн. Я смогу пережить любую правду, но не обман. И он ответил:

— Да, есть. Моя помолвка с Анабель состоялась два года назад. Это был выгодный для наших семей союз.

Он больше ничего не сказал, а я не стала спрашивать, какая роль была бы в этом раскладе уготована мне. И так было понятно — содержанки. Не более. Но на нее я не могла согласиться. Как и не могла представить себе, что смогу делить с кем-то того, кого люблю. Или все, или ничего.

— Ники, скажи что-нибудь! Не молчи! — прорычал в трубку Дэн.

Я чувствовала, как его голос звенит от напряжения, но внутри него сейчас взрываются вулканы, но вот только во мне сейчас была одна пустота. Она ширилась, поглощая все чувства и эмоции. Оставляя внутри лишь внешнюю оболочку.

— А что бы ты хотел услышать от меня? — бесцветным голосом отозвалась я.

— Да все что угодно! — выкрикнул он. — Да, я виноват в том, что не сказал тебе все сразу. Но когда бы я это успел?! В крепости, когда

ты едва не умирала у меня на руках? Или чуть раньше, когда тебя похитил ликвидатор и я понял, что ты для меня дороже жизни?! И я, демоны подери, люблю тебя. Или я должен был сообщить тебе, что помолвлен, когда я валялся без сознания в палате? Или в день твоей выписки обронить так, промежду прочим? Скажи мне, Ники, когда?..

— Не знаю, — сказала и почувствовала, что Дэн в чем-то прав.

— Я тоже. Но в чем я уверен: что будущее, в отличие от прошлого, можно изменить. Поэтому прошу тебя, Ники, не делай поспешных выводов. Хотя бы до того момента, как мы встретимся, чтобы ты влепила мне пощечину, — Дэн пытался пошутить, но вышло так себе.

Но я подумала, что, может быть, и правда лучше встретиться. Чтобы выяснить все до конца. И расстаться. Или остаться. Хотя оба варианта для меня будут болезненны.

— Ты меня с кем-то путаешь. Я не светская дама, чтобы с размаху гладить мужские щеки ладонью. Я предпочитаю впечатать кулак в живот.

— Учту, — Дэн произнес это так, будто уже начал морально и физически готовиться к этой встрече. — Можешь даже поколотить как следует. Только дождись. И не наделай глупостей.

— Не наделать глупостей? — возмутилась я. — Да чтоб ты знал: влипнуть в неприятности — это мой главный талант!

— Хорошо, — как-то обреченно выдохнул Дэн. — Тогда просто береги себя, Ники.

— А ты поправляйся скорее, пока я не успела передумать и не разобиделась на тебя как следует.

Мы попрощались. После этого разговора в душе были смешанные чувства: боль, отчаяние, надежда... А еще — ревность. Я в глаза не видела эту Анабель, но однозначно теплых чувств к ней не испытывала. Даже если это договорная помолвка и невеста Дэна спит и видит, как бы укокошить будущего супруга... все равно эта мадемуазель раздражала.

С такими мыслями я и заснула. Утро наступило внезапно. И по ощущениям — прямо мне на голову. Хотя нет, на мою несчастную макушку обрушился не столько рассвет, сколько энтузиазм Дары. Некромантка обещала восстать меня из постели и слово сдержала.

Я сидела на краю кровати и пыталась осознать, где нахожусь, почему меня пытаются и как бы сдохнуть...

— Ты проспала сигнал пробудки, — жизнерадостно сообщила некромантка. — Поэтому сейчас быстро собирайся, если не хочешь пропустить еще и завтрак.

Я кивнула и, зевая, начала собираться. Глянула в расписание. Первой парой стояла рунология. Интересно, многое ли успели пройти без меня? В школе такого предмета не было, и я надеялась, что пропустила вводные лекции.

Как оказалось, делала я это зря. Едва успела позавтракать, добраться до аудитории и обосноваться на втором ряду, как началось занятие и я поняла: придется наверстывать не просто много — очень много.

Профессор Кинсли оказалась женщиной во всех смыслах поразительной. Она уже достигла того возраста, когда число лет, прожитых магом, могло колебаться от сорока до четырехсот, а уровень язвительности и вовсе не имел верхней планки.

Строгая, внимательная, требовательная к себе и адептам, она не давала и минуты передышки. Ее лекция перемежалась с опросом. И когда кто-то не мог ответить, она не обращалась к следующему студенту, чтобы тот помог своему однокласснику. Метода преподавания госпожи Кинсли была иной: замывшегося с ответом просто выдергивало с места магией преподавательницы, и тот шел к доске как марионетка — рвано, неестественно и явно против собственного желания.

Оказавшись рядом с доской, адепт, не выучивший тему предыдущего занятия, брал в руки мел и начинал писать. Точнее, как я поняла чуть позже, переписывать всю прошлую лекцию. Даже если адепт сам того не желал, его рука выводила слова помимо воли владельца, подчиняясь заклинанию профессора. И пока студент корпел над наказанием, Кинсли уже опрашивала следующих. Или диктовала новый материал.

Его я усердно конспектировала. А еще — ломала голову, глядя на первую пустую парту: где же Дрон? Или Мор? Я так и не смогла определиться, как мне его теперь называть. Раньше я сидела с сыном канцлера на первой парте и не подозревала даже, кто со мной рядом. Считала его своим другом, парнем, как и я, из простой семьи... А

сейчас не знала, как относиться к тому, кто мне лгал, хотя и не намеренно.

И когда забежала в аудиторию, специально села повыше, чтобы не быть бок о бок с Толье. Напрасно волновалась: Мор вовсе не явился на занятие.

Мне повезло. Я не удостоилась ни одного вопроса от преподавателя. Но обольщаться не стоило. О последнем по окончании занятия предупредила сама профессор, когда попросила меня задержаться после звонка.

— Адептка Роук, останьтесь! — захлопнув папку с бумагами и сняв чары с последнего несчастного, стоявшего у доски, произнесла она.

Я подошла, нервно поправляя на плече ремень сумки, и услышала:

— Сегодня я была к вам снисходительной, поскольку ректор предупредил, что вас только что выписали из лечебницы и вы навряд ли будете готовы к занятию. Но на следующей лекции снисхождения не ждите.

— Спасибо, — поблагодарила я. И за поблажку, и за предупреждение.

— Лучшей благодарностью будут для меня ваши знания по моему предмету, — отозвалась Кинсли и, не прощаясь, удалилась.

А я поспешила на следующее занятие. На нем меня ждал тот, кто не знает жалости и пощады к адептам, — Седерик Бруквор. И поблажки, чтобы не спрашивал, точнее, не сильно гонял по полигону только что вернувшуюся из целительской студентку, у него не выпросить. Потому как единственной уважительной причиной для послабления стало бы отсутствие у ученика руки, ноги или жизни. А раз все это при мне, то и нагрузка такая же, как у всех.

Я немного задержалась в раздевалке и едва ли не последней втиснулась в уже начавшую формироваться по команде Бруквора шеренгу. Преподаватель оглядел нас всех грозным взглядом, отчеканил приветствие и гаркнул:

— И помните, физически слабый страж — мертвый страж! Поэтому десять кругов по полигону рысью марш! — скомандовал Бруквор.

И наша группа стартанула. А я — вместе с ней. И тут сбоку услышала:

— Рад, что ты уже в строю, Ники.

Я повернула голову и увидела Мора.

— Привет! — как ни в чем не бывало улыбнулся он мне, словно мы действительно были друзьями, словно ничего и не произошло, словно он простой адепт из бедной семьи.

Я не успела ничего ответить, как над полем прогремел бас Бруквора:

— Эй вы, двое влюбленных голубков! Ворковать будете после занятия!

Самое паршивое — эти слова были обращены не к кому-нибудь, а ко мне с Мором! Я так сердито глянула на него, что бывший приятель виновато улыбнулся и примирительно протянул:

— Извини...

И тут преподаватель добавил:

— А сейчас, раз у кого-то еще силы на болтовню остались, дополнительный круг. Для всех!

Раздался слаженный стон, и я спиной почувствовала «благодарные» взгляды одногруппников.

— Позже поговорим... И убью я тебя тоже потом... — просипела я свое обещание. — Если сейчас на тренировке не сдохну.

Последнее было самым трудновыполнимым. Потому как в боку колело, из горла вырывались такие звуки, что можно было подумать: я неизлечимо больна грудной жабой и уже нахожусь на смертном одре. Ноги переставляла из чистого упрямства. А на дополнительном круге перед глазами начало плыть кровавое зарево. И тут я почувствовала, как с обеих сторон двое хватают меня за руки, закидывают те себе на плечи и буквально тащат полутруп Николь Роук. При этом я оказалась приподнята над землей. Так что пятки болтались в воздухе.

Я с трудом сфокусировала зрение, посмотрела сначала направо и увидела Мора. На висках сына канцлера выступил пот, а жилка бешено билась от напряжения. Но он упрямо и неумолимо, как осадный таран, тащил меня вперед.

Повернула голову в другую сторону, и мой взгляд уперся в серьгу. Знакомую такую. Пиратскую.

— Я же сказал, что не отступлю, — произнес Миниг. Вернее, попытался произнести, а по факту — просипел от натуги. Как бы он сейчас ни пытался показать, что ему не тяжело, получалось из рук вон плохо.

— А я тебе сказала отвалить.

— Если я сейчас отвалю, то ты с задохликом свалишься носом в грязь. А нам всем потом еще круг бежать... Вас поднимать.

— Почему? — отупев от усталости, спросила я.

— Потому что стражи своих не бросают, даже если те — почти трупы.

— Хорошо, тогда можешь пока не отваливать, — милостиво разрешила я, понимая, что, несмотря на то, что физически я была здорова, встреча с ликвидатором не прошла даром: выносливости у меня сейчас не было. И если бы не парни...

До финиша наша троица все же доползла. И рухнула к ногам тренера.

— Встать! — скомандовал Бруквор.

Мор с Минигом поднялись, а я решила прикинуться трупом.

— Адептка Роук, вам особое приглашение нужно? — сурово уточнил тренер.

— Нет, мне нужно суровое отпевание, — пробулькала я в лужу и попыталась поднять голову.

Потому как хоть некоторые лекари и считают грязь лечебной, но что-то мне подсказывало: наносить ее в целебных целях надо как-то слегка иначе. Во всяком случае, не на одежду.

Едва мой подбородок приподнялся над лужей, как я увидела перед носом сначала сапоги гренадерского размера, из кожи василиска, а затем и их обладателя — преподавателя Бруквора. Тот опустил на корточки, так что я смогла наконец видеть его лицо, и вкрадчиво произнес:

— В тебе заключена немалая сила, Роук. И чтобы ее контролировать, нужно столь же сильное тело. Иначе дар может убить своего носителя. И каждый неконтролируемый всплеск магии внутри разрушает физическую оболочку. Поняла?

Я кивнула.

— Тогда упор лежа принять! И пятьдесят отжиманий. От прохождения полосы препятствий я освобождаю. Но только на

сегодня.

И я, стиснув зубы, расставила на манер квакухи руки в стороны и начала упражнение. А когда закончила, восстала из грязи и с энергией задолбанного некромантами, но не сломленного зомби поплелась в сторону общежития. И, добравшись до своего этажа, направилась в душевую.

Встала под струи воды, как была, прямо в одежде. Потому как я представляла собой монолит грязи. Та под напором воды начала стекать с меня, и наконец стали различимы куртка, штаны, рубашка... И самое обидное, одежда при этом выглядела гораздо лучше меня. Не такой помятой и однозначно более чистой. С плеча куртки вот подозрительное пятно мигом сошло, а с пальцев — еле оттерла. Вот что значит заговоренная униформа. Жаль, меня саму так не заговорить...

Когда я покупала новый комплект, продавец заверил, что ткань состоит из особых нитей, в которые еще на моменте кручения начинают вплетаться заклинания. И они продолжают добавляться на всех этапах пошива формы. Поэтому в итоге одежда получается легкой, прочной, надежной, всегда чистой и, главное, износостойкой. Проще говоря — почти небиваемой.

Когда я вышла из-под струй, то не понадобилось никаких бытовых заклинаний: форма высохла вмиг сама, стала выглядеть как новенькая и тем еще сильнее контрастировала со своим содержимым — мной. А я в очередной раз убедилась, что все имеет свой предел. В том числе плетения, повышающие прочность ткани и очищающие чары. Последние отлично справляются с загрязнениями, при условии, что те не похожи на сплошной панцирь из глины, который в пару пальцев толщиной.

Вот такая — чистая теперь снаружи и грязная внутри — я зашла в комнату, прихватила там полотенце, сменное белье и... снова направилась в душ. Теперь отмываться сама. Успела как раз к окончанию тренировки, с которой Бруквор отпустил пораньше.

И вся такая чистая, аж до скрипа, поспешила в столовую, потому как начавшийся большой перерыв хоть и назывался большим, но был не резиновым.

И только в столовой я поняла, насколько была голодна. Вмиг расправилась и с супом, и с мясным рагу. На очереди был компот,

когда напротив меня за стол присел Мор.

— Мы не договорили на полигоне...

— Лично я и вовсе не хотела с тобой заговаривать, — призналась честно. — У меня от тебя одни проблемы и перманентные покушения, как оказалось.

— Ты забыла упомянуть «были», — поправил помрачневший Мор. — Но это в прошлом.

— Нет, — отрезала я. — Меня вот только вчера вновь пытались переехать. Похоже, потому, что я перешла кому-то дорогу. Хотя до знакомства с тобой меня на тот свет ни разу отправить не пытались... — я замолчала и, подумав, добавила: — Специально.

— А вчера? — Мор подался вперед, словно хищник, напружинивший тело перед прыжком. — Что произошло? Подробнее. И почему ты уверена, что это не случайность?

— Потому что эта «случайность», держа руль, уверенно смотрела мне в лицо через лобовое стекло и жала на газ, — отчеканила я.

Но Мор оказался настырным. И я вынужденно рассказала ему все подробности.

— Похоже, кто-то из противников отца посчитал тебя важной фигурой... — Толье побарабанил пальцами по столешнице.

Перемена уже подходила к концу, а бывший приятель так и не притронулся к еде. Сидел и, нахмурившись, о чем-то размышлял. И, хлопнув ладонью по столу, произнес:

— Думаю, ты имеешь право знать все. Возможно, это поможет нам обоим. Тебе — избежать покушений. А мне все равно нужен напарник. Один я не справлюсь. А ты знаешь, кто я... Но это не разговор пары минут. Поэтому встретимся вечером, после занятий. Буду ждать тебя у центрального входа в библиотеку в шесть часов.

— Тебе никто не говорил, что ты гад? — поинтересовалась я у Мора, который все решил за меня.

— Регулярно. Но за спиной. В глаза боятся. Так что будем считать, что ты первая. А сейчас стоит поторопиться. Занятие по построению пентаграмм начнется через десять минут.

Пришлось признать, что по поводу практикума Мор был прав: еще немного, и мы начнем опаздывать. Подхватив сумки, мы заспешили в аудиторию. Потому как заговор заговором, покушения покушениями, но учеба по расписанию, которое никто не отменял.

Все занятие, пока каждый из нас вычерчивал на полу зала пентаграмму призыва низшей сущности, Мор был сама невозмутимость. Мы даже словом не перемолвились. Хотя последнее под строгим взглядом мистера Кавье было бы весьма проблематичным.

Впрочем, и на следующей паре по истории магии отвлекаться было некогда. Профессор Смерть не просто диктовал даты и перечислял события. Казалось, он забивал эти знания прямо в наш мозг. Молотком. Без анестезии. Как гвозди в крышку гроба.

После этого занятия я была выжата как лимон. А ведь предстояла еще практика в оранжерее. Много практики... Я умудрилась нахватать столько штрафных отработок, что уже чувствовала себя пожизненным рабом на плантации у жизнерадостного повелителя всея академических теплиц — господина Штопса.

Глава 3

Последний, к слову, обрадовался мне, как родной. И тут же выдал тяпку, эликсир-подкормку и отправил к грядкам с томатами. Над ними я и прокорпела до пяти вечера. А когда уже почти все закончила, то услышала со стороны двери уверенные шаги.

— Эй, зви-и-изда, — особо выделив «и», протянул с капризными нотками ломающийся с альты на тенорок голос. Говоривший, судя по всему, обращался к моей оттопыренной пятой точке. — Для тебя отдельное приглашение, что ли, нужно, Роук?

Начало разговора мне уже не понравилось.

— И куда это ты меня приглашаешь? — Я разогнулась, при этом лихо закинув тяпку на плечо на манер топора, и повернулась. Жест вышел уж очень красноречивым, отчего тщедушный и, казалось, весь состоявший из одних костей, сухожилий и кожи паренек ойкнул и даже сделал шаг назад.

Впрочем, этот прилизанный брюнет быстро взял себя в руки и, манерно поджав губки, выдал:

— Я?! Тебя, провинция? Много чести! Чего так на репетицию опаздываешь, что за тобой отдельно идти приходится? — скривившись, произнес он.

— Какую еще репетицию? — не поняла я.

— Осеннего концерта, балда! — фыркнул франтик, чуть отставив свою козью ножку в форменных штанах в сторону, подальше от ведра с разведенным птичьим пометом для подкормки. — Уже все свои номера прогнали, одна ты ни на одну не пришла... А сегодня генеральная, между прочим...

— Мне некогда. — Я кивнула на недоокученные грядки.

— А нечего было на стуле выделяться — и не взяли бы, — скривился посыльный.

— А ты, значит, выделялся, но тебя не взяли? — хмыкнула я и по тому, как начало багроветь лицо адепта, поняла: попала в точку.

— У меня, между прочим, гораздо более ответственная роль на концерте, чем у любого из артистов, — важно сообщил посыльный и дернул за обшлага куртки так, чтобы разгладились складки рукавов на локтевых сгибах.

— И какая же? — не удержалась от любопытства.

— Я конференсье! — задрал нос франтик.

— И как тебя зовут? — осведомилась я.

— Триль Лунис, — важно сообщил он, словно его имя должно было мне о многом говорить. Но, увы, оно не говорило.

— Ну раз меня приглашает сам конференсье... — с ехидцей протянула я. — Тогда непременно стоит пойти... Куда, кстати?

Судя по выражению лица, мысленно меня уже послали. Причем сразу за пределы академии, в такие анатомические дали, о которых не каждый лекарь в курсе. Но вслух этот напомаженный типчик произнес более культурный вариант.

— Актный зал центрального корпуса, — сообщил паренек.

— Спасибо, — ележно вежливо поблагодарила я и в следующую секунду вручила ошалевшему адепту тяпку со словами: — Ну, а ты тут доокучивай. Всего пару кустов осталось...

— Я?.. — Франтик разом растерял всю свою надменность.

— Ну не я же? Сам же только что говорил: меня срочно ждут на репетиции. Я господину Штопсу скажу, что ты вызвался доделать за меня отработку...

И пока адепт от такой наглости хлопал глазами, я легко перемахнула через ведро, стоявшее на дороге, и с криком: «Магистр Што-о-о-пс!» — умчалась к противоположенному выходу из беседки. Крепкий невысокий хозяин академических теплиц и оранжерей обнаружился на улице. Он раздавал указания прибывшим на отработку проштрафившимся адептам. Я сообщила ему, что почти все доделала, но меня срочно вызывают в актный зал. А последние пару кустов охотно согласился доокучить Триль Лунис.

— Лунис? — вытаращился Штопс. — Этот хлыщ за все три года учебы ни разу тяпку в руки не брал!

Оказалось, что франтик — сын крупного магната. И все отработки, которые ему назначали, просто покупал — нанимал за хорошие деньги кого-то из бедных адептов, и те, называясь его именем, отрабатывали штраф.

Оранжерейник, конечно, это прекрасно понимал, но в подлоге никого не уличал. Понимал, что не от хорошей жизни адепты соглашались подменять Луниса: на стипендию не разбежишься. А у кого семья большая, у кого сестренка больная, у кого отец в кредитной яме...

Но сегодняшний случай Штопс упускать был не намерен. Магистр азартно засучил рукава, и... я поняла: тремя окученными кустами франтик не отделается. И оказалась права! Спустя два часа, когда генеральная репетиция была в самом разгаре и я вяленько скакала по сцене не на зачарованном, а на обычном стуле, который пыталась выдать за настоящую лошадь, используя озвучку «тыгыдык-тыгыдык», в актовый зал ввалился франтик. Точнее, то, что осталось от лощеного Луниса, сейчас обтекало подозрительной бурой жижей. За запах ручаться не могла: я все же была далеко, но то, как зажали носы адепты, что оказались рядом с сынком магната, наводило на определенные мысли...

Коричневая субстанция была дюже полезной. Для растений. А для нервной системы франтика — очень даже губительной. И судя по тому, что очищающие заклинания были бессильны, облился Лунис жижей, в которой была магическая составляющая. Бытовые чары пасовали только перед пятнами от эликсиров, в состав которых входили волшебные компоненты.

— Ты-ы-ы! — зло выдохнул Лунис и ткнул в мою сторону пальцем. Сейчас он напоминал рассвирепевшего быка. Правда, жутко тощего. — Роук! Сегодня ты нажила себе смертельного врага, поганка! Я прибью тебя...

Я встала со стула, затем спрыгнула со сцены, подошла к Лунису (ну и разило же от него!) и, четко чеканя каждое слово, произнесла:

— Для того чтобы меня убить, нужно встать в очередь. Ты будешь пятнадцатым, — сказала и поймала себя на мысли, что хочу зажать нос. Но все же сдержалась, чтобы не портить образ гордой и независимой себя. А затем добавила: — Но считаю своим долгом сообщить: первый в этой самой очереди, когда недавно смог добраться до меня, от счастья скончался.

Франтик осоловело моргнул и возмущенно произнес:

— Так ты ТА САМАЯ Роук? Которая полоумного мага, кравшего силу, укокошила?

Я кивнула. Фамилия моя была достаточно распространенной. Видимо, сынок магната просто решил, что в выступлении участвует какая-то другая Роук. А то и на стуле я, и крепость Руфор разmozжила тоже я... Как-то даже неудобно стало за свою излишнюю общественную активность...

— Ну да, та самая... — пришлось сознаться.

— Предупреждать надо! — возмущенно фыркнул Лунис с интонацией человека, у которого в этот момент жажда мести вела неравный бой с инстинктом самосохранения.

— Ну я думала, моя фамилия тебе тоже о чем-то говорит... — Я развела руками: дескать, упс, парень, ничья.

Ехидный окрик из-за спины ворвался в наш с франтиком обмен любезностями:

— Эй, голубки, если вы там наворковались, то, может, продолжим...

Лунис зло прищурился. Я тоже недовольно глянула через плечо... одним словом, у нас был столь единодушный порыв, что предложи сейчас франтик совместно с ним прибить крикуна, а потом продолжить выяснять отношения — я бы не раздумывая согласилась.

Видимо, горлопанистый адепт что-то такое почувствовал, потому как голоса больше не подавал. Но вернуться к репетиции все же пришлось. И оттыгыдыкав на стуле свой выход и уход, я покорно дождалась окончания прогона.

На часах было уже восемь вечера, когда я поплелась к себе в общежитие. А ведь предстояло еще сделать задания на завтра.

Когда я подошла к крыльцу, то заметила прислонившегося к стене недовольного Мора. Причем с букетом.

— Я тут уже прорву времени торчу. Влюбленного придурка изображаю...

— Зачем? — просила я недоуменно.

— Затем, что мы за обедом договорились встретиться. В шесть вечера. У библиотеки.

Я едва не застонала. Твою ж... Я напрочь об этом забыла!

Видимо, выражение моего лица было столь красноречивым, что Мор без слов все понял. И протянул мне букет со словами:

— Вот. Держи.

— Зачем цветы? — не поняла я.

Если до этого думала, что глупее ситуации быть не может, то сейчас, переспросив, как канарейка, во второй раз «зачем», убедилась: может! Еще как может.

— Это прикрытие, — произнес Мор, дернув уголком рта. — Чтобы лишних подозрений не вызывать по поводу нашей встречи. А так — влюбленная парочка. И никаких вопросов. Так что бери давай. И восхищайся ароматом.

Ну я и взяла этот веник... Скромные астры пахли на удивление ярко. Чуть горьковатой свободой, осенью и закатом, последние лучи которого сейчас золотили нежно-белые острые лепестки цветов.

Я зарылась в букет лицом, на миг прикрыв глаза. А когда отпрянула от цветов, то Мор неожиданно улыбнулся и дотронулся до кончика моего носа со словами:

— Ты пыльцой испачкалась...

Наверняка со стороны это выглядело мило. Как и то, что Толье галантно взял мою сумку, правда не преминув тихо посетовать:

— Бульжники ты там, что ли, таскаешь?

Я оставила этот вопрос без ответа. И мы пошли прочь от крыльца по одной из дорожек. Мне показалось пару раз, что в спину нам кто-то смотрит. Но оборачиваться не стала, влюбленная девушка такие глупости не должна замечать. У нее голова другим занята.

А Мор меж тем потянул меня на безлюдную тропинку, пройдя часть которой мы сиганули в кусты бузины. Продрались через них и вывалились на полянку, в центре которой росла плакучая ива. Ветви ее плотным пологом свисали до самой земли.

Толье отвел часть из них, открывая проход, и с интонацией галантного кавалера произнес:

— Прошу...

Я нырнула в этот своеобразный шатер. Мор следом. И едва мы оказались под покровом ветвей-плетей, как Толье тут же щелкнул пальцами, создавая полог тишины.

— Ну вот, теперь можем и поговорить, — удовлетворенно заключил он.

Хотя «поговорить» было не совсем правильно. Скорее Мор рассказывал. А я слушала. И чем дальше, тем яснее понимала: то, что казалось мне окончанием истории, было лишь ее началом.

Я наивно думала, что, уничтожив ликвидатора, смогу тихо и мирно учиться дальше. И сыну канцлера опасность больше не грозит. Ха! Как бы не так.

Мор поступил в столичную академию высшей магии не только и не столько чтобы стать стражем. У него была и иная цель.

Двадцать шесть лет назад в этих стенах учился его отец, будущий канцлер Толье, вместе со своей сестрой Лиринт. Та была старше его на два года. Но она погибла. Тело было найдено в реке, что огибала академию с восточной стороны. Вот только душу для допроса некроманты призвать из мира мертвых так и не смогли. Так бывало, когда на погибшего было наведено смертельное проклятие.

И вот спустя почти четверть века канцлеру начали угрожать тем, что есть неоспоримые улики, указывающие на то, что это он виновен в смерти сестры. И они скоро будут обнародованы, если канцлер не примет нужное для шантажистов политическое решение.

— И что это за решение? — полюбопытствовала я.

— Боюсь, этого я тебе сказать не могу, — печально улыбнулся Мор. — Просто знай: от него зависят судьбы тысяч простых людей.

— Значит, политика, — вынесла я вердикт.

— Причем большая, — уточнил адепт, дав понять, что игра идет по-крупному. И в ней пешка не только я, но и Мор. — Я поступил сюда, чтобы узнать, что же произошло с моей тетушкой на самом деле. Но кто-то прознал про это и решил меня устранить. И если бы не ты, Ники...

— Слушай, а твой отец действительно не убивал свою сестру? — вырвалось у меня. — Ведь если он ничего не совершал, то и улики однозначно ложные.

— Нет, но когда ставки высоки, подлог можно не отличить от истины. Поэтому единственный способ полностью очистить имя моего отца — найти настоящего убийцу Лирин. И я прошу тебя мне в этом помочь.

— Для этого ты нашел, прямо скажем, самую незаметную кандидатку, — хохотнула я. — Обо мне сейчас каждая собака в академии знает, — произнесла и вспомнила франтика — сына магната. И поправилась: — Хорошо, каждая вторая.

— А тебе и не нужно быть незаметной, — огорошил меня Мор. — Ты должна будешь отвлекать...

— Слушай, в последний раз, когда я решила тебе помочь, меня саму чуть не убили... Знаешь, на бис умирать как-то не тянет...

— На тебя и так наточили клыки едва ли не все поклонницы Стилла. Да и сейчас ты стала столь заметной фигурой, что наверняка не будешь обделена мужским вниманием: симпатичная, сильный маг, живучая опять же... Идеальная подружка, а может, и больше, чем просто подружка... Для семьи захудалых аристократических родов, в которых магия угасает, ты неплохое приобретение: наверняка сможешь родить наследника с сильным даром. Поэтому оглянуться не успеешь — кто-нибудь да окольцует свободную тебя... Так что я хоть и не пифия, но могу напроорочить: одна половина академии будет тебя ненавидеть за Дэна, другая — не давать прохода. Ты, конечно, девушка отчаянная и сильная, но уверена, что сможешь отбиться от всех разом?

— К чему ты клонишь? — прищурилась я.

— Да я не намекаю, а почти прямым текстом предлагаю: ты прикрываешь меня, я — тебя.

— Тебе не кажется, что эти прикрытия слегка неравнозначные? — Я сложила руки на груди и возмущенно уставилась на Мора.

— Как знать... На дуэли-то, желая получить доступ к твоему телу, будут вызывать Дронвеля Морвира, а не Николь Роук.

Я призадумалась. Вспомнила Дэна и его голос, который просил не совершать ошибок, но... Судьба всегда предлагает нам альтернативу: вариант, как поступить правильно, и тот, который выбираю я.

Сердце шептало: верь Дэну, мы будем вместе несмотря ни на что. Но разум твердил: я и страж — из разных вселенных. Его статус, его род... Миссис Стилл явно дала понять, что в гробу она видела меня в роли своей невестки. Причем в самом прямом смысле этих слов.

Максимум, что меня ждет с Дэном, — это роль содержанки, которая делит любимого с другой. А я... я, наверное, была слишком гордой для подобного.

Сглотнула, прикрыв глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Может быть, пора было оставить иллюзии в прошлом?

— Если ты согласишься мне помочь в этом деле, я обещаю тебе защиту и поддержку. И не только в стенах академии, — твердо произнес Мор и, полоснув себя по ладони невесть откуда взявшимся коротким ножом, добавил: — Клянусь кровью рода Толье.

Это были не просто слова — магический зарок. Рана адепта засветилась: мироздание принимало обещание Мора.

Я смотрела на это свечение. Сделка, которую предлагал Толье, была по-своему честной. И я понимала, что с такой просьбой он мог обратиться в академии только ко мне — той, кто знала, кто скрывается под личиной скромного адепта из провинции.

— Помоги мне. Не ради меня. А ради жизней тех, кто может погибнуть, если заговорщикам удастся устранить с политической арены моего отца. Он выступает за то, чтобы не ввязаться в войну с Элмерией, но если его сместят, то...

Мор протянул мне рассеченную руку. Я посмотрела на нее и... согласилась. Не ради себя или собственной выгоды. Просто представила, что из-за того, что сейчас скажу «нет», может погибнуть столько людей. И как я буду просыпаться каждую ночь в холодном поту, если буду знать: я могла их спасти и не спасла...

Призвание стража — защищать простых людей от нечисти. Не пасовать перед исчадиями тьмы. Но что я буду за страж, если испугаюсь ответственности сейчас?

— Я рад, что ты согласилась, — выдохнул Толье.

А я посмотрела на ночь, что сочилась из-за опущенных ветвей, и подумала: опять вляпалась! И как мне теперь выбираться из этого положения? Здравый смысл подсказывал, что для начала неплохо бы выбраться хотя бы из-под плакучей ивы...

Что мы и сделали. И когда оказались вновь на поляне, то вокруг царилась ночь. Я глянула на часы: до закрытия дверей общежития оставалось меньше пяти минут. Мы с Мором вылетели из кустов как ошпаренные и прыгнули в разные стороны. Я чуть не сбила кого-то из преподавателей. Фигура одного была внушительной и плечистой. Но я — очень целеустремленной, как таран. Итогом нашей встречи было осознание трех истин.

Даже магистры умеют браниться и знают до семи нецензурных рифм к слову «опять».

Даже очень сильные мужчины могут быть уязвимы. Главное — выбрать для атаки самое неожиданное место.

Даже если столкнулась лоб в лоб, тебя могут не узнать. Главное — двигаться **ОЧЕНЬ** быстро.

О том, что я осталась инкогнито, свидетельствовал крик упавшего преподавателя, который полетел мне в спину:

— Я еще узнаю, кто ты, паразит мелкий!

Но эти слова не остановили моего забега. Наоборот, придали ускорения.

В общежитие я влетела буквально за пару мгновений до закрытия и удостоилась минуты поругания в исполнении вахтера.

Эта дама была полной противоположностью сухопарой чопорной смотрительнице Тильде, которая отвечала за порядок на этажах. Тучная госпожа Файтенбах постоянно думала о том, как похудеть. Но как только она садилась на диету, рядом с ней кто-то садился жрать и... Одним словом, еда у нее была не удовольствием, а поводом к раздражению. И последнее вылилось на меня от всех щедрот. Видимо, сегодня госпожа вахтер все же выдержала свой пост и особенно негодовала. Так сказать, держала себя целый день в руках, но ближе к ночи силы ослабли и она вот-вот готова была вырвать... сорваться. А тут я. Вся такая почти опоздавшая. Чем не повод?

— Ну и где тебя демоны носят? Небось по кустам миловалась? И куда только преподаватели смотрят... — распекали меня, пока я бочком протискивалась мимо почтенной мисс Файтенбах — дамы, которая пусть и была в летах, но еще не в таких, чтобы не мечтать об омолаживающей прогулке к алтарю. Ведь та, как известно, даже старую деву способна сделать молодой новобрачной.

Так и подмывало ответить этой поборнице моральных принципов, что завидовать нехорошо. Но это значило бы нарваться на целую часовую лекцию о современной распущенной молодежи. Я к таким нравственным пыткам была не готова от слова «совсем». Потому держала рот на замке и кралась по стенке, чувствуя себя уже почти настоящим стражем, что ступает по полю, нашпигованному заклинаниями-ловушками и взрывными проклятиями.

А госпожа вахтер меж тем распиналась:

— Стипендию вам, вертихвосткам, выделяют, заботятся о вас... А вот принесешь в подоле — и тю-тю бюджетные денежки, растраченные на твое образование! — В меня вперился перст с облупленным красным маникюром.

— Вы так говорите, уважаемая Файтенбах, словно никогда не слышали о противозачаточных заклинаниях, — лягнула я.

Главный воин нравственности женского общежития побагровела, и ее взгляд заклеил меня главной местной блудницей, против которой любые проповеди о добродетели бесполезны.

Зато на меня больше не тратили слов, чему я была, признаться, весьма рада. Потому, наплевав на метавшие гром и молнии взоры, устремилась к лестнице и спустя пару минут была уже у себя в комнате.

Соседки уже спали. У Дары сегодня, похоже, не было практикумов, но даже во сне некромантка порывалась с кем-то воевать: одеяло было распинано, подушка того и гляди удерет с кровати, а сама рыжая, лежавшая на животе с раскинутыми в стороны руками, то и дело дрыгала пяткой, словно кого-то пинала.

Лори, наоборот, укрылась едва ли не с головой и тихо сопела.

Я была бы рада присоединиться к этой разнузданной сонной оргии, но... задания на завтра сами себя не решат. Потому с усталым вздохом засела за учебники и просидела за ними до самого утра. Лишь когда за окном забрезжил рассвет, решила, что нужно хотя бы немного поспать. Посмотрела на циферблат: стрелки показывали четыре утра. Три часа до пробуждения. И уже когда опустила голову на подушку, вспомнила о том, что еще надо сделать расчет матрицы переноса. И сонно протянулась к будильнику, заведя его на шесть.

Поганец-звонок, по ощущениям, заорал, едва я коснулась головой подушки. Причем перебудил всю комнату. О последнем я узнала, сквозь сон услышав:

— Дара, да пришиби ты этого петуха заклинанием!

— А если не попаду? То тогда попадет нам, от смотрительницы, — ворчала некромантка.

— Так то потом. И то может быть. А этот горлопанистый петух долбит по башке своим ором прямо сейчас и безо всяких «может». Стреляй давай...

И тут до моего сознания дошло: речь идет о моем будильнике! Точнее, о том, что его сейчас сломают. Я не была сквалыгой, но дали о себе знать годы, прожитые в большой семье, чье финансовое состояние можно было кратко охарактеризовать как: мы выскребали из кастрюли все макарошки. До последней, прилипшей ко дну.

Одним словом, моя бережливая натура проснулась раньше хозяйки, и я резко пробудилась с криком:

— Он мой!

И только потом, сев на кровати, я разлепила глаза и увидела Дару с отведенной для броска заклинания рукой.

— В смысле, ты его вместо меня добить хочешь? — ехидно уточнила некромантка.

— Нет, он просто мой, — призналась я и, встав с кровати, подошла к шкафу, на котором затаился мой будильник.

Простенький артефакт с пузатым циферблатом и пестрыми крыльями (одно из них было помятым) по бокам очень отдаленно напоминал петуха. Впрочем, орал он знатно. И чтобы точно пробудиться засоню, был зачарован. И едва хозяйская рука попыталась его прихлопнуть — забирался куда-нибудь повыше. Излюбленными местами для артефакта были верхние книжные полки, шкафы, гардины... Откуда только я не снимала этот купленный с рук на блошином рынке будильник.

Я приставила стул к дверце шифоньера и поманила этого горлопана:

— Цып-цып-цып...

— Ко-ко? — вопросительно отозвался будильник и осторожно сделал шаг ко мне своей коротенькой металлической ножкой.

Я продолжала манить артефакт до тех пор, пока он не приблизился в зону моей досягаемости. И едва это произошло — тут же сцапала его.

Раздалось зашумевшее хлопанье крыльев, и в следующую секунду я его отключила...

— Это же побудный кочет, — глядя на артефакт в моих руках, произнесла Лори. — Я сто лет таких не видела. Они такая древность, что почти раритет!

— Угу, и я даже догадываюсь, почему они вымер... в смысле их перестали делать, — фыркнула Дара, втягивая в ладонь так и не пригодившееся заклинание.

— Извините, я просто, когда ставила его, засыпала почти и не подумала, что он перебудит вас...

— Да ладно, чего уже... Зато было весело, — усмехнулась рыжая, и тут же ее глаза загорелись.

Но не успела Дара и рта открыть, как я, вспомнив, чем в прошлый раз закончилось ангажирование Пуси, предупредила: напрокат не дам.

А то опять придется кого-то либо в шкаф прятать, либо мужское исподнее — голубенькое, в розовое сердечко — созерцать.

Судя по тому, что рыжая впервые на моей памяти смутилась, она тоже вспомнила и шифоньер, фаршированный одеждой, двумя адептами и Пусей, и разодранные штаны меченного тварюшкой Тинка, прорехи на которых ей пришлось зашивать.

Глава 4

— Я что-то пропустила? — глядя то на меня, то на некромантку, спросила с любопытством Лори.

— Да, — выдохнула рыжая — Десять минут моего позора.

— Расскажешь? — с азартом спросила кучерявая. — До побудки все равно не уснем уже.

Даре деваться было некуда. И десять минут позора превратились в полноценный час рассказа и хохота Лори. Я же под болтовню соседок, которая шла фоном, принялась за расчеты матрицы переноса. Закончила, как раз когда раздались звуки побудки.

Затем мы собрались и тремя зевающими зомби пошли в столовую, где и оказались одними из первых.

Уже когда мы заканчивали завтрак, адептов в зале ощутимо прибавилось. А вместе с ними среди адептов верховым пожаром разнеслась новость: на непобедимого и несокрушимого тренера Бруквора вчера кто-то умудрился напасть в парке. Ограбить, конечно, не ограбил, избить не избил, но... фингал-то поставил!

И хотя под утро наверняка магистр его уже свел, но с фонарем кто-то из глазастых студентов успел его заметить. И теперь адептская братия бурлила от предположений: кто бы это мог быть? Вор, которого пытался задержать преподаватель? Новый маньяк, охотившийся да магическим даром? Или, может, тут не обошлось без любовных походов?

— Ты как думаешь? На кого наш грозный тренер напоролся в ночи? — спросила Дара кучеряшку.

— Скорее всего, это из-за любовницы Бруквора, — пожала плечами алхимик, активно дожевывая булочку. — Ходят слухи, она герцогиня и ее муж, прознав, мог кого-то нанять... Кто еще мог бы побороть одного из самых выдающихся и бесстрашных офицеров страны?

Я закашлялась. И на мне тут же скрестились взоры соседок.

— Ни-и-и-ки? — вопросительно протянула алхимик, что-то явно заподозрив. И утвердительно произнесла: — Ты явно что-то знаешь.

Пришлось сознаться, все равно ведь эти двое вытянут правду.

— Вообще-то это я, — выдохнула я. — Вчера вечером это я нечаянно сбила магистра. Вылетела на него из кустов...

Дара прыснула и тут же зажала рот рукой, хрюкая уже в нее. Лори почти сумела сдержать эмоции. Лишь ее улыбка расплзлась от уха до уха.

— Я боюсь представить, что случается, когда у тебя не «нечаянно», а «специально», — хмыкнула кучеряшка.

Я лишь развела руками. А Дара, отсмеявшись, предложила:

— Давайте не будем портить репутацию нашего Бруквора этой сног-Николь-сшибательной правдой, а поддержим лучше версию с наемниками и любовницей. — И, подняв стакан с почти допитым компотом, рыжая провозгласила: — За суровую брутальность, силу и непобедимость даже отрядом наемников нашего любвеобильного тренера! Ура!

Я была обеими руками только за! Ведь правда грозила мне как минимум очередной отработкой в оранжерее. И то если я докажу, что это была случайность, а не покушение.

Крик Дары услышали, подхватили, и столовая загудела еще больше. Выходили мы оттуда с видом заговорщиков, только что провернувших маленькую диверсию.

И это радовало. Но улыбалась я ровно до того момента, как вошла в аудиторию. Потому как, едва я успела сесть за первую парту рядом с Мором, что-то усилено строчившем в тетради, рядом со мной нарисовался (захочешь — не сотрешь) рыжий, как лис, веснушчатый и состоящий, казалось, из одних костей и сухожилий одnogруппник.

— Привет, я Дортон, можно просто Дор, — с ходу начал он и, тут же переключившись с меня на Мора, цыкнул: — Подвинься, Дрон, приятель, сегодня я с Роук посижу.

Я про себя усмехнулась: похоже, личина адепта из простой семьи дарила сыну канцлера много чудных открытий. И одно из них — вот такое панибратское отношение.

Мор скривился, отложил конспект и холодно заметил:

— А если не подвинусь?

— Ну значит, слетишь, — не меня дружеского тона и не переставая лучиться улыбкой, отозвался Дор, которого я мысленно тут же окрестила Лисом.

— Я, знаешь ли, летать не умею и учиться не собираюсь, а тебе вот ускорения придать могу, — тоном, не предвещавшим ничего хорошего, намекнул Мор. И в этот момент приятель, несмотря на свою личину, не выглядел тем, чью роль он должен был играть — простого, чуть зашуганного паренька из провинции.

— Ты на что намекаешь, заморыш? — уже отринув беззаботный тон, поинтересовался Лис.

Мор взглянул на меня. Только взглянул. Но в его глазах я прочитала фразу: «Ну вот, я же тебе говорил про дуэли». И стало даже как-то совестно оттого, что первая, оказалось, не я помогаю Толье, а он мне.

— Да я не намекаю, — фыркнул Мор, вставая. — Я прямым текстом делаю тебе предложение, от которого ни один честный маг отказаться не сможет...

— Деньги, что ли? — не понял Лис. То ли он был бесчестным, то ли с дуэлями не сталкивался... Но нет, рыжий оказался, наоборот, слишком умным и, смекнув, что речь идет о дуэли, решил перевести все в шутку: — Тогда, если у тебя есть звонкая монетка, у меня предложение — куда ее пристроить с максимальным удовольствием в моей хорошей компании: тут недалеко такая пивная есть...

Нет, этот тип и вправду Лис. И я поспешила, пока Толье не успел возразить, что он имел в виду не гулянку, а поминки или хотя бы лазарет для одного тощего наглеца, перебить:

— Эй, конопатый. Если ты хотел рядом со мной припарковаться, то знай: ты не первый.

— И кто же этот наглец, что опередил меня? Он, что ли? — И рыжий кивнул на Мора.

— Дрон — первый. А вот за ним — целая вереница. Но если хочешь, могу поставить в очередь. Ты будешь после Пир... Минига, седьмым.

— Так, значит, ты у нас самый везучий? — смерив Мора взглядом из серии: «И откуда ты, такой шустрый, появился-то?» — поинтересовался Лис.

— Парень Ники просто не может быть невезучим: раз такое редкое чудо... — Мор кашлянул, и мне показалось, что он не договорил «...вище», — досталось.

— Учти, кроме везения, нужно быть еще и живучим: за тобой такая очередь... — весело, словно вовсе и не расстроившись, что его отшили, хмыкнул Дор. И, развернувшись, насвистывая бравурный пошленький мотивчик, Лис направился к себе за парту.

И едва он плюхнулся на свое место у окна, как в аудиторию, чуть прихрамывая, уверенной походкой военного офицера вошел магистр Кавье. И с его появлением мы всей группой провалились в преисподнюю. Потому что это был не коллоквиум, а сущее пекло. Причем плавилась не только мозги, но кое у кого и писчие принадлежности, если зазевавшийся адепт не успел их вовремя убрать подальше от своей пентаграммы переноса. И пусть последняя была в диаметре не больше моей ладони, но языки пламени, что вырывались из нее, были лучшей иллюстрацией к поговорке: мал элементар, да жгуч.

Впрочем, у нас с Мором пострадало разве что чувство собственного достоинства, когда не в меру наглый язык огня пришлось прибивать. И, говоря «прибивать», я имею в виду не только уничтожать. Приятелю пришлось снять ботинок и как следует настучать по пламени, которое выскочило за пределы контура и ринулось по пожароустойчивой парте к тетради Мора с лекцией.

Этот физический метод расправы не укрылся от бдительного преподавательского ока. И Кавье не преминул заметить:

— Адепт Морвир, неужели вы не могли вразумить огненного элементаря добрым магическим словом? — иронично поинтересовался преподаватель, намекнув, что стоило бы использовать заклинание.

— Доброе магическое слово и ботинок лучше, чем одно доброе слово, — ничуть не смутился Мор.

Магистр на это фыркнул и проворчал себе под нос, но так, что я с первой парты сумела расслышать:

— С таким подвешенным языком ему не в стражи дорога, а в дипломаты...

Но, похоже, эти слова расслышала не только я. Приятель тут же не преминул ответить, вроде говорил он мне, но обращался явно к

преподавателю:

— Речи дипломата ничего не стоят без хорошей огневой поддержки. Я, может, и намылился бы в политики, Рин, но кто ж туда меня возьмет-то... А так буду вдвойне опасным стражем.

— Не убьешь нежить, так уболтаешь ее до смерти? — невинно уточнила я.

— Вот! Ты правильный напарник! Понимаешь меня с полу...

— ...шепота? — хихикнув, потому как подмывало что-нибудь ляпнуть, закончила я за приятеля.

Тут послышалось выразительное покашливание преподавателя. Кавье не любил, когда на его занятия адепты занимаются не предметом. Но, судя по тому, какой благосклонный взгляд магистр бросил в сторону Мора, приятель ему чем-то приглянулся. Причем не как сын канцлера, а как простой бедный студент, смелый и талантливый. Такой, кто хоть и дерзок порой, но однозначно не глуп. А ум Кавье уважал так же сильно, как не терпел дурость.

Мор меж тем глянул на меня, помотал головой и, наклонившись, надел ботинок.

За практикум нам с напарником поставили «Похвально» с восклицательным знаком. Хоть это было и не «Великолепно», но тоже неплохо.

И, радостные, мы устремились на лекцию по алхимии. На которой я узнала, что ничегошеньки не знаю. И хотя школьный курс я вызубрила превосходно, но дело было в том, что материал, который давали в столичной академии, был на порядок глубже. Я старательно все записывала и мысленно прикидывала, хватит ли мне в сутках часов, чтобы разобраться еще и с этим предметом. Порой, когда были мгновения передышки, я искоса глядела на своих однокурсников: кто-то из них так же, как и я, морщил лоб, силясь все запомнить, иные выглядели скучающими, словно уже давно все знали. Может, и правда?

Украдкой посмотрела на Мора. Он хоть и не зевал, но выглядел не сильно утомленным новыми знаниями. Хотя... может, они и не были для него таковыми. Все же сомневаюсь, что у сына самого герцога Толье были плохие учителя.

— Сделай вид, что для тебя это иерихейская грамота, — шикнула я на приятеля.

«Чего?» — одним взглядом спросил адепт.

— Выбиваешься из роли. Ты выглядишь так, будто все знаешь, а Дрон из провинции, для него половина материала новая.

Мор на это благодарно кивнул и в следующую секунду глянул на доску слегка ошалелым расфокусированным взглядом человека, пребывающего в легком шоке.

Как мне кажется, он переигрывал, о чем и сообщила ему, как только занятие закончилось. На что приятель, ничуть не смутившись, ответил, что просто в точности копировал меня. А затем уже серьезно спросил:

— Ты и правда не разбираешься в теме? Совсем?

— Нет, — призналась и добавила: — Кое-что я знаю, но... Между школьной программой провинциального города и столичной, оказывается, пропасть.

— Не пропасть, — вздохнул Мор. — Просто нам начали начитывать сразу второй курс. Потому как поступающие в лучшую столичную академию магии по умолчанию должны знать не только школьный курс, но и начальные основы высшей алхимии...

— Этого не было в буклете для абитуриентов, — ошарашенно протянула я.

— Но вопросы из алхимии были на экзаменах... — возразил Мор.

— Мы с ними удачно разминулись, — вспомнила я свой экспромт.

— Значит, самое время вам позаниматься. Могу в этом помочь.

Я чуть не запнулась: Мор что, предлагает себя в репетиторы? Здорово, конечно, но у меня создавалось такое ощущение, что приятель делает все, чтобы я была как можно большим ему обязана. Загоняет в моральные долги. И я, оказавшись в них по самые уши, не смогу ему отказать в какой-нибудь просьбе.

Потому как можно мягче, чтобы не обидеть Мора (а вдруг и правда у него благородный душевный порыв, а это я себе всякого нафантазировала), произнесла:

— Я сначала хочу попробовать сама...

— Точно? — вскинул бровь приятель.

— Да, — мужественно отказалась я, про себя прикидывая, как уговорить Лори объяснить мне то, что я не поняла в лекции.

Почему-то перед соседкой я стеснения испытывала. Решив, что спрошу ее сегодня же вечером, я поспешила сначала в столовую, а затем на тренировку.

А там меня ждал Бруквор. И пусть фингала у него под глазом уже и вправду не было, зато убийственный взгляд вполне себе имелся. Им он одарил всех и каждого из нас. И во время этой церемонии «награждения» отчего-то показалось, что на мне взор тренера задержался особенно долго. Я даже сглотнула от предчувствия крупных неприятностей.

Они и не преминули случиться, когда я, усталая и измотанная, шатаюсь, уже поплелась вместе с остальными адептами со стадиона.

— Адептка Роук, задержитесь.

Приказ преподавателя — закон. Его нельзя ослушаться, но поскольку я едва держалась на ногах, то подумала, что порыв ветра в таком стоянии может быть для меня фатальным. И я с размаха шлепнусь носом в грязь. Потому я кивнула Бруквору, мол, так точно, и... села.

Магистр же не уточнял, как именно его стоит ждать. Мор, Лис, Пират, а за последним и Никос — белокурая принцесска — тоже замерли на месте. Я оглядела свою нежданную группу аморальной (поскольку к морали цели двоих точно никакого отношения не имели) поддержки.

Мор — понятно, почему остался: все же я его напарница. Рыжий с Мином тоже — показать себя благородными рыцарями и через это самое благородное выбить для себя возможность приступить к первичной фазе размножения под кодовым названием «свидание».

А вот белобрысый-то что тут забыл? Судя по всему, дружбу Пирата. Потому как принцесска с укоризной смотрел то в сторону приятеля, то на меня. Причем выражение его взгляда для нас с Пиратом было одно и для Николь Роук, и для Минига, чья серьга флибустьера сверкала в особенно ярко в осенних лучах выбившегося из-за туч на пару минут солнца.

— А вы, девочки, что тут забыли? — подходя к нашей компании, поинтересовался Бруквор.

Преподаватель был столь же хмур, как и тучи, ходившие по небу и грозившие вот-вот разверзнуться на наши головы проливным дождем.

— Адептку Роук, — бодро за всех ответил Мор. — Она же в таком состоянии не сможет дойти до общежития. Разве что доползти. И то к вечеру. Если не помрет по дороге. А нам не хочется потом закапывать

труп... Мы своих не бросаем! А у нас группа дружная! — исправившись в последний момент, гордо возвестил приятель.

И мне самой его захотелось прикопать. Только я не знала, где тут, согласно уставу академии, принято прятать бездыханные тела.

— Не переживайте, я, если что, сам ее закопаю, — пообещал тренер. И гаркнул: — Свободны!

Парней не то чтобы ветром сдуло, но покинули полигон они быстро.

А тренер, глянув на меня сверху вниз, видимо, решил, что ставить такую дохлятину, как я, на ноги бесполезно, и, присев на корточки так, что наши лица оказались почти на одном уровне, поинтересовался:

— Николь, я понимаю, что вы меня ненавидите. Меня как тренера все адепты вплоть до первой полевой практики ненавидят. И даже то, что вы столкнулись со мной вчера на аллее — саданули в глаз... Моя вина: не успел среагировать. Но зачем было пускать сплетню, что у меня любовница — герцогиня? Сейчас ворота академии осаждает толпа газетчиков, желающих узнать имя какой-то там герцогини... Признаться, мне еще никто из адептов ТАК не смог насолить...

Я лишь икнула. Ничего себе, как быстро распространяются сплетни!

— Роук. Вам бы подрывную деятельность в стане врага вести. Как диверсанту — вам цены бы не было... Но в таком случае физическую подготовку надо однозначно подтягивать... Дополнительными занятиями. Скажем, после пяти вечера на полигоне. С вами в компании будет еще парочка весьма перспективных и талантливых адептов.

Мысленно застонала.

И кто из нас после этого умеет более изощренно мстить, спрашивается?

Я постаралась отказаться от столь щедрого предложения и объяснить:

— Понимаете, мы... то есть я, — поправились, чтобы не впутывать сюда еще и Лори с Дарой, но, судя по тому, как на миг дернулись уголки мужских губ, Бруквор был в курсе имен моих «подельниц», но я решила стоять на своем: — Сделала это дважды не умышленно. Первый раз — когда вылетела из кустов. Я всего лишь очень боялась опоздать в общежитие. Не хотелось ночевать на улице. А во второй — сегодня утром, когда по академии пополз слух, что вас

кто-то смог побить. И я решила, что версия, что на вас напала толпа наемников, поднимет ваш авторитет. Это все же лучше, чем если бы все узнали, что...

— ...грозного тренера поколотила какая-то пигалица? — закончив за меня, усмехнулся Бруквор.

Я согласно кивнула.

— Знаешь, Роук, я тебя убедительно прошу: больше не пытайся спасти мою репутацию. Слухи о том, что я не непобедимый, пережить гораздо легче, чем толпу писак. Они же как тараканы! И наглее любых адептов. Сегодня одна журналистка умудрилась пробраться даже ко мне в душевую...

Я представила себе картину и не удержалась от смешка.

— Тебе весело, а мне пришлось угрожать иском о домогательстве, потому как эти писаки ничего другого не боятся. Даже смерти! Только юристов.

— И кто кого домогался? — спросила я, слегка осоловело моргнув.

Меня наградили таким взглядом, что я поняла: вариантов быть не могло. Лишить чести пытались нашего грозного и почти непобедимого тренера.

— Хорошо, я поняла. Вашу репутацию больше спасти не буду. Только вас самого, и то если вас на моих глазах будут пытаться убить.

Тренер моими словами проникся, вздрогнул и в сердцах произнес:

— Роук, даже если я буду умирать, пожалуйста, проходи мимо, не вмешивайся!

Я вздохнула с видом «ну как хотите»... А затем с кряхтением (не без помощи преподавателя) поднялась и пошкандыбала к выходу с поля. Вслед мне полетели слова, которые были почище многих проклятий:

— Завтра жду тебя на дополнительное занятие!

— Ы-ы-ы!!! — тихо взвыла я.

У этого моего проникновенного раненого зомби оказался свидетель — Мор. Он ждал меня чуть поодаль от выхода с полигона, под тенью кустов. Остальная моя группа поддержки разошлась. Видимо, испугались начавшего накрапывать дождя.

— Ну, чего он хотел? — любопытствовал приятель.

— Сатисфакции.

— Чего? — не понял Мор.

Пришлось рассказать, во что я успела вляпаться после того, как мы вчера с приятелем распрощались.

— М-да... — только и протянул адепт, почесав себе затылок.

Я усушала отчетливый скрип ломавшейся глиняной корки: чистым с тренировок Бруквора еще никто не уходил. Впрочем, дождь, зарядивший не на шутку, мог справиться на отлично с функцией душа. Потому мы, когда подходили к моему общежитию, были насквозь мокрые, но почти чистые. Я — так точно.

И, уже стоя на крыльце, приятель вдруг качнулся в мою сторону со словами:

— У тебя тут что-то застряло.

Его пальцы ловко скользнули по моим плечам, приобнимая. Лицо Мора оказалась в нескольких дюймах от моего, так что мужское горячее дыхание коснулось моего виска.

На долю секунды посетило странное чувство... Такое бывало у меня за миг до того, как случались неприятности: в животе словно все завязывалось тугим узлом. А в мозгу успевала промелькнуть мысль: «Влипла!»

Но это ощущение почти тут же исчезло. А спустя пару мгновений приятель отступил и продемонстрировал мне хойсу — мелкую полуразумную магическую тварюшку, размером не больше гусеницы. Обычно хойсы окукливались в середине последнего летнего месяца, взмывая в ночное небо ярко горящими ночными светляками. И их мерцающие тучи-стаи мигрировали по темному бархату неба, оставляя за собой след серебрившейся пыли. Травники и целители охотились за последней: та входила в состав лекарственных снадобий.

Но эта гусеничка, похоже, запоздала. Но, если выдастся пара теплых не дождливых дней, возможно, она еще успеет расправить крылья.

Мор осторожно посадил хойсу на веточку ближайшего куста, под лист, и хмыкнул:

— Я думала, ты закричишь. — И, увидев мой недоуменный взгляд, добавил: — Обычно все кричат.

— А это обязательно? — наигранно удивленно изогнула бровь. — Если этого требуют правила хорошего тона, я, конечно, готова...

Мор улыбнулся и прикрыл глаза.

— Ты удивительная, Ники. Я таких, как ты, еще не встречал... — Приятель посмотрел на меня долгим взглядом, в глубине которого плескалось что-то такое, чего я не могла понять. То, что проглядывало сквозь личину, и было настоящим Мором.

Мы замерли. Я — силясь понять, о чем сейчас думает адепт. А он... да демоны его знают! Вот только становилось все очевиднее: если мы проторчим под ливнем еще немного, то мои зубы начнут отплясывать джигу. Да и я сама начну дрожать.

Мор, кажется, тоже понял это, потому как произнес:

— Давай, не мерзни и не мокни. А то заболеешь еще.

И я, попрощавшись, резво взбежала по ступеням лестницы. Вахтер проводила меня неодобрительным взглядом, но на этот раз ничего не сказала. Только ее взор, словно прицел стрелка, без слов говорил: «Я слежу за тобой!»

Едва я оказалась в комнате, как дождь и вовсе полил сплошной стеной. Стихия разбушевалась. Я же приняла душ и засела за занятия, прикидывая, смогу ли добраться до теплиц на отработку. Хорошо, что хотя бы репетиции сегодня не было.

Дождь закончился спустя три часа, затопив едва ли не половину газонов академии. Вода в фонтане, что стоял перед центральным корпусом, почти выплёскивалась из чаши. А я лягухой поскакала в оранжереи, где и опрыскивала поющие бутоны у брассики — магически выведенной декоративной цветной капусты. К слову, ее мелкие кочанчики очень возмущались, стоило мне дотронуться у них хотя бы до одного листочка. И если одни просто бухтели, то другие срывались едва ли не на истерику. И это изрядно действовало на нервы.

Потому на ужин я пришла со слегка дергавшимся глазом. Впрочем, сытная вкусная еда подействовала на меня не хуже капель пустырника, и я успокоилась. И в комнату вернулась в благодушном настроении. А узнав, что и Лори пребывает в таком же, решила: это знак, чтобы напроситься на урок алхимии. Соседка к моей просьбе объяснить непонятные моменты отнеслась благосклонно. И мы просидели с Лори до вечера, разбирая зубодробительные формулы. А затем я принялась за рунологию и историю, пытаюсь восполнить пробелы знаний. Лишь когда часы показали два ночи, я решила, что на сегодня хватит.

На улице опять зарядил дождь, на этот раз не проливной, а мелкий. Он шел до самого утра. И хотя молва утверждала, что в такую погоду спится особенно сладко и крепко, я постоянно ворочалась. И это при том, что я жутко устала. Да и под утро привиделась мне редкостная дребедень.

Как будто под венец меня ведет Стилл, но у алтаря я поднимаю фату и вижу перед собой совершенно другого мужчину, чье лицо я, как ни силюсь, не могу разглядеть. Оборачиваюсь — а Дэн уже далеко. С другой.

Я силюсь вырваться, бежать. Сердце бешено стучит в груди. Воздуха не хватает. А вокруг — холодное пламя моего дара. От него веет метелью и лютной стужей, оно заковывает мое тело в льдистую броню. И от этих морозных доспехов, что льнут к моему телу, начинаю изнутри выстывать я сама. Мои чувства и эмоции превращаются в снежное крошево. И откуда-то приходит мысль: это навсегда. Отныне я буду такой — живой и холодной. Это настолько пугает, что я кричу...

Я проснулась от собственного крика и опять перебудила соседок. Подушкой мне не успело прилететь лишь по той причине, что почти тут же раздался звук побудки, но Дара все же заметила, что предпочла бы менее экстравагантные способы пробуждения, чем вопли. Я искренне заверила некромантку, что постараюсь. А Лори хмыкнула и прокомментировала:

— Дара, кажется, у тебя появилась конкурентка...

Что имела в виду алхимик, я так и не поняла. Зазвонил магофон. Это был Дэн. Очень злой Дэн.

— Ники, если ты все решила за нас, то почему не сказала мне?

— О чем ты? — не поняла спросонья я.

— О том, что ты целуешься перед крыльцом общежития с другим.

— С кем? — не поняла я.

— Вообще-то, это должен был быть мой вопрос, — холодно заметил Стилл. Я даже на расстоянии ощущала, в какой он ярости. — Мне передали снимок. Ты. Дождь и какой-то парень... так кто это?

— Это Мор. И мы не целовались! — выпалила я.

— По магографии этого не скажешь...

— По нашим с тобой отношениям тоже нельзя было сказать, что у тебя есть невеста, — парировал я, уязвленная ревностью Дэна. Это

оказалось очень неприятно, когда близкий человек тебе не доверяет.

— Ты решила так отомстить?

— Да ничего я не решала! — выпалила со злостью. — Мор просто проводил меня и... — «снял хойсу с плеча» я не договорила. Страж перебил.

— Это был Толье? — вопрос прозвучал для сына канцлера угрозой.

— Да, он. Но никакого поцелуя не было! — Мне захотелось пристукнуть Стилла трубкой, чтобы до ревнивца это точно дошло.

— И между вами ничего нет? — напряженно уточнил Дэн.

И я сглотнула. Потому что если бы ответила «нет», то солгала бы. Между мной и Мором были его тайна и моя клятва помочь ему ее разгадать.

И Стилл это почувствовал.

— Я все понял, — сухо произнес он.

Глава 5

Страж посчитал мое молчание за утвердительный ответ. И стало обидно до дикой, иссушающей душу боли. Я сглотнула, попыталась закричать, но в горле стоял ком. В трубке раздались гудки.

«Вот и все», — подумалось отстраненно.

А я стояла, не в силах не только пошевелиться — сделать вдох. Голова закружилась. Перед глазами заплясали черные мушки, а во рту откуда-то появился горьковатый металлический вкус.

Усилием воли я заставила себя втянуть воздух. Он прокатился по горлу, обжигая меня изнутри морозом. Зато вернулось зрение и слабость отпустила.

«Может, оно и к лучшему?» — подумалось вдруг. С рациональной точки зрения — да. У Стилла — невеста, он аристократ, и девушка из провинции ему не чета. Вот только сердце было с этим не согласно.

И оттого меня будто разрывало на две части. Я стиснула зубы, сжала кулаки. После. Обо всем подумаю после. А пока...

Пока за спиной хлопнула дверь и в комнату, смеясь, ввалились Дара и Лори, умывшиеся и столь жизнерадостные.

— Что стряслось? — лишь бросив на меня взгляд и задержав тот на магофоне в моей руке, обеспокоенно спросила рыжая. — На тебе лица нет. Мы можем чем-то помочь?

— Слава двуединой силе, никто не умер, чтобы требовалась помощь некроманта, — проговорила я, и собственный голос показался каким-то карканьем.

Кучеряшка тут же шумно выдохнула и, притворив дверь, поинтересовалась:

— Раз все живы, то что бы ни произошло — это уже не беда, а проблемы. А их можно всегда решить.

Тут с алхимиком трудно было не согласиться. Лори, чей отец долго находился в казематах, знала, о чем говорит. И я, взглянув на нее, подумала, что кучерявая права: главное, все живы. А что до моего

сердца, которое готово сдохнуть... Оно успокоится. Со временем. Наверное. А пока же попросила у соседки успокоительной настойки.

Лори не только вручила бутылек, но и самолично из него накапала — в ложку и мне на мозги. Последнее — в лечебно-профилактических целях, чтобы я себя не накручивала и не перенапрягалась сегодня. Все же у меня высокий магический потенциал. Так и до выгорания недалеко.

И хотя алхимик не знала о наставлениях лекаря, который выписывал меня из больницы, но повторяла его напутственную речь буквально слово в слово.

На завтрак, а затем и на занятия я шла сомнамбулой. Но самое удивительное, что именно это заторможенно-отстраненное состояние на практикуме по стабилизации магического потока помогло мне первой идеально выполнить задание. Луч, выстреливший из моих ладоней, сформировался удивительно быстро и попал точно в цель. Но даже высший балл и похвала от преподавателя оставили меня абсолютно равнодушной.

Благодаря настойке я двигалась, разговаривала, не скатываясь в истерику. Но я концентрировалась на каждом жесте, вздохе, чтобы контролировать собственное тело, которое жило, казалось, своей, отдельной от меня жизнью.

И отчасти эта вынужденная концентрация на каждом мгновении спасала от мыслей о Дэне. И даже на тренировке, когда нас все занятие заставили лишь бежать с полной выкладкой, я показала неплохой результат: сама добралась до финиша. Механически, слегка дергано. Но я не чувствовала ни боли, ни усталости. Хотя они наверняка были.

Бруквор, неодобрительно смотревший на меня все занятие, подошел после него и мрачно сообщил:

— Сегодня, адептка Роук, вы можете не приходить на дополнительную тренировку.

Я посмотрела на него. Моя голова при этом повернулась резко, как у шарнирной куклы.

— Почему? — задала я вопрос. Признаться, я бы с удовольствием провела на полигоне весь день. И всю ночь. Бежала. Бежала. Бежала... Потому что движение давало мне возможность забыться. Хотя бы на время.

— Не знаю, что за бодрящий эликсир вы принимали, но больше так делать не советую. С магией и собственным телом не шутят.

— Я пила успокоительную настойку, — пришлось признаться.

И тут брови Бруквора поползли вверх.

Видимо, с таким видом допинга тренеру сталкиваться не приходилось.

— Все равно сегодня отдыхаешь, — отрезал Бруквор.

И, не прощаясь, резко развернулся и пошел прочь.

А я осталась стоять. Лишь спустя минуту, когда ко мне подскочил Мор, который весь день сегодня пытался меня растормошить, поняла, что стою и бездумно пялюсь вслед тренеру. Кажется, даже на его... кхм... пятую точку.

— Ты сегодня сама не своя, Рин, что случилось? — беря меня за руку, спросил приятель и повел к выходу с полигона.

Мы были последними: группа давно уже ушла. Сегодня, для разнообразия, не сильно-то и изгвазданная в грязи, все же отжиманий и полосы препятствий не было. Лишь бег, за все время которого даже ни разу не упала...

— Что случилось? — вновь стал допытываться приятель, когда мы шли по дороге к кипарисовой аллее.

— Ничего смертельного. — Я прикрыла глаза. — Мор. Я хотела бы побыть одна.

Друг без слов кивнул, сжал мою руку, а затем произнес единственную фразу:

— Если что, знай: я всегда рядом.

— Спасибо, — поблагодарила я, и он пошел прочь.

А я побрела дальше, опустив голову вниз и особо не разбирая дороги. Кто-то проходил мимо или обгонял. Но я этого не замечала. Ровным счетом до того момента, как макушкой не врезалась в чью-то грудь.

А в следующую секунду меня обняли руки. Сильные и такие знакомые. Я вскинула голову и встретилась с хмурым серьезным взглядом того, кто успел мне стать так дорог.

— Ты?! — вырвалось у меня ошарашенное.

— Я, — согласился страж.

Моя рука сама легла на мужскую грудь, скользнув под полу распахнутой куртки. И пальцы ощутили под тканью футболки повязки.

— Но ты же должен... — начала я, понимая, что этот ненормальный, поправ все лекарские предписания, просто сбежал из палаты.

— А еще я должен услышать от тебя, глядя глаза в глаза, что ты решила со мной расстаться.

— А если услышишь? — Я сглотнула.

Повисла пауза. Напряженная. Казалось, задрожал сам воздух. И нервы, что были натянуты канатами над пропастью из отчаяния и боли.

— Даже если услышу, все равно не отступлю, — вдруг упрямо выдохнул Дэн. И судя по тому, каким обескураженным он выглядел, признание получилось неожиданным даже для него самого. Но он сжал губы и, на миг прикрыв глаза, словно решился идти до конца, добавил: — Потому что я тебя люблю. А еще я эгоист. Потому не могу отпустить тебя просто так.

— И не отпускай, — выдохнула я, понимая, что только сейчас, в его объятьях, я снова начала жить, а не существовать.

— Так ты расскажешь, во что успела ввязаться без меня? И почему этот заморыш лапал тебя под дождем?

— Знаешь, меня больше интересует, кто у нас такой талантливый магограф, что умудрился простые дружеские объятия превратить в поцелуй, да еще так оперативно доставить тебе снимок? — вопросом на вопрос ответила я.

— У меня есть предположения... — хмуро отозвался Стилл, и в его глазах блеснули решимость и холод стали.

Скорее всего, наши с Дэном мысли были схожи и мы оба подумали о НЕЙ, но... я, вычисляя ликвидатора, уже успела убедиться: можно запросто ошибиться в любом, даже кажущемся единственно верном предположении, поэтому произнесла:

— Мы можем поймать этого типа на живца. Я могу спровоцировать сцену неверности. И могу побиться об заклад, через пару часов тебе уже будут передавать снимок. Нужно только подловить посыльного и допросить. Чтобы наверняка...

— Нет! — решительно выдохнул Стилл и стиснул зубы. — Провокация в твоём исполнении одного конфликта и трех смертей не стоит.

На мгновение я даже призадумалась: как на подобную фразу реагировать? Это, вообще, оскорбление? Или комплимент? На всякий случай гордо замолчала.

И опустившаяся на нас двоих тишина в опустевшей аллее приобрела какую-то особую значимость.

Дэн обнял меня и прошептал, уткнувшись носом в мою макушку:

— Я за тебя переживаю, Ники. А еще одна мысль о том, что рядом с тобой находится этот Толье, просто выводит меня из себя!

Мне хотелось сказать, что теперь, когда меня перестали считать чьей-то пассией и ставленницей, вокруг скромной особы Николь Роук крутится чуть ли не половина группы. Один Пират с его целеустремлённостью тарана чего стоит. Но не думаю, что Дэну, который держался, стоя рядом со мной, на одном своем упрямстве, сейчас стоило это знать.

Словно в подтверждение моим словам, Стилл пошатнулся, но выровнялся.

— Ты же на ногах не стоишь, — выдохнула я потрясенно.

— Я прекрасно себя чувствую. Просто отлич... — страж не договорил, начав терять сознание, навалился на меня.

— Демонову мать! — успела выругаться я про себя, пытаюсь не упасть под тройным весом: почему-то Стилл показался мне гораздо тяжелее, чем выглядел.

Может, дело было в том, что тело парня состояло из мышц, которые гораздо тяжелее жирка. Или я после тренировки оказалась измотанной, но...

— И почему я не влюбилась в тщедушного низкорослого коротышку? Такого было бы куда проще до скамейки дотащить! Закинул на плечо и поволок... — выдохнула я, сдувая светлую выбившуюся прядь, которая так и лезла в глаза.

И тут я почувствовала, как под рукой, которую я упирала в грудь стража, становится влажно.

Я отняла ладонь и увидела расплывшееся на футболке алое пятно. И тут я испугалась. По-настоящему.

Порой страх прорастает в человеке, пускает корни, медленно проникая во все его существо. Иногда он подобен ступеням подвала, в который спускаешься. И с каждым шагом паника внутри тебя нарастает. Так вот со мной ничего подобного не было. Ужас прошил

меня с макушки до пяток, словно молния. Я почувствовала, как задрожали руки, как магия, наплевав на все успокаивающие зелья, рванулась навстречу Дэну... А я смогла выдохнуть лишь одно:

— Не смей умирать!

Вокруг, как назло, все будто вымерли! Я лихорадочно оглянулась, но звать на помощь было просто некого.

Откуда взялись силы — я не знала, но я за несколько секунд смогла дотащить неподъемное до этого тело до скамейки, а затем, трясушимися руками набрала номер экстренной лекарской помощи.

Теряя драгоценные мгновения, описала ситуацию и услышала спокойно-размеренное:

— Целительская карета неотложной помощи выехала. Ожидайте. Если вы маг, то можете попробовать исцеляющие заклинания...

На это я едва не закричала в магофон. Сила-то у меня была. Но как ей пользоваться, чтобы не навредить... Я не знала.

Но был тот, кто знал. И он наверняка не так далеко и ушел. Я позвонила Мору. И приятель, только услышав мой голос, спросил единственное:

— Ты где? — И повесил трубку.

Внутри все оборвалось: неужели ему просто некогда?

Но, оказалось, я плохо думала о двуликом приятеле. Он выскочил из кустов так, что стало понятно: мчался напролом.

Увидев меня и Дэна, Мор цветасто выругался и скомандовал:

— Беги за целителем из лекарского отделения. Я попробую остановить кровотечение.

Точно! Испугавшись за Дэна, я совершенно забыла о том, что в академии есть свои маги жизни, которые ежедневно лечат не в меру активных адептов.

Стремглав понеслась к двухэтажному корпусу, край крыши которого был виден из парка. Я смутно помнила, как не бежала, а почти летела над землей, как ворвалась в целительское отделение, как встряхнула за грудки неторопливого лекаря и как тот, едва узнав, что адепт истекает кровью, гаркнув: «Показывай где!» — помчался за мной, потеряв на ходу колпак.

Я побежала обратно и вылетела на аллею, оставив позади целителя. И услышала злой голос Дэна, заставивший меня застыть на месте.

— Ники — моя! Не смей...

— Я не привык менять свои планы, — перебил Мор и добавил: — Тем более сейчас, когда я больше тебе ничего не должен: ты спас жизнь мне, я сегодня — тебя. Мы в расчете...

И тут Толье осекся, увидев меня.

Целитель же, увидев, что пациент хоть и умирает, но не очень активно, а скорее даже отвлекаясь от процесса и филоня, облегченно выдохнул. И уже нормальным шагом приблизился к скамье, оттеснив с той Мора. Осмотрел разошедшуюся рану Дэна, которую при помощи магии затянул Толье, и похвалил того за правильные действия. А затем приступил собственно к исцелению удравшего из лечебницы адепта.

Когда к академии прибыла вызванная бригада врачей, Стилл был уже в относительном порядке. И даже смог (не без помощи лекбратьев, что держали его под мышки с двух сторон) дохромать от аллеи до кареты целительской быстрой помощи.

Правда, пожилой маг жизни, узнав, что Дэн — тот самый сбежавший пациент, которого полдня разыскивало все отделение, без слов достал из кармана пузырек, открыл его, отчего вокруг разнесся запах валерианы и пустырника, накапал в винтовую крышечку от бутылка настойки и опрокинул в себя. А потом принялся капать, но уже не лекарство, а просто — капать, зато прямо на мозги или что там было в голове у безответственного адепта. Потому как Дэн не только сорвал план лечения себе, но и психику заведующему отделением. Потому что сегодня оказался день побегов. Из палат интенсивной терапии исчезли сразу пятеро пациентов.

— Вы что, сговорились? Или у некромантов сегодня акция какая: пять трупов по цене четырех? — проворчал пожилой целитель.

— Почему акция? — непонимающе спросил Дэн.

— Да потому, что тебе, дорогой мой олух, с твоим диагнозом нормально и без происшествий светило дойти разве что до кладбища. Сильно повезло, что рядом оказались те, кто смогли помочь. Иначе был бы ты, как твой товарищ по сегодняшнему коллективному забегу, трупом.

Целитель еще долго отводил душу, рассказывая, что сегодня удрало сразу несколько пациентов.

Один, желая разбогатеть, понесся делать ставки на бегах, когда скакуну под номером семь дали бодрящего эликсира. Он, как и лошадь

в той злополучной гонке, до финиша не дошел.

Два брата-близнеца удрали из палаты, потому что сегодня была свадьба их лучшего друга. Подарка в виде двух трупов невеста явно не ожидала.

Еще одна беглянка оказалась поклонницей лунной неги — дурманящего порошка. И сегодня банально сорвалась — отправилась к своему приятелю, который ее на эту пакость и посадил. Но умерла она, так и не дойдя до своей цели. Ее сбила машина.

И лишь Дэн оказался до демонов везучим. Хотя, слушая нотации пожилого лекаря, страж сейчас об этом явно сожалел. Стилл выразительно морщился, но молчал, лишь перед тем, как сесть в фургончик, повернулся ко мне и произнес:

— Ники, дождись меня.

— Обязательно, — с трудом выдохнула я.

В горле стоял ком, руки еще все подрагивали от осознания того, что я едва не потеряла Дэна. Навсегда. И эти переживания вытеснили те, другие, что жгли мою душу изнутри с самого утра. И сейчас было ощущение, что из меня вынули стержень. Тот, на котором механическая кукла по имени Николь Роук держалась весь этот день.

Машина уехала, увозя с собой бледного, обескровленного Дэна. Провожала его успевшая собраться толпа зевак из адептов и преподавателей.

А я вдруг пошатнулась. Меня тут же подхватил под руку Толье.

— Ники, что с тобой?

— Знаешь, Дрон, у меня хоть и крепкая нервическая система, но сейчас я бы не отказалась прилечь в обморок.

— Понял, — тут же отозвался Толье и как на буксире потянул меня вон из толпы.

Лавочек рядом не оказалось, но зато невдалеке был фонтан. На его-то бортик я и присела. И когда голова перестала кружиться, а мысли обрели ясность, я сначала, как приличная девушка, поблагодарила приятеля, а потом, как совершенно неприличная, устроила небольшой скандал. И начала его с фразы:

— И что это было?

— Я спас Стилла, — не моргнув глазом отозвался одноклассник.

— Ты понял, про что я, — выпалила, закипая.

— Про что? — Роль непроходимого тупицы Толье играл отлично. Как посмотрю, приятель был вообще очень разносторонней и талантливой личностью. Ему как актеру, шпиону или юристу цены бы не было.

— Про твой разговор с Дэном на скамейке. — Я, развернувшись к сидевшему рядом другу, зло прищурилась.

— Он касается лишь меня и Стилла.

— Но речь в нем была обо мне! — я сорвалась на крик. — И давай я сама буду решать...

— Хорошо, — перебил меня Мор и поднял руки в жесте «сдаюсь». — Я, кажется, тоже погорячился и перегнул. Предлагаю перемирие и лишь партнерские, деловые отношения. Идет? — И он протянул открытую ладонь для рукопожатия.

Вот как у него так получалось? Еще пару мгновений назад я была готова взорваться, но этот хитрый тип умудрился всего парой фраз заставить меня если не остыть, но хотя бы перестать желать его придушить.

Я помедлила.

— Ники, мы не должны сейчас концентрироваться на наших эмоциях. Ни я, ни ты. Иначе упустим время...

Я вспомнила о моей клятве. И о том, что в случае, если нам не удастся найти того, кто шантажирует отца Мора, могут погибнуть тысячи, а то и сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Я прикрыла глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Мор, как бы мне его ни хотелось стукнуть, был прав.

— Хорошо. Извинения приняты, — с этими словами я пожала руку слегка ошалевшему Толье, крепкая мужская психика которого разбилась вдребезги на виражах моей женской логики.

— Отлично, тогда я буду ждать тебя в шесть вечера у входа в главный корпус, — заявил Мор и пояснил: — Будем восстанавливать хронологию того дня, когда пропала моя тетушка.

— Знаешь, у тебя в шесть по расписанию, может, и подвиги, раскрытие политических заговоров... а у меня грядки! — припечатала я. Увы, отработку никто не отменял.

— Какие? — не понял приятель.

— Непрополотые. Так что сначала сорняки, а потом уже спасение мира.

— Договорились, — вынужденно вздохнул Толье и предложил: — Давай я тебе помогу в оранжерее?

Я глянула на абсолютно серьезного Мора. Он выглядел как ликвидатор, берущий заказ на оптовое убийство. То, что жертвами должны были стать сорняки, — сущая мелочь.

— Идет, — согласилась я.

Мы условились встретиться в шесть у оранжереи. А сразу после — отправиться женское общежитие. В комнату, где когда-то жила юная тетя Мора — Лирин.

В положенный час приятель пришел, как и обещал. Штопс выдал разнарядку и покосился на моего провожатого и помощника, словно оценивая, сколько тачек с землей тот может увезти. Я едва не прыснула, еле сдержав улыбку. На днях впервые за тятку взялся напояженный фронт Триль Лунис. А сегодня и вовсе наследнику древнего рода, сыну второго человека в стране предстояло познать все тонкости подкормки ловчих лиан навозом.

Мор морщился, но мужественно переносил все тяготы садоводства. Но из оранжерей вышел с твердым убеждением, что лучше карцер или переломы с лечебным корпусом академии, чем эти изуверские пытки.

— Будешь себя хорошо вести, чтобы не нарываться на штрафы? — я не смогла удержаться от ехидства.

— Образцово! — с горячностью студента, готового на все ради диплома, даже учиться, ответил Мор.

— Тогда у меня для тебя плохие новости: мы сейчас идем как раз нарушать устав академии. И за это светит как раз отработка.

Приятель задумался, видимо прикидывая перспективы, и резюмировал:

— Нет, желание попасть в женское общежитие все же выше моего страха, — и так серьезно это произнес, что сразу стало понятно: паясничает.

К слову, в столь желанное для приятеля место он забрался по веревке, которую запасливо прихватил с собой. Окна первого этажа бдительно оберегались охранными заклинаниями от ушлых и любвеобильных адептов, поэтому Морю пришлось попотеть, забираясь на второй этаж.

Мы оказались в сушильной комнате. Здесь было жарко, сухо и рядами на веревках висело белье. Приятель вместо того, чтобы сразу ринуться в коридор, начал выбирать себе... халатик! И полотенце к нему в тон.

Когда я шикнула на аристократа-фетишиста, тот проворчал:

— Не могу же я навешивать иллюзии одна на другую! Они сбиться могут.

И, цапнув с веревки халат, он облачился в длинное нечто с рисунком из пионов на ткани. Зато полы одеяния почти волочились по кафелю, закрывая ботинки. Тюрбан из махрового розового, в ромашку, полотенца довершал картину.

— И как я тебе? — кокетливо поинтересовался Мор.

— Впечатляюще, — ответила, не уточнив, какое именно впечатление произвела на меня эта импровизированная розовая клумба.

Приятель понятиво хмыкнул, догадавшись о моих истинных мыслях, и мы отправились в коридор. Как оказалось, мисс Толье исчезла на первом курсе, когда по правилам академии все студенты, вне зависимости от состояния и титулов, должны были проживать в общежитии.

Ее комната была на верхнем этаже, куда мы с Мором добрались для разнообразия даже без приключений. И, только оказавшись у двери с нужными литерами, поняли, что случилась незадача.

Комната оказалась не пустой: из-за створки доносился залиvistый смех.

— Демоны! Я же узнавал специально. Сейчас у одной должен быть факультатив по нежитеведению, у второй — свидание.

И столько возмущения прозвучало в голосе приятеля, словно он сам лично у первой расписание дополнительных занятий передвинул и у второй парня подкупил, чтобы тот совершил моцион по парку с нужной Морю девой.

— Одна прогуляла, вторая отшила. Делов-то... — предположила я.

— И вот как с вами, девушками, можно что-то нормально запланировать?! — задал риторический вопрос приятель.

— Это ты еще не знаешь, насколько мы страшны своей импровизацией... — Я оскалилась. И решительно постучала в дверь.

Глава 6

Ударив костяшками о дерево, я поинтересовалась:

— Ты в курсе хотя бы, как их зовут? — И кивнула на створку.

Мор чуть поморщился, видимо обращаясь к чертогам разума, и выдал:

— Матильда и Бани.

— Хорошо, что не Зая и Детка, — съехидничала я, припомнив об особенностях мужской памяти на женские имена: некоторые представители сильной половины человечества их не запоминали от слова совсем, обходясь исключительно прозвищами. Видимо, это был такой вид интеллектуальной аллергии. Абсолютная непереносимость определенных слов.

— Язва, — тут же выдал приятель.

И этот туда же.

Больше мы ничего не успели друг другу сказать. Дверь распахнулась, и на пороге возникла девица столь пышных форм, что еще немного — и они будут не мужской мечтой, а уже слегка кошмаром. И такие роскошные формы нужно было поддерживать. Усиленно питать их... Вот адептка и питала, судя по пирожку, который она держала в одной руке. Под мышкой второй был зажат какой-то модный журнал. На голове у студентки красовались бигуди, а лицо покрывала огуречная маска.

Ясно, девушка решила отдохнуть. А это значит, заставить ее выйти из комнаты может лишь какая-то очень веская причина.

— Чего тебе? — не очень-то дружелюбно поинтересовалась она и подозрительно зыркнула на Мора в тюрбане.

Тот, не будь дурак, сразу сделал вид, что он меня впервые видит и вообще он — хотя с учетом нынешнего облика приятеля правильной говорить она — шел по делам. Настолько мимо, насколько это возможно.

И виляя... кхм... интенсивно покачивая бедрами, Мор засеменял прочь.

— Ты Матильда? — я тоже не стала церемониться.

— Ща, сек, позову, — отреагировала адептка и, повернувшись, зычно крикнула:

— Мотя, это к тебе!

— Если это Дин, скажи, что меня нет. Я умерла. И ушла. И вообще, как этот подлец может заявляться ко мне после всего?!. — раздалось из глубины комнаты истеричное.

Так, зато теперь стало понятно, почему одна не пошла на свидание.

— Это не твой кобель, — опровергла ошибочное заявление соседки моя собеседница. — Это девица какая-то.

— Его? — вновь прозвучал откуда-то из-за спины пышки заплаканный голос.

— А я почему знаю? На ней не написано, — так, словно меня тут и вовсе не было, флегматично отозвалась адептка. Откусив пирожок, она уточнила: — Ты кто?

— Да меня к Матильде ее подруга послала. Ну такая... — Я неопределенно махнула рукой, показывая какая. Причем так абстрактно, что под описание могла бы подойти любая. Хоть ректор академии. Или даже тренер Бруквор. — Сказала, что прям срочно, важнее, чем все Дины, вместе взятые.

— Баженка, что ли, прислала? — Тут же рядом с фактурной пышногрудой адепткой возникла вторая. Судя по всему — Мотя. Она была настолько худой, что при одном взгляде на ее субтильную фигуру обладательницу той сразу же хотелось накормить. Но при этом на стройняшке было модное платье. А волосы уложены в стильную прическу.

И тут родилась она. Идея!

— Что Бажена хотела? — меж тем требовательно спросила Мотя.

— У нее магофон сел. Вот она и послала сообщить о распродаже. Счастливей час. Скидка в девяносто пять процентов на всю осеннюю коллекцию в магазине дизайнерского дома Норими. — Я напрягла память, припоминая название вывески магазина элитной одежды, мимо которого мы с Силь проходили по пути в академию.

Помнится, тогда обе залипли у витрины. Подругу поразило шикарное платье. Меня — его цена.

Слезы в глазах стройняшки тут же высохли. Их сменил блеск азарта.

— Там, правда, очередь на квартал растянулась. Но Бажена уже в ней стоит. И мое место держит. Тебе вот заняла и сказала поторопиться, пока все не разобрали...

Я в лучших традициях рекламиста напирала на: «Здесь, сейчас, торопись, а то упустишь. Такой шанс, может, раз в жизни выпадает...» Сработало!

Матильда, смахнув с лица остатки слез, метнулась вглубь комнаты, подхватила сумочку, надела туфли на высоченной шпильке и сорвалась в забег к девичьей мечте по скидке в девяносто пять процентов. Я же под бдительным взглядом пышки сделала вид, что тоже поторопилась за Мотей.

Дошла до угла, за которым меня ждал мрачный Мор.

— Ну, от одной мы, допустим, избавились. Но вторая-то не клюнет уже на подобное. Да и нас обеих она уже видела.

— Не переживай, — отмахнулась я. И начала вслух медленно считать: — Пять. Четыре. Три. Два...

До одного не дошла. Дверь распахнулась, явив миру пышногрудую Бани. Провокационное алое платье с запахом давало возможность лицезреть два высших образования, которые у пышки имелись и без всякого диплома. Волна волос, которые спешно покинули бигуди, спадала на плечи. Лицо после огуречной маски сияло.

Одним словом, это была красавица самых смелых мужских грез, в полном женском боевом доспехе. И она отправлялась на битву. На битву за место в очереди на распродажу.

Бани стрелой пронеслась мимо нас с Мором. Мы лишь створкой дверного проема в коридоре успели прикрыться, как любовники, застигнутые рогатым супругом, краем одеяла. Но пышка нас даже не заметила. Сейчас она была в режиме: вижу цель, не вижу препятствий, а если они попались мне под ноги, то сами виноваты.

Когда же мы выбрались в коридор и дошли до вожаемой двери, я иронично произнесла, указывая Морю на запирающее заклинание:

— Прошу.

— Хорошо, что не приказываешь... — пробормотал приятель и, распахнув полу халата, выудил из кармана брьюк взламывающий амулет.

Приятель действовал настолько ловко и уверенно, что закралось подозрение: в домашнюю программу обучения аристократов явно, кроме этикета, языков и наук, входят еще искусства фехтования, музицирования и взлома.

Запирающее заклинание мигнуло, сдаваясь натиску артефакта, послышался щелчок, и в следующий миг мы оказались внутри.

Маленькая девичья комната после экстренных сборов двух девиц напоминала большой такой апокалипсис. Особенно Мора впечатлило красное кружевное неглиже на люстре.

— М-да, — прокомментировал Мор.

Мне было интересно, какие улики он сможет найти в комнате, где за почти три десятка лет успела смениться целая вереница жилищек?

Но приятель и не собирался ничего искать. Он занялся напольной живописью, шустро начертив пентаграмму. Расставил по ее лучам загодя припасенные артефакты и скомандовал:

— Становись рядом со мной, в центр. Сейчас мы прогуляемся во времени.

Я перепрыгнула через линии и оказалась на небольшом пятачке круга. Мор пожадничал мела — рисунок вышел небольшим, и, чтобы не заступать за границы силовых линий, приходилось ютиться и прижиматься друг к другу.

— Не мог сделать побольше.

— Побольше... — проворчал друг. — Тогда и магии нужно прорву, и удержать плетение сложнее. А нам не во вчерашний день заглянуть нужно.

— А что, когда твоя тетя пропала, такой ритуал следователи не проводили? — задала я закономерный вопрос.

— Проводили. Но в отчете написано: накануне пропажи ничего особенного не произошло, — он произнес это столь сухим, я бы сказала, канцелярским тоном, что сразу стало понятно: цитирует какой-то протокол. — В тот день тетя моя проснулась, умылась, оделась, пошла на занятия. Вернулась вечером. Читала. Судя по всему, конспект. Потом что-то из него выписывала. Потом смяла и сожгла

записи. Задернула шторы так, что комната погрузилась во мрак. А утром ее постель была пуста. Поэтому я хочу увидеть все лично...

Мне и самой стало интересно, что же могло приключиться с адепткой. Неужели ничего не выдавало ее волнения, она не предчувствовала...

— Не пихайся, — цыкнул на меня Мор и начал нараспев читать заклинание.

Я еще никогда не ныряла во временной поток. Ощущения были странными, словно мы в огромной колбе погружаемся на глубины. Вокруг стремительно проносились смазанными силуэтами рыб тени прошлого. Причем их действия шли в обратном порядке. Слышался чей-то приглушенный смех, рыдания, споры.

Да, стены этой комнаты повидали многое: и счастье, и отчаяние, и веселье, и грусть... Мы падали камнем на дно прошлого. И когда уже показалось, что этот полет не закончится, ударились о точку бытия.

Тот самый день. Сначала события в нем шли наоборот, затем и вовсе остановились. И начался их обычный ход. Я увидела девушку. Правильные черты лица, темные локоны и контрастировавшая с ними алебастровая кожа. Умные глаза и серьезное выражение лица. Она явно не витала в облаках, о чем-то вдумчиво размышляя.

Неторопливые выверенные движения, прямая осанка. Такую редко кому дает природа. Скорее она — результат многочасовых тренировок. Как и плавная походка этой юной леди.

Все происходило в точности, как Мор говорил. Умылась, оделась... И даже когда пришла, сев за конспект. Вот только меня чуть насторожила толщина тетради... словно она была обложкой для чего-то другого. Но в мутных тенях размытого прошлого легко ошибиться. А подойти, чтобы отогнуть страницы, не было никакой возможности.

А вот когда девушка села «делать пометки из лекции», я удивилась.

Она выводила в столбик даты:

«6 интарна 4975 года

12 нисара 5678

5 айбрана 5883

22 дейхира 5990»

В самих них не было ничего необычного: каждый адепт должен был знать историю магии, в том числе и когда произошли самые

разрушительные выбросы магии.

Вот только в этом столбце тетя Мора почему-то забыла написать о природном выбросе силы, случившемся на пустынном плато в Минсе. Он произошел двенадцатого мейхава в пять тысяч восемьсот восемьдесят шестом. А также девушка пропустила резкое изменение магического фона из-за неудачных испытаний артефакта рядом с моим родным городком. Тогда ударной ментальной волной накрыло сотни миль. В общей панике погибло много людей. Я тогда была совсем крохой и знала о случившемся лишь из рассказов родителей. Но дату восьмое лунаса пять тысяч восемьсот восемьдесят девятого года запомнила навсегда.

Неужели такая педантичная и внимательная леди, какой мне показалась юная тетя Мора, могла забыть об этих двух бедствиях?

А рука Лирина меж тем дрогнула, так и не выведя последнюю дату. Она оторвала взгляд от листка. В ее глазах дрожали готовые сорваться слезы... А затем она резко отбросила карандаш, которым делала запись, схватила листок, смяла его и, сжав в руке, спалила с помощью заклинания. Даже пепла не осталось.

Захлопнув тетрадь, девушка порывисто встала из-за стола, словно решив что-то для себя. А затем задернула шторы, погасила артефакт-светильник и, судя по звукам, начала собираться ко сну. Или сделала все, чтобы наблюдатели так подумали.

Не знаю, но почему-то внутри меня росла убежденность: Лирин знала, что за ней следили. Не из будущего, как мы, проматывая время вспять, а в тот момент. И чего-то очень боялась.

Возможно, этой ночью кто-то выкрал ее, используя заклинание кромешного мрака и полог тишины. Или ночь выдалась безлунной, а над кроватью кто-то смог раскрыть портал...

Так или иначе, мы с Мором ничего не увидели, кроме кромешной тьмы. Лишь под утро, когда свет начал пробиваться из-под плотно задернутых штор, проступил силуэт расправленной пустой кровати.

Приятель, увидев его, выругался. А затем время вновь начало стремительно ускоряться, чтобы выкинуть нас в нынешнюю реальность.

Ощущения от того, что в пентаграмме нас волоком протащили через тридцать лет, были незабываемыми. Лично у меня голова гудела

так, словно по ней хорошенько приложили чем-то тяжелым. Раз... да тридцать, наверное, не меньше. По удару на каждый годик.

Приятель же выглядел как огурчик: был сморщенным, зелененьким, и, судя по всему, его знатно мутило.

Я глянула на часы. Демоны. Нужно было поскорее уматывать. Прошел почти час, а это значило, что вот-вот сюда вернутся две рассерженные фурии. И если мы встретимся, то им будет плевать, кто тут сын канцлера, а кто адептка с впечатляющим уровнем дара. Порвут и не заметят.

Эту простую мысль я и попыталась донести до друга.

— Валим, — согласился с моим нехитрым планом приятель.

И вот тут-то между нами и случилось разногласие.

Я-то полагала, что единственным вопросом на команду: «Валим!» — будет утоняющее: «Куда?» — ведь из коридора слышался приближающийся к нашей комнате перестук каблуков. И вариант «через дверь» отпадал. А оказалось, Мор имел в виду «кого». А конкретно — себя. Поскольку друг покачнулся и... свалился сам. Тюкнулся своим аристократическим носом в плебейский общежитский пол.

— Да чтоб тебя! — выдохнула я, глядя на этого любителя поспать в самый неурочный момент. Меж тем шаги оборвались ровно рядом с нашей дверью.

И я сделала то единственное, что могла: используя силу, наглость и беззаветную веру в чудо, призвала магию. И, схватив приятеля под мышки, поволокла в сторону постели.

Заодно его задом и пентаграмму на полу стерла.

Едва укатила Мора под кровать, как схватила оброненные приятелем халат и полотенце, затерла остатки следов нашего тут пребывания. А затем и сама юркнула под неширокое, зато завешенное покрывалом почти вровень с полом ложе.

Успела спрятаться в последний момент, когда дверь уже начала открываться.

Сначала по полу застучали каблочки. Усиленно так застучали, я бы даже сказала, нервно и кровожадно.

— Зараза! Сволочь! Найду — убью! — этому обещанию вторил звук вещей, с силой брошенных об пол.

Даже несмотря на бившие через край эмоции, звучавшие в голосе, я узнала Матильду.

И, судя по всему, злилась стройняшка отнюдь не на своего бывшего, а на меня.

— Столько времени угробила из-за нее...

Вот и дари после этого людям надежду на счастье... Не успела я додумать эту мысль, как в комнату ворвалась и вторая адептка. Бани не грозила карами. Но зато, сама того не зная, смогла нам с Мором отомстить: она села на ту самую кровать, под которой прятались мы с приятелем.

Дно скрипнуло, продавливаясь, и я ощутила на себе весь груз последствий от своих опрометчивых поступков. Впрочем, досталось не только мне, но и Морю, который и не думал приходить в себя.

— Ну не паразитка ли эта зараза белобрысая?! — воскликнула Матильда, судя по скрипу, тоже упавшая на свою кровать.

— Зато ты прогулялась... — невинно заметила Бани.

— Все ноги стерла, — тут же парировала стройняшка.

— Подышала свежим воздухом...

— Одними выхлопами машин! — возразила Матильда.

— Забыла о своем кобеле...

Последовала долгая пауза, словно стройняшка усиленно рылась в чертогах своей памяти, проверяя какую-то информацию. А затем раздался залиvistый девичий смех.

— Слушай, а ведь и правда. Я так взбесилась из-за вранья этой паразитки, что и думать забыла о Дине и его измене... Мне теперь и придушить ту пигалицу не так сильно хочется...

— А я вот прибила бы ее, — проворчала пышка и поерзала на кровати. Основной провис панцирной сетки сместился чуть ниже, и нам с приятелем стало гораздо легче дышать. Настолько, что Мор решил, что самое хорошее окончание обморока — это глубокий здоровый сон. И... едва не всхрапнул. Вернее, он уже начал шумно втягивать воздух, когда я молниеносным движением накрыла его рот рукой.

И хотя вовне не вырвалось ни звука, меня едва не настиг инфаркт. Но я все же бегала от него быстрее.

Продолжая зажимать рот Морю, я подпихнула его локтем, чтобы не думал спать на выполнении миссии и подставлять меня своим

храпом. Но приятель проигнорировал мою попытку его добудиться и... попытался устроиться в засаде поудобнее. С максимальным комфортом, так сказать.

Он перевернулся на бок, причем умудрился сделать это беззвучно. И положил ладонь под щеку, а затем зевнул без единого звука.

Я лишь позавидовала такой крепкой нервной системе. Сама же я пожалела, что не прихватила с собой конспектов. Провела бы хотя бы время с пользой, поучила алхимию, что ли... Но увы. Поэтому я сидела, точнее, лежала и вынужденно подслушивала сначала разговор соседок, потом просто шелест перелистываемых страниц и бубнеж — видимо, адепки выполняли задания и что-то учили. И наконец дождалась вожделенной фразы:

— Ты пойдешь на ужин? — спросила Бани. — Или опять на своей диете — ничего не ем, кроме минеральной воды, а если вот-вот упаду в обморок, то выпиваю простоквашу?

Секунда промедления между вопросом и ответом Матильды показалась мне вечностью, за которую я успела помолиться вышним и дать обет: дескать, зуб даю, что не буду больше лазить по чужим комнатам. Но на всякий случай в залог вышним давала не свой клык, а Мора.

— Нет, — меж тем решительно выдохнула стройняшка. И у меня внутри все оборвалось. Но затем она добавила: — К демонам диеты. Хочу быть не худой, а счастливой. Пойдем!

Кровать скрипнула, впадина под нами вновь стала ровным горизонтом, послышались шаги, скрип двери, и... я от души пихнула приятеля в бок.

— Что? А? — послышалось сонное.

— Валим! — рявкнула я.

— А разве мы не уже? — уточнил, продирая глаза, приятель.

— Пока тебе удалось завалить только мою психику. Но учти, я тебе еще это припомню.

— Ты произнесла это таким многообещающим тоном, — проворчал Мор, — что показалось: мне пора заказывать себе место на кладбище.

— Если не поторопишься, то «показалось» в твоей фразе окажется явно лишним, — фыркнула я, по-пластунски выбираясь из-под кровати.

Приятель тут же ужом выполз следом за мной, держа в одной руке пыльный халат и полотенца, которые я успела запихнуть в наше укрытие.

С крайне недовольной миной Мор оглядел свой «пропуск по женскому общежитию» и скривился еще сильнее:

— М-да, могло бы быть и почище. Они что, не убираются вовсе? Хотя бы заклинание бытовое использовали, что ли...

— Просто они были не готовы к тому, что кто-то будет шпионить у них под кроватью. А так бы девочки, конечно, подготовились. Может, даже подушки с пледиком туда закинули, чтобы незваным гостям удобнее было спать под их кроватями...

— Ники, тебе никто не говорил, что ты язва?

— Ты забыл добавить «прободная», — съехидничала я и соизволила ответить на вопрос: — Регулярно.

— Ну да, чего это я, — сыронизировал Мор, дескать, дурацкий был вопрос, ответ на который и так очевиден.

А затем приятель встряхнул халат, поморщившись, влез в него, накрутил тюрбан, и мы покинули комнату.

Распрощалась я с Толье там же, где мы и встретились, еще и помогла ему побыстрее убраться из общежития, выпихнув в окошко, как нерадивого любовника. Обсудить с Мором увиденное решено было после ужина. Все же сейчас было слегка не время и не место для мозгового штурма. А зятем в лучших традициях честного человека — с чистой совестью и голодным желудком — поспешила в столовую.

Глава 7

Наскоро поужинав, я отправилась в условленное место в парке — в те самые заросли, в которых Мор рассказал мне о своей тете, а я согласилась ему помочь с розыском. И, лишь нырнув в густые ветви, невольно подумала, что все у меня как-то не так. Вот даже кусты использую не по их прямому назначению — не для любви, а для раскрытия заговора против канцлера.

Когда продралась через густую листву цвета охры, оказалось, что Мор уже ждал меня. Задумчивый и серьезный.

— Заметила что-нибудь? — приятель сразу перешел к сути.

— А ты? — задала я встречный вопрос.

— Все как в этом демоновом отчете, — стараясь сдержать злость, фыркнул Мор. — И это бесит.

— Ты ожидал найти там что-то другое? — хмыкнула я.

Странно было бы, если бы следователь, который вел расследование, соврал в таком серьезном деле. Все же аристократка пропала из собственной спальни, а не пучок морковки с лотка рыночной торговли...

— Хотелось бы... — выдохнул приятель и, прислонившись к стволу, задрал голову и уставился на ветви. — Хотя ты права. Иначе и быть не могло. Но я наивно надеялся, что законники что-то упустили...

— Может, и упустили... — задумчиво протянула я.

— О чем ты? — тут же насторожился Толье.

— Ты не заметил, что твоя тетька была какой-то напряженной, нервной, что ли... — поделилась я своими впечатлениями.

— Да, было такое... Но ощущение казалось настолько смутным... Я даже точно не мог определить: это мое стремление найти хоть какую-то зацепку выдает желаемое за действительное или...

— Не или. Ты просто сам никогда не был девушкой.

— Поясни. — Мор, уже давно переставший созерцать ветвистые выси, теперь весь подобрался, подался вперед, опершись ладонями о

лиственный опад. Он сейчас напоминал гончую, которая вот-вот возьмет след.

— Вот вам, парням, когда вы переодеваетесь, наплевать на стеснение. А девушка... Если она точно знает, что одна...

— Раздевается как-то иначе? — перебил приятель, начав догадываться, к чему я клоню.

— Да! — рыкнула я на сбившего с мысли Мора.

Приятель понял ошибку и смиренно попросил:

— Продолжай, пожалуйста.

Ну я ему и пояснила, что, если девушка одна, она не будет втягивать живот, прикрывать рукой грудь, стараться быстрее нырнуть в горловину рубашки...

— Значит, она знала, что за ней следят, — сделал вывод Толье. — И выходит, когда она писала те даты...

И теперь уже я перебила приятеля:

— Кстати, ты понял, что за события произошли в те года?

— Конечно! — произнес приятель даже с легкой обидой: ты за кого, дескать, меня принимаешь? Чтобы я — да не знал?.. — Это года, в которые произошли самые впечатляющие выбросы магии.

— Угу, тогда ты ответишь на вопрос: почему она пропустила дату, когда произошел выброс силы на плато в Минсе? Или резкий скачок магического фона рядом с Дортом? Его тогда газетчики окрестили штормом Джиневры, — я припомнила имя чародейки, которым и назвали последний катаклизм.

Может, оно и не врезалось бы мне в память, если бы не отец. После энергитического всплеска силы, вызванного неудачным испытанием артефакта, папа страдал периодическими головными болями. И каждый раз, когда мы видели, как он морщится, пояснял: «Опять демонова Джи». И сразу все было понятно.

— Да откуда я знаю, почему не написала? Может, она их просто забыл... — в сердцах выпалил Мор и осекся, перебив сам себя: — Как ты сказала? Джиневра?

— Ну да, Джи...

— Точно! — хлопнул приятель сам себя по лбу. — Я идиот... как мог забыть, что все магические стихийные бедствия носят женские имена...

— А они носят? — уточнила я. О таком факте мне было не известно.

— Да, — подтвердил приятель. — Только их не указывают в учебниках истории магии...

— А ты помнишь? — задала я очередной вопрос.

Но на меня посмотрели так, как будто помнить их должна была я.

— Нет... — Я медленно помотала головой. — Я только одно. И то потому, что этот скачок фона произошел рядом с городом, где я жила...

— Жаль. Значит, будем искать... — азартно потер руки Мор. Все же, сдастся, он напал на след.

— И где? — понимая, что запахло очередной авантюрой, уточнила я.

— В библиотеке. За этими сведениями, в отличие от считывания прошлого, лезть особо никуда не нужно. Это для того, чтобы увидеть последний день тети в академии, нужно было попасть туда, где все произошло, а тут... энциклопедии нам в помощь.

— Может, тебе? — попыталась я увильнуть от почетной обязанности оруженосца, который стоит на стреме, пока господин совершает подвиги. — Ты умный, талантливый... и без меня отлично справишься в библиотеке.

— Угу, а если нужно будет архивариуса отвлечь? Я ему глазки строить буду?

— Так ты меня за красивые глазки в напарники взял? — подначила я приятеля.

— Нет, — тут же возразил тот. — У тебя не только глаза красивые, ты и вся в целом хорошенькая...

Я только хотела возмутиться такому наглому флирту, как приятель тут же добавил:

— А я еще лучше!

Возмущаться тут же расхотелось. А вот от смешка я не удержалась.

— Пошли уже, идеальный, а то опять в общежитие буду мчаться и кого-нибудь нечаянно собью...

— Так еще времени — час до отбоя...

— Это у тебя «еще». А у меня — уже.

Я не стала упоминать, что у кого-то были нанятые учителя, а кому-то нужно пробелы в знаниях заполнять. Ведь, как выяснилось,

общая школьная программа порой очень... общая. Поэтому мои знания по некоторым темам плавали лишь на поверхности, а вот глубины им не хватало.

— Эх... ну раз «уже», давай я тебя провожу хотя бы.

— До фонтана, — обозначила я маршрут. Как раз у чаши последнего дорожки в мужское и женское общежития расходились, а до этого нам было по пути.

— Хорошо, — легко согласился Мор и начал первым выбираться из укрытия.

— Чисто, — шикнул он мне с аллеи, и я выбралась из зарослей.

Пока мы шли до означенного мной места, успели договориться, что завтра пойдем в библиотеку сразу после занятий. В том, что копать нужно в этом направлении, Толье был убежден. То его словам, если он хотел бы что-то зашифровать, именно так бы и поступил.

Я не стала с ним спорить. Как-никак это Мор, а не я, был племянником своей тетушки.

Распрощавшись с приятелем, я направилась в сторону женского общежития. Дорога была знакомой. Правда, хотелось бы, чтобы еще и короткой. Чтобы раз — и уже в комнате. Но увы. Нужно было обойти сначала восточное крыло главного учебного корпуса, потом столовую...

На академию меж тем опускались густые, как кисель, осенние сумерки. Небывало теплая днем для месяца золотой листвы погода к ночи сменялась ощутимой прохладой. На небе начали появляться звезды. Взошла луна, напоминавшая сегодня разломленную пополам ковригу... Я глянула на нее, машинально отметив: пошла на убыль...

С памятной ночи прошло две недели. Воспоминания прошлого нахлынули, и я сразу не заметила фигуру, выросшую из тени. Та утробно зарычала и заступила мне дорогу.

В тусклом лунном свете я увидела блеснувшие обнаженные клыки, пасть в пене слюны, вздыбленную шерсть на загривке. «Волкодлак», — пронеслось в мозгу. Кровь в жилах заледенела, я намиг замерла, забыв, как дышать.

А вот как визжать — не только не забыла, но и освежила навык.

Орала я от всей души. Думаю, если бы мы соревновались с баньши, не факт, что нечисть заняла бы первое место. Но, как выяснилось опытным путем, голосовые связки находились у меня в

какой-то тесной зависимости от ног. Потому как я не просто орала. Я еще при этом и бежала. И что самое поразительное (и для меня, и для растерянного происходящим волкодлака) — не от зверя, а на него. В лобовую.

Впрочем, шокированной зверюга пребывала недолго. Оскалив пасть, она зарычала и кинулась на дурную адептку.

У меня же из головы напрочь вылетели все заклинания. Да и сомневаюсь, что нежить решила бы деликатно подождать, пока я отрою в чертогах своей памяти нужное, а то и сбегая за конспектом. Поэтому я просто призвала силу. Та вспыхнула ледяным пламенем, окутав мою ладонь огнем.

Нас разделяло не больше десяти ярдов. Десять широких шагов по густой, покрытой обильной росой траве. Мы пролетели это расстояние за долю секунды и... Должны были встретиться. Оскаленная морда и кулак. И тут уж либо она откусила бы мне руку, либо я прижгла бы ее морду. До внутренней стенки черепа. Шансы у меня были пятьдесят на пятьдесят: либо выживу, либо нет.

Но в решительную схватку добра с ослом, в смысле, с упертым и отчаянным, как баран, волкодлаком, вступил Его Величество Упс. Он был строен, как карагач, добродушен, как змея, которой прищемили хвост, и воплощен в коварный сучок. Об него-то я и запнулась. Полетела носом в траву под изумленным взглядом мохнатого противника, который при моей вероломной и стремительной смене диспозиции оказался пролетающим надо мной. Так, что брюхо твари оказалось ровно надо мной.

Резкая боль пронзила правую щиколотку, но я смогла перекатиться так, чтобы оказаться лежащей на спине. А затем вытянула руку, раскрывая кулак.

Раздался дикий, вымораживающий вой. Я прожгла живот твари. И не просто прожгла. Ледяное пламя рассекло его от грудины до хвоста. И на землю приземлилась уже издыхающая нежить. Волкодлак попробовал было подняться, но не смог. Он умер в считанные секунды. И мы так и остались лежать. Я чувствовала, что ступня моей здоровой ноги касается задних лап зверя. А еще была боль. Она жгла правую лодыжку так, что я не могла даже кричать. И оставалось лишь одно. Осознавать то, что произошло, и пугаться. Задним числом.

Зато теперь бояться можно было уже сильно, искренне, громко и не опасаясь, что тебя прервут в самый неподходящий момент тем, что попытаются откусить руку, ногу, а то и сожрать целиком.

Но паниковать получалось плохо. Все время мешали мысли. Откуда здесь эта тварь? Как она оказалась на территории академии? И почему не испугалась магического пламени? Ведь нечисть уважает магов. И предпочитает это делать на максимально удаленном расстоянии. И чем оное больше, тем выше считается почтение. А тут мне попалась зверюга, напрочь лишённая как зачатков инстинкта самосохранения, так и пиетета к магам.

Я думала об этом, пытаюсь абстрагиваться от боли в ноге. Удавалось это х... Не слишком хорошо, в общем, удавалось. Зато хотя бы недолго.

Мы с нежитью так эмоционально и децибельно орали, что наш обмен любезностями не оставил равнодушным никого. И некоторые даже решили лично глянуть, кто же это такой голосистый. То ли примкнуть к нашему с тварью дуэту захотели, то ли придушить. Хотелось бы, конечно, первого, но верилось отчего-то во второе.

В авангарде команды невольных слушателей-спасителей-убийц несли Мор. Причем приятель бежал так ходко, что обогнал остальных едва ли не на сотню ярдов.

Я смотрела на этот забег и вспоминала Силь. Подруга утверждала, что расставание с парнем — это целая наука. И если бросить его правильно, то он вскоре вернется, как бумеранг, прибежит как миленький. Но я и не подозревала, что это может быть вот так... Буквально. Не успела я как следует попрощаться с Мором, а он уже мчится ко мне...

Когда приятель очутился рядом и понял, что я жива и лишь слегка вредима, то выдал:

— Хорошо, что не сильно повредила тело твари.

Я так сильно возмутилась услышанному, что ко мне даже вернулся дар речи.

— Угу, только плохо, что эта нечисть повредила меня, — вознегодовала я и намекнула на слова поддержки: — Ты, кстати, ничего не хочешь добавить?..

— Да тут ни добавлять, ни добивать не нужно. Ты ее качественно упокоила. — И приятель кивнул на труп. Но, несмотря на явную

заинтересованность Мора нежитью, присел он рядом со мной. Его руки азвисли над моей правой лодыжкой, и я почувствовала легкий холодок комплексного обезболивающе-фиксирующего заклинания, которое наложил адепт.

Боль отступила — я перестала чувствовать правую ногу от ступни до колена.

— Ты как? — поинтересовался приятель.

— Уже лучше, — сообщила я, не без помощи друга садясь на траве.

А Мор меж тем развернулся к убитому зверю, присев на корточки, глянул на рассеченное холодным пламенем, словно сталью, брюхо и присвистнул: — Ого! Впечатляет. Каким ты его так заклинанием?

Ответить я не успела. К нам подбежали несколько преподавателей и дюжина адептов. И если вторые смотрели с опаской на убитую зверюгу, то первые — в основном на меня. И среди магистров я узнала ректора — Миранду Гирс.

Она, глянув задумчиво на труп, протянула:

— Интересненько...

И от этого ее «интересненько» мне стало слегка страшненько. Потому что было в ее тоне обещание неприятностей. Причем адресованных исключительно мне. Даже холодок по спине пробежал.

Впрочем, до допросов в грустных ночных сумерках дело не дошло. А вот я, на руках Мора, дошла. До лекарской. И целитель вынес мне вердикт — сложный перелом. Чтобы залечить его, оказалось, нужно не меньше суток. И все это время я буду отлучена от собственной магии и проведу в палате.

Приятель, узнав это, приуныл и обещал навестить меня завтра. А я же осталась на лекарской койке. Маг жизни напоил меня жутко горькой микстурой и пообещал, что в течение ночи слегка поболит.

Как оказалось, лекарь был соврамши. Болело не немного. В месте перелома жгло так, что хотелось орать, выть и отрезать себе конечность, лишь бы избавиться от этих жутких ощущений. Отвлечь от них смог лишь Дэн. Он позвонил узнать, как у меня дела. И когда узнал...

— Поклянись, что не сбежишь из целительской еще раз! — я прорычала в трубку магофона не хуже давешнего волкодлака.

— Пообещай мне не вляпываться в неприятности! — тут же парировал страж.

— Я за невыполнимые задания не берусь, — фыркнула я в ответ.

— Тогда держись от этого Толье подальше, — категорично отчеканил Дэн. И только я подумала, что в нем заговорила ревность, как страж добавил: — Что мешает заговорщикам нанять еще одного убийцу для сына канцлера...

— Никто, — покладисто согласилась я и добавила: — Кроме нас.

— Так, Ники, — выдохнул Стилл, явно смирив гнев, и затем по слогам отчеканил: — Во. Что. Он. Тебя. Впутал?

— Я сама согласилась, — призналась и почувствовала, как жжением в области сердца дала о себе знать клятва на крови.

Я ступила на тонкий лед, когда несколько неверных слов могли стоить мне жизни. Ведь обещание, завязанное на магии, не делало различий в том, кому я хочу открыть тайну Мора. Оно просто убивает. При разглашении.

— И?.. — напряженно спросил Дэн. И по моему молчанию все понял. — Клятва?

— Да, — выдохнула я.

— Ни-и-ики, — с какой-то обреченностью протянул он.

— Я не могла по-другому. — Я сглотнула, чувствуя себя отвратительно. Потому что мне хотелось все рассказать Дэну. Чтобы между нами не стояла тайна Мора. Чтобы из-за нее не ширилась и не углублялась та пропасть, что разделяла меня и того, кого я люблю.

— Я знаю, — голос стража обнимал, успокаивал. И казалось, даже несмотря на расстояние, Дэн пытался меня защитить. И, словно вторя моим мыслям, раздался его вопрос: — Ники, если бы ты знала, как я тебя... Можно я никому тебя не отдам, заслонив от всех бед собою?

— Можно, — всего одно слово, но как оно тяжело мне далось.

Это было странное признание в любви. Когда о самих чувствах не было сказано ни слова, но мы поняли друг друга. Я и Дэн. И даже в нашем молчании, разделенном на двоих, не было тишины. Разговор без слов. Когда из трубки — лишь дыхание. И понимание: самый близкий человек, он рядом. Он понимает, поддерживает, не требует, но отдает. Всего себя.

Мы еще говорили. А потом опять говорили. И еще. О наших планах и о воспоминаниях из прошлого. О наших чувствах и о подозрениях, что волкодлак попал на территорию академии не случайно и не может ли это быть связано с тем, что меня при выписке из лечебницы чуть не сбили.

И так — до самого рассвета, пока за окном не забрезжили первые розовые лучи восхода. Может, мы продолжили бы и дальше, только мой магофон пиликнул, предупреждая, что его заряд на исходе. Своей магии, чтобы пополнить его резерв, у меня сейчас не было. И пришлось прощаться.

Когда магофон окончательно отрубился, я откинулась на подушку. Как же все непросто с Дэном. Его мать. Его невеста. Мое сомнительное происхождение. Клятва Мору...

Я не заметила, как заснула. И я так и не заметила, когда боль окончательно отступила. А вот спустя несколько часов, когда целитель осматривал мою ногу, недовольно ощупывая лодыжку, она вернулась. А вместе с ней и приговор — минимум еще стуки в постели.

— У вас слишком сильная магия. И она сопротивляется моему лечению. Подавляет его...

— А может, как-то можно сделать так, чтобы я посещала занятия? Хоть на костылях. Я ведь столько пропустила. И сейчас...

— Сейчас вашей ноге нужен покой. Абсолютный. А по поводу занятий — я сообщу вашему куратору, что вы пока на лечении.

И тут же целитель своими действиями подтвердил, что я на нем самом и нахожусь, а не на каком-нибудь курорте. В меня вновь влили эликсиры, зафиксировали ногу заклинаниями и поставили рядом со мной треногу, от которой к моей вене тянулась энергетическая нить.

— Вам через час принесут завтрак. Просьба съесть все. Это специально разработанная смесь с повышенным содержанием элементов, необходимых для регенерации костной ткани, — строго сообщил лекарь и, не прощаясь, покинул палату.

На этот раз он не обманул. Смесь была и правда... особой. Я бы даже сказала, особенной. По своей отвратности. Но я безропотно проглотила все, до последней капли. Надо — значит, надо. А к обеду узнала, что мой лечащий целитель еще и держит свое слово. Он обещал сообщить куратору о том, что я пока не могу посещать занятия, но очень хочу, — и сделал.

А магистр Тумс, в свою очередь озабоченный успеваемостью, объявил на всю группу, чтобы кто-нибудь из одноклассников занес Николь Роук лекции в лазарет. Дескать, он договорился, чтобы ради этого в мою палату пропустили доброхота с тетрадями. Зря куратор так сделал.

Эффект от объявления магистра Тумса я ощутила сразу же после обеда. И на своем опыте познала, что такое паломничество.

Первым ко мне в палату заглянул Миниг. Как он сам выразился, чтобы «занести лекции и просто поболтать, чтобы поднять настроение». Последнее, я так понимаю, исключительно себе. Потому как Пират, сверкая серьгой, трепался обо всем и сразу, при этом елозя пятой точкой по краю кровати и подбираясь от изножия к изголовью, где восседала, собственно, постепенно мрачневшая я. Но брюнет, кажется, этого не замечал, целеустремленно двигаясь в сторону подушек и бросая на меня при этом выразительные взгляды.

И когда между мной и Минигом было не больше пары футов, парень стремительным слитным движением ринулся вперед. Секунда — и его руки уже вдавились в одеяло с обеих сторон от моего тела, а сам Пират навис надо мной с недвусмысленными поцелуйными намерениями.

— И что ты сейчас делаешь? — как можно более холодно спросила я.

— В целом — соблазняя, — ничуть не смутился адепт, белозубо улыбнувшись. — А конкретно сейчас — собираюсь поцеловать.

— Нос откушу, — предупредила, давая понять, что я слегка возражаю против такого сценария.

— А может, я все же решу рискнуть? Тем более лекарь рядом, залечит... А так мы оба окажемся если не в соседних палатах, но все же рядом...

Нет... этого Пирата ничем не прошибить! Я даже не знала, возмущаться или восхищаться. Поэтому выбрала третий вариант — просвещаться. А конкретно — узнать, отчего такая прыть?

— Интересно, и ради чего ты готов так рисковать — носом, челюстью, психикой... — при этих словах глаз Пирата дернулся, а я продолжила обещать: — Или думаешь, я ограничусь одним укусом? Нет уж! Целым от Николь Роук еще ни один обидчик не уходил. Даже если он не адепт какой-нибудь — волкодлак.

Тут уже Миниг сглотнул и слегка отстранился. Видимо, до него дошли слухи об убитой нежити.

— Ну что ты сразу начинаешь... Так хорошо же сидели, — фыркнул страж.

— Ты хотел сказать — нависали? — сыронизировала я, и парень, поняв намек, занял исходное положение, прижав свою пятую точку к простыням.

И уже совершенно другим, без попыток заигрывания голосом поинтересовался:

— А откуда ты знаешь заклинания высшего порядка?

Я удивилась такому резкому переходу.

— В смысле?

— Не прикидывайся, — ухмыльнулся Пират, — ты же ту тварь располовинила от глотки до паха не красивыми глазками.

Глава 8

— Вообще-то ручками, — поправила я.

— Что ручками? — не понял Миниг.

— Ручками красивыми рассекла. Конкретно вот этой. — Я продемонстрировала ребро правой ладони и, глядя на округлившиеся глаза парня, добавила: — Магию пустила.

— В смысле сырую силу? — Пират сглотнул.

Миг потрясения и осмысления, наполненный блаженной для меня тишиной. Неверие, написанное крупными литерами на лице адепта, сменилось осознанием и...

— Будь моей... — горячо выдохнул одногруппник.

— Вдовой? — перебив мага, уточнила я.

— Лет через сто можно и вдовой, — покладисто согласился Пират, который сейчас как никогда был похож на бесстрашного боевого мага, который видит впереди цель, а вокруг — руины. Те самые, что еще недавно были препятствиями. — А пока — женой.

— Миниг, ты здоров? Нет жара? Может, тебе стоит отдохнуть, прилечь... — осторожно начала я, опешив от такого предложения.

— К тебе в постель? — воодушевился страж, услышав последние слова.

— Если ты сейчас приляжешь ко мне, то тут же и уснешь. Вечным сном. В гробу, — холодно отчеканила я.

— Это значит нет? — поджал губы Пират.

— Абсолютное, категоричное и однозначное, — подтвердила я. И, не удержавшись от любопытства, спросила: — Откуда такое рвение жениться?

На меня посмотрели, как на блаженную. Я ничуть не смутилась и ответила прямым взглядом. Миниг под ним заерзал. И вдруг произошло немыслимое: адепт впервые на моей памяти смутился. До покрасневших кончиков ушей. И нехотя признался:

— Ты мне нравишься. И подходишь. Не только как подружка, но и в качестве матери будущих наследников рода Торсмутов. Моя семья из

обедневшей аристократии. И единственное богатство, которое осталось, — это сильный дар, что передается по наследству. Когда ты сказала, что на одной силе смогла рассечь брюхо волкодлаку... Это значит одно: у тебя не просто высокий, а максимально возможный уровень дара.

— Значит, все дело в даре... — грустно усмехнулась.

Еще недавно я не могла представить, что спящая сила станет не моей слабостью, камнем преткновения для поступления, а самым главным козырем. Поистине, судьба порой улыбается мне, а затем и бессовестно ржет.

Пират был неплохим парнем. Наглым. Настырным, идущим напролом. Но честным. И эта обескураживающая честность, когда он не юлил, не пытался лгать... она подкупала. Вот только все мои мысли были заняты Дэном. И сердце тоже.

— Не только в нем, — упрямо возразил Пират. — Он, конечно, важен, но только ради этого я не стал бы так безоглядно пытаться засунуть голову в петлю брака. Ты мне нравишься, Ники. Красивая, смелая, сильная духом... Я обещаю тебя уважать как супругу. Ты никогда не пожалеешь...

Он не успел договорить, как дверь палаты, скрипнув, приотворилась, и на пороге показался улыбающийся Мор.

Приятель увидел Пирата и растянул губы в улыбке еще шире, а потом со всего маху плюхнулся на кровать с другой стороны, отчего на матрасе подскочили и я, и брюнет, которого прервали посредине сватовства.

— А я думал, ты скучаешь, — вместо приветствия произнес Мор. И, запустив руку в карман, достал оттуда яблоко. Потер его о полу куртки и протянул со словами: — Вот, витаминчиков соседке по парте принес, чтобы поправлялась. Будешь?

Я сомнением глянула на яблоко. Помятое с одного боку, с червоточинкой... ценит меня напарник, ой, ценит...

— Нет, спасибо, — отказалась вежливо.

— А ты? — Приятель буквально ткнул в Пирата яблоком.

— Воздержусь, — фыркнул Миниг.

— Ну и жфря, — впиваясь в спелую мякоть, отозвался друг, отчего последнее слово выговорил нечетко. И почти тут же скривился, вытянул руку с надкусанным боком яблока. Из свежего укуса

высунулся червяк. — Тьфу. Вот гадость... — вынес вердикт Мор и бесцеремонно положил недогрызок мне на прикроватную тумбу.

И, ничуть не смущаясь выразительного взгляда Минига, которого прервал на таком ответственном моменте, Мор продолжил:

— Я чего к тебе зашел, подруга. Конспект занести, — и с этими словами вытащил тетрадь из-за пазухи.

— Ей уже все принесли, — не выдержал Пират.

— Да слышал, что ты ей принес, — отмахнулся Мор. — Предложение руки и перц... кхм, сердца. Ну хоть не лапшу, как готовится Росмус.

— Какую еще лапшу? — не поняла я.

— При чем тут этот смазливый франтик? — нахмурился Мин.

— Лапша — для твоих ушек, подруга, — пояснил Мор. И тут же, не меняя тона, ответил на вопрос Пирата: — При том, что ты, как честный человек, жениться задумал, а Рос — пока только мозги задурить...

И приятель выставил чуть позади вытянутые руки, откинулся на них и, глянув на потолок, протянул:

— Могу поспорить на всю стипендию, сегодня к тебе в палату заявится еще целая куча народу под предлогом занести конспект, причем даже не из нашей группы. Ведь Ники нынче самая популярная девушка академии. Но цени, соседка. Только я — единственный с честными намерениями поделиться с тобой толикой знаний, к которым мы припали сегодня без тебя на лекциях.

— Паяц, — не выдержав, фыркнула я.

— Как интересно из твоих уст звучит «единственный верный друг», — не растерялся Мор.

А Мин при этих словах окончательно помрачнел и поднялся.

— Я, наверное, пойду, Ники, — произнес он. — Но ты все же подумай над моим предложением...

Пират покинул палату и прикрыл за собой дверь, а я, не выдержав, спросила:

— Зачем ты это сделал?

— Спас тебя от долгих объяснений в отказе на предложение этого парня? Не благодари...

— Вынудил его уйти, — я не дала сбить себя с толку, прекрасно понимая, что Мор подслушивал наш разговор. Не знаю, как долго,

но... Приятель однозначно был в курсе «сватовства».

— Извини... — выдохнул Мор так, словно ему действительно было жаль. Сейчас приятель уже не выглядел тем балагуром, каким был пару минут назад в присутствии Минига. Нет. Передо мной сидел аристократ. Расчетливый и холодный.

Я не могла не восхититься талантом приятеля к интригам и тонкой психологической игре.

— Но ты мне нужна.

— Увы, я пока не ходок, — возразила я, кивнув на подвешенную перемотанную лодыжку.

— Да я уже узнал у целителя, что ты тут пару дней точно пробудешь, — согласно кивнул Мор. — Но голова-то у тебя варит. И, как я успел убедиться, ты замечаешь то, на что я могу не обратить внимания... Поэтому я подожду, пока ты не поправишься. А чтобы выздоровление шло быстрее и веселее...

Он не договорил и вытащил из-под прикрытия куртки заткнутую за пояс коробочку шоколада. Небольшую, но, как потом выяснилось, размер компенсировался вкусом. Он был просто божественным. Но это я узнала после. А пока... Пока я распробовала совет Мора. Приятель, прощаясь и обещая заглянуть завтра, предложил визитерам, которые придут ко мне сегодня (а они, по уверениям друга, будут!) говорить, что они опоздали: Миниг уже сделал предложение, и ты о нем думаешь...

— Может, над? — уточнила я.

— Нет. О, — возразил приятель и пояснил: чтобы нервничали побольше.

И, заговорщицки подмигнув, удалился.

А я лишь усмехнулась. Получалось, что я для всех буду думать о замужестве с одним, хромать под ручку с другим (а куда я от Мора денусь?), а думать вообще о третьем.

— Ну и ветренная же ты особа, Николь, — посетовала я сама на себя, оставшись в одиночестве.

Вот только побыть одной долго не удалось. Началось оно — паломничество. Как и предсказывал Мор, ко мне сначала заглянул Русмус, потом еще пара парней из группы. Даже принцесска принес чахлый букетик. Оранжерею, что ли, обнес? Если так, то одним этим

надменный одnogруппник уже снискал мою благодарность: меньше придется отрабатывать...

А затем, лучезарно улыбаясь, завалился Люк.

— Мы, кажется, даже не учимся вместе, — заметила я, когда лысый любвеобильный громила протянул мне помятую и прожженную с угла тетрадь.

— Подумаешь, разница в пару курсов... — фыркнул плечистый страж. — Тебе же помощь по учебе нужна. А у меня вот... сразу весь курс законспектирован.

— Тогда положи вон туда. — И я кивнула на прикроватную тумбу, где рядом с недогрызком мора уже высилась стопка лекционных тетрадей.

— Понял, — усмехнулся Люк. — Тогда я, пожалуй, увижусь с тобой попозже, как выпишешься.

И старшекурсник отчалил. А вот привратник целительского корпуса отчаялся. И уже не раз проклял начальство, разрешившее пропуск посетителей в мою палату. И на Лори и Дару прямо выверился. Рывкнул на соседок по комнате, которые пришли проводить меня, дескать, девице Роук сегодня едва ли не всю библиотеку перетащили. На что некромантка тут же заявила, что она, в отличие от остальных теоретиков, какими-то лекциями не ограничилась. Она — с практическим материалом. И тот припаркован на улице.

Привратник, узрев в открытую входную дверь конский скелет, икнул, но стойко заявил, что никаких практических занятий. Зато соседок пропустил. В отличие от остальных, они пришли правда помочь. Мы до самого вечера разбирали то, что я успела пропустить.

А вот когда они ушли, откуда-то из глубин коридора раздался взвинченный нервный голос привратника:

— Достали! Не пуцу!!!

Но спустя десять минут я услышала за дверью приближавшиеся шаги. Скрипнула створка, и...

На пороге возникла до боли знакомая фигура того, о ком были все мои мысли. Но когда незваный гость щелкнул пальцами, создавая магический огонек, я поняла, что ошиблась.

Не Дэн.

Я готовилась ко сну, потому свет уже погасила, и палата утопала в вязких вечерних сумерках. В углах затаилась тьма, которая с каждой минутой становилась все смелее, подбираясь центру. Вспыхнувшее на мужской ладони пламя заставило ее испугаться. Неровные тени заплясали на стенах, причудливые блики словно рассекали черты лица, что были такими родными и чужими одновременно.

— Так вот ты какая, Николь Роук, — задумчиво протянул неожиданный гость, пристально рассматривая меня.

Я напряглась, готовая призвать если не силу, то все свое мужество и безрассудство. Схватила бутылку с зельем. Ее принесла мне Лори, чтобы я поправляла здоровье. Официально — физическое, а неофициально — еще и психическое. Потому что сначала подруга настаивала ее на травах, а потом — настаивала на своем мнении, препираясь с привратником, что это безобидное целебное зелье, а не то, о чем он мог подумать.

Сейчас же я собралась использовать подарок Лори не для исцеления, а для спасения. Ударила бутылкой о край тумбы так, что дно откололось. По палате сразу же поплыл пряный запах лечебного эликсира, а в ладони осталась розочка из стеклянного горлышка.

Не-Дэн, почувствовал угрозу, хищно прищурился и холодно отчеканил:

— Не стоит. — И взглядом указал на мою руку с зажатым самодельным оружием.

— Кто ты? — скопировав его голос, властно произнесла я.

— Разве не догадалась? Все говорят, что мы со старшим похожи... во всяком случае, внешне. Все же близнецы.

Если он думал, что это успокоит меня и заставит отозвать магию, то сильно ошибся. Я уже имела сомнительное счастье познакомиться с матерью Дэна. Помнится, тогда все закончилось угрозами и едва не случившимся у меня выгоранием. Так что я предпочла бдеть.

— Хм, судя по твоей реакции, ты уже успела встретиться с нашей матушкой? — судя по вопросу, Не-Дэн все правильно понял.

— О да, она оставила о себе весьма яркое впечатление, — криво усмехнулась я.

— Шантаж, подкуп, запугивание? — судя по перечисленным пунктам, сын отлично знал свою мать.

Я ничего не ответила, но посмотрел та-а-ак выразительно, что гость расплылся в довольной улыбке оракула, чье предсказание сбылось в точности и в кратчайшие сроки.

— Могу заверить, что у меня совершенно иные намерения, — продолжил он, делая шаг к моей постели.

— И какие же?

— В отличие от моей матушки, я не желаю вашей... — Он сделал паузу, явно подбирая формулировку помягче, чем «смерть». — Печали.

— А ты явно дипломат. — Я изогнула бровь, оценив деликатность высказывания.

— Не только дипломат, но еще и посыльный от братца, — судя по тону, быть на побегушках у Дэна ему претило, но младший пересилил себя. — Старший просил передать для тебя оберег.

Сразу после этих слов Не-Дэн достал из кармана небольшой медальон на цепочке. Тот был явно старинный, и от него буквально разило магией.

Младший Стилл не стал передавать мне его из рук в руки, а, перешагнув через лужу разлитого на полу зелья Лори, просто положил кулон на стопку лекционных тетрадей, что высилась на прикроватной тумбе.

— Это Эвинос — родовой артефакт нашей семьи, передававшийся из поколения в поколение на протяжении сотен лет, от главы рода наследнику. Обычно Эвинос хранится в семейной сокровищнице. Его надевали, идя на войну, когда грозила смертельная опасность непреодолимой силы. Но всегда его надевали только Стиллы, — с толикой пафоса произнес гость. — И если судить по отчаянной просьбе брата отдать его некой Николь Роук... — Не-Дэн жестко усмехнулся, словно сделал для себя какие-то выводы, замолчал на миг, а затем выстрелил вопросом в упор: — Опасность, что рядом с тобой, настолько смертельна?

Я поежилась, припомнила волкодлака.

— Я не могу о ней судить. Лишь о своей везучести.

— Ее может и не хватить. Так что лучше носи Эвинос всегда с собой... — произнес Не-Дэн и уже собрался уходить.

— Зачем ты помогаешь? — моя фраза, словно стрела, вонзилась в широкую спину Стилла. — Ты ведь недолюбливаешь Дэна.

Я не заметила у младшего теплых братских чувств к Дэну. Потому этот вопрос царапал меня, не давая покоя. Я просто не могла его не задать.

— Может, потому, что мне надоела быть вторым? — не оборачиваясь, лишь чуть повернув голову, усмехнулся и ехидно бросил через плечо. — А братишка сам подставился. Я просто не мог не воспользоваться этим шансом.

И я враз все поняла и похолодела...

Если младший Стилл, который, к слову, даже не представился, — второй, то сам Дэн — первый... первенец... Наследник рода! И то, что он попросил брата отдать родовой артефакт, семейную реликвию мне, девице без роду и племени... Что-то подсказывало: такой поступок грозит не просто ссорой. Отречением.

— Я не возьму! — крикнула уже перешагнувшему одной ногой через порог Стиллу.

— Быстро соображаешь, — все же обернувшись в дверях, произнес с усмешкой гость и, глумясь, добавил: — Не возьмешь — так отдай.

С учетом того, что он не сделал ни шага обратно в палату, это явно была издевка. Я с больной ногой не могла встать. А вот уложить этого типа...

Я почувствовала, как тонкий браслет-артефакт, что глушил на время лечения мою собственную магию, позволяя восстанавливающим зельям и чарам делать свою работу, захрустел и начал крошиться. Металл трещал, словно необожженная глиняная корка. А все оттого, что моя магия, бесновавшаяся внутри, просто смела ограничивающие чары, как бурный поток — хлипкую плотину.

В моей руке вспыхнула магия. Сырая, но, как при встрече с тварью позавчера ночью, даже не облеченная в формулу заклятья, смертельно опасная и неумолимая.

— Мы не договорили. Можно сказать, даже не приступили как следует к разговору. Ведь беседу стоит начинать со знакомства.

Братец Дэна посмотрел на меня остро и бросил:

— Я уже оценил твою силу, не стоит демонстрировать ее повторно.

— Это не демонстрация, это предупреждение, Второе и последнее, — возразила я холодно и приказала: — Возьми. Артефакт.

Обратно!

Вместо ответа этот гад выставил щит.

— Повеселимся? — усмехнулся он, бросая вызов.

— Сволочь. — Я понимала, что не могу позволить себе роскошь разнести магией палату: за такое могут и отчислить.

— Таких изысканных комплиментов мне еще не говорили, — усмехнулся Не-Дэн, показывая, что здесь и сейчас хозяин ситуации он, но никак не лежащая на кровати с перебинтованной ногой адептка. А затем неожиданно добавил: — Эшбрук.

И в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил:

— Мое имя Эшбрук, язва. Кстати, отличное заклинание высшего порядка. Неплохо для наивной, глупой и жадной до денег провинциалочки, в которую моего брата угораздило втрескаться по уши... — судя по интонации, эпитеты, которыми Стилл-младший меня одарил, были явно чьей-то цитатой.

— Это твоя матушка меня так охарактеризовала? — не удержалась я от вопроса.

— Тебе не говорили, что быть такой умной и догадливой просто неприлично? — хмыкнул Стилл. — Хотя теперь я, кажется, начал понимать, почему старший решил рискнуть. — И, резко сменив тему, добавил: — Спокойной ночи, язвочка...

И ушел. Просто ушел, закрыв за собой дверь.

А мы остались в палате. Я и понимание того, что Дэн, пытаюсь защитить меня, сам подставился. Причем добровольно и прекрасно осознавая последствия.

Я втянула магию в руку, уже догадываясь, что прорыв силы не пройдет для меня даром. И плевать. Не обращая внимания на боль в ноге, достала магофон и зарядила его. Что уж... теперь-то можно... А затем набрала Дэна. И когда услышала его родной до боли голос, хрипло выдохнувший: «Ники!» — спросила лишь:

— Зачем?

Пояснений не потребовалось. Он все понял:

— Эш сдержал обещание, — с облегчением произнес Дэн. И в этот момент мне захотелось его прибить. Да, страж заботился о моей безопасности, но подставляясь сам. — Надень артефакт и не снимай!

Я хотела было перебить речь одного слишком благородного стража. Даже воздуху в грудь для этого набрала, но кое-кто хорошо

успел меня узнать, потому как опередил:

— Ники, не возражай! — слова прозвучали почти приказом. — Это мое решение. И я прекрасно понимаю последствия. Поверь, они не идут ни в какое сравнение... — Дэн осекся и замолчал, а потом, словно собравшись с духом, продолжил: — Я не хочу потерять тебя... Ликвидатор едва не убил тебя, и я не допущу, чтобы что-то подобное повторилось.

Я сглотнула, не зная, что на это ответить. За мной кто-то вел охоту. Целенаправленно. И Дэн защищал меня как мог. Даже не будучи рядом.

Спорить расхотелось. Совершенно. В горле стоял ком. И единственное слово получилось хриплым и каркающим:

— Спасибо.

Мы еще говорили с Дэном. Споря и тут же мирясь. А когда за полночь все же попрощались, я ощутила, как нестерпимо жжет лодыжку. А вот и последствия. Как говорится, любишь, ведьма, порчу наводить — люби и откат получать... Призвала силу — теперь расплачивайся.

До утра провела в полусне. Окончательно задремать не позволяла боль. Полностью проснуться — накопившаяся усталость. Так и балансировала между сном и явью. Определиться помог целитель, заглянувший с утренним обходом. После его осмотра я узнала для себя много новых и интересных слов. И лишь малая их часть была медицинскими терминами. В основном лекарь одаривал эпитетами меня.

Оказалось, вчерашний призыв сил выжег всю целебную магию.

— Еще раз подобное повторится, лечить не стану! — отрезал маг жизни. — В назидание всем и каждому будешь месяц лежать, пока заживает естественным путем.

Впрочем, несмотря на крайнюю степень раздражения, что все его труды пошли демону под хвост, целитель приступил к лечению. И первым этапом последнего было изготовление новых сдерживавших магию браслетов. А для их создания следовало замерить уровень магии.

И когда магистр Даг Силлеван вновь (в который уже раз за этот месяц) приложил к моим запястьям детектор...

— Не может быть... — потрясенно произнес преподаватель.

Глава 9

Я сначала не поняла, чему так удивился магистр: что артефакт на этот раз не взорвался?

Но нет. Поразило молодого профессора совсем другое: мой уровень дара. Он был максимально допустимым. Девяносто единиц из ста!

— Это ведь хорошо? — обеспокоенно уточнила я, глядя на побледневшее лицо Силлевана.

— Почти, — сглотнув, отозвался он и отнял от моей руки детектор.

А затем пояснил: я нахожусь на пограничье. И если сила продолжит прирастать быстрее, чем я буду учиться держать ее в узде, то может начаться безумие, когда не маг управляет даром, а дар — магом. И если сила вырывалась из-под контроля разума, то случались катастрофы.

Если у конклава верховных чародеев были хотя бы малейшие сомнения в способности мага управлять своей немалой силой, то... Запечатывание. Полная блокировка способностей...

— Я должен буду доложить о вас ректору, — нехотя произнес Силлеван и добавил: — Этой мой долг...

Я сникла. А профессор меж тем продолжил:

— Скорее всего, взрывной рост вашего потенциала вызвал стресс. И если вы не будете волноваться, то вы можете стать великим стражем. Возможно, одной из сильнейших за всю историю. Но помните, Ники: чем больше сила, тем жестче контроль мыслей, чувств, желаний...

Силлеван ушел, а вскоре вернулся целитель с микстурами. Тех было много. И половина — успокоительные. А к обеду принесли и временные блокаторы дара. Они были максимально усиленные. И только после этого целитель запустил процесс регенерации костной ткани. Заново.

И когда кости стали срастаться... Одним словом, приятного было мало. Зато новое нашествие адептов, жаждавших поделиться со мной

лекциями, прошло как в тумане. Единственным, кто заставил меня сконцентрироваться на своей персоне, оказался Мор. Он же помог (действительно помог, безо всяких двойственных намеков) разобраться в темах, которые сегодня проходили на занятиях.

А после того, как приятель ушел, я уснула. Безмятежно и глубоко. Не знаю, успокаивающие зелья ли тому были причиной или родовой артефакт Стиллов, который дарил мне чувство защищенности и уверенности.

А следующий день начался с открытий. В том числе и научных. Как оказалось, я самая аномальная пациентка из всех возможных. Потому как, несмотря на блокаторы магии, исцеляющее заклятие действовало слабо. И нога все еще была сломана.

В итоге меня оставили еще на один день. А затем еще на один. Так прошла неделя, под конец которой судьба сначала мило улыбнулась в лице целителя, сообщившего, что все, наконец-то завтра меня выписывают, а потом нагло заржала: выяснилось, что Дэна отпустили из лазарета уже сегодня! Правда, с кучей оговорок о том, что стражу противопоказано применение магии, нагрузки и прочее... Но все же! Меня с каким-то переломом промурыжили столько времени, что смертельно больной успел исцелиться!

В результате ранним утром выходного дня я, хромая, покидала целительский корпус. За мной шел привратник и с мученическим видом нес гору конспектов, которая была выше его головы. Вот так, за Силь импресарио тащил охапки букетов, а за мной... Хотя если бы я не начала шантажировать охранника, что отвечал за порядок в лазарете, то перла бы эту груду сама. Но я, прикинув, что магией мне пока пользоваться рекомендовалось по минимуму, поняла: на одних физических силах я эти записи не дотащу. А потому начала угрожать чем могла — тем, что останусь в лазарете еще на пару дней. С простудой. Или еще чем-нибудь.

Привратник содрогнулся от перспективы еще пару дней терпеть наглое паломничество и согласился помочь. Но сделал это с таким видом... Одним словом, у меня создалось ощущение, что единственное, в чем он готов оказать Николь Роук полное и безграничное содействие, — это выкопать для меня могилу. Чтобы я туда легла и даже не думала из нее вставать!

Вот так мы и шли по коридору. Я — припадая на левую ногу, а за мной мрачный привратник. И за нашими спинами раздавались облегченные вздохи с интонацией: «Наконец-то!» А еще искренние пожелания здоровья. Чтобы я не вздумала больше болеть и попадать сюда. И хотя никто вслух не добавлял: «А если все же вздумаешь — помирай сразу, на месте», это напутствие незримым духом витало в воздухе.

Причем столь настойчиво, что меня так и подмывало обернуться на пороге и заверить, что мне тут так понравилось, что я непременно загляну как-нибудь еще. Вот только едва толкнула входную дверь, как все мысли улетучились. Потому как там, на крыльце, меня ждал Дэн. А еще Мор. И эти двое умудрялись одновременно лучезарно улыбаться мне и буравить друг друга надменно-холодными взглядами.

— Наконец-то! — фыркнул приятель, распахивая объятия.

Но несмотря на то, что Мор был весьма целеустремлённым малым, в последний миг его обошли, подрезали и... Одним словом, Толье не успел среагировать на резко возникшее перед ним препятствие и, врезавшись в спину Стилла, обхватил ее.

Получилась своеобразная вереница: меня обнимал Дэн, а Мор, в свою очередь, его.

— Я, конечно, рад, что ты жаждешь меня обнять, — кашлянув, заметил страж, — но давай не при всех и не пристраиваясь сзади... А то кто-то может не так понять. — И кивнул в сторону окон лазарета, из которых на нашу живописную троицу уже всю тарацились любопытные адепты.

Толье тут же отпрянул с ворчанием и упоминанием некоторых излишне наглых и шустрых. И только после того, как наше трио распалось, Стилл вручил мне скромный букет ромашек, который все это время держал.

— Это тебе, — произнес страж, протягивая цветы.

Я поспешила принять подарок и спрятать лицо среди белых лепестков. Потому что неудержимо хотелось смеяться. Но Мор наверняка на такую реакцию обиделся бы. Так что я пощадила его самолюбие, а заодно и свои нервы, ведь обижаться так, чтобы при этом не мстить, Толье был не приучен.

— Держи, — фыркнул Мор и вручил мне что-то завернутое в пергамент. Судя по аромату, там было что-то съестное и очень вкусное.

Мои догадки подтвердили следующие слова приятеля: — Я же бедный адепт, живущий только на стипендию... Поэтому практичный. Подумал, что сытному завтраку ты обрадуешься больше, чем цветочкам...

Ни от меня, ни от Дэна не укрылся сарказм Толье. Всем бы быть такими бедными... а приятель меж тем продолжил:

— Тем более тебе стоит подкрепиться для похода в архив...

— Прямо сейчас? — вырвалось у меня.

— Какой архив? — возмутился Дэн, чуя, что без него тут произошел если не переворот, то как минимум намечалась небольшая революция.

— Да! А чего время тянуть? — обращаясь исключительно ко мне и напрочь игнорируя Дэна, язвил Мор.

А я подумала, что впервые вижу, как технично отжимают не мокрые волосы, не заклинившую дверь, не крупный бизнес у его владельца, а меня саму у стража!

Но Стилл оказался не из тех, у кого что-то можно просто так взять и увести из-под носа.

— Тогда я с вами! — тут же сориентировался страж, всем своим видом показав: единственное, чего желал все то время, что провел в лечебнице, — это посетить архив.

И тут в нашу милую беседу вмешался догнавший меня привратник. Со словами:

— Как хорошо, молодые люди, что вас сразу двое. Вот. Держите. — И вручил Морю, оказавшемуся к нему ближе, стопку тетрадей. — А то госпожа Роук сама не могла донести все свои вещи.

И, передав свою ношу, привратник удалился.

Дэн взглянул на стопку «пропускных билетов» в лазарет (без конспектов посетителей в палату ко мне не пускали) и, судя по выражению его лица, мягко говоря, сильно изумился. Нет, я рассказывала Стиллу, что в порядке исключения посещения мне разрешили, но, похоже, он не представлял масштабов последних.

Мор, который все сразу понял, лишь хмыкнул:

— А ты что думал?! Я, между прочим, пока ты на постели валялся, честь Ники защищал. Три раза даже защитил!

— Что-о-о?! — протянула я удивленно. А затем потребовала подробностей.

Приятель заявил, что все расскажет, если гнет обстоятельств, что обрушились на него, станет меньше. Дэн намек понял и тут же взял половину конспектов. И Мор в красках описал несколько магических поединков и одну драку на кулаках безо всякого дуэльного кодекса.

— Так что я свое слово держу, — с намеком протянул Мор.

— Ну и я от своей части сделки не отказываюсь, — хмыкнула я.

— А вот теперь подробностей уже хочу я. — Дэн посмотрел на приятеля в упор. Прицельно так, пристально, словно мерку на саван снимал.

— Тебе придется перехотеть, — отрезал Мор.

— Ни-ик? — обратился страж уже ко мне.

Я убито выдохнула и призналась:

— Не могу сказать. Я дала клятву...

— Если ты решилась на это, значит, речь о чем-то серьезном. — Дэн перевел взгляд на Мора.

Приятель был столь невозмутим, что по его лицу решительно ничего нельзя было прочесть. Но Стилл как-то умудрился.

— Мир спасаем? Тогда я с вами, — как можно беззаботнее отозвался Дэн.

— А если ты нам не нужен? — процедил Толье, уже понимая, что от Стилла избавиться не удастся.

— А я тебя и не спрашиваю, — парировал страж. — Ты, Мор, можешь хоть заговор века раскрывать, я мешать не буду, в сторонке постою. Но Ники, которую ты во все это впутал, в обиду не дам. А попытаешься от меня избавиться... Ты ведь не думал, что я, давая клятву о неразглашении, не оставил для себя лазейки? И обязательно воспользуюсь ей, чтобы все не только в академии, но и за ее пределами узнали о тебе правду...

Толье на миг прикрыл глаза, словно пытаюсь смириться с поражением. Или просто представлял, как душит Дэна... но так или иначе спустя секунду сын канцлера снова посмотрел на нас и произнес:

— Твоя взяла, Стилл, — зло выплюнул он. — Но не путайся под ногами. И дай клятву. На этот раз я позабочусь, чтобы она была безо всяких... лазеек, — это слово он прошипел змеей.

Дэн согласно кивнул.

— Тогда отнесем эту пакость в комнату Ники, ты дашь магический зарок, и идем в архив, — скомандовал Мор.

Но уже с первым пунктом Дэн оказался не согласен.

— Зачем нести столько конспектов, когда достаточно одного? — усмехнулся страж и... начал раздачу тетрадей всем мимо проходящим. Или почти всем.

— Алисия, — увидев шедшую мимо нас адептку, позвал ее страж, — передай вот это Мистасу, вот это Норку, это — Брауну. И всем троим — мое предупреждение не подкатывать больше к Ники. Увижу их рядом с Ники — вызову на дуэль.

Девушка фыркнула в духе: она, дескать, посыльной не занималась, — но тетради взяла.

Вторым нам попался смазливенький Русмус, что делал на меня ставки. Его Стилл аккуратно взял под локоток, но в захват, заломив руку. И проникновенно сообщил, что если еще раз... А затем всучил в зубы шипевшему от боли парню его лекции.

— А ты умеешь объяснять доходчиво, чтобы к девушке не приставали, — глядя на это с сожалением, отозвался Мор. Его недовольство я понимала: может, Толье был бы и рад использовать метод общения Стилла, но если у Дэна было реноме сильного боевого мага, то Мор, примерив образ тщедушного адепта, не мог позволить себе выйти из него. Ну а из роли язвы — просто не хотел. Поэтому Толье добавил: — Сразу видно, что у тебя, Стилл, в этом деле был большой опыт с предыдущими подружками...

— Ты специально стараешься или раздражать — твой природный дефект? — проникновенно поинтересовался Дэн, выглядывая очередную жертву для вручения тетради.

— Талант, — с гордостью поправил Мор.

— Тогда ты просто вопиюще талантливый, — оскалился Стилл и, глянув поверх головы Толье, громко крикнул: — Патрик, дружище...

При этих словах я посмотрела в ту же сторону, что и Дэн, и увидела адепта, который резко развернулся и поспешил в обратную сторону... Бегом поспешил.

— Приятель. Куда же ты?! Я хотел вернуть тебе одну вещь... — начал было страж, но его тут же перебили ответом:

— Оставь себе! Мне эти лекции даром не сдались!

— Как, однако, быстро разлетаются слухи... — довольно хмыкнул Мор, имея в виду, что у Стилла сегодня день раздачи подарков. Только не в руки, а в зубы.

Но даже несмотря на то, что спустя каких-то четверть часа вся академия уже была в курсе того, как Дэн возвращает конспекты, и от нашей тройки старались держаться подальше, страж почти все тетради раздал... Так что в свою комнату в общежитии я занесла лишь небольшую сумку. Правда, открывая дверь, я рассчитывала увидеть соседок, но, увы, их на месте не оказалось. Поэтому я поставила ромашки в вазу и поспешила в душевую. У меня был ровно час. Потому как ровно в десять мы условились с Мором и Дэном встретиться у дверей библиотеки. Хотя Толье настаивал на том, что надо бы пораньше. Но с таким же успехом он мог настаивать и клюкву на коньяке: Стилл ни на то, ни на другое не реагировал, и в итоге приятелю пришлось смириться.

Последнему я была несказанно рада. Потому как расследование расследованием, а душ — по расписанию. Тем более о нем я мечтала все то время, которое провела в лечебнице. Теплая вода омывала тело, даря тепло, расслабляя. Капли стекали по моей шее, чуть задерживаясь в ложбинке груди, там, где покоился артефакт Эвинос: с подарком Дэна я не решилась расстаться даже сейчас.

Нежилась я под струями дольше, чем следовало. Потому на встречу слегка опоздала. Поэтому наскоро переделась и, на ходу жуя бутерброд Мора, поспешила вниз. Выскочила на улицу, подспудно ожидая, что эти двое так и не ушли из чистого упрямства. Но мои опасения были напрасны. Судя по всему, этим двоим было что обсудить...

И я поспешила к библиотеке. И, подходя к ней, смогла убедиться в своих предположениях. Стилл с Толье о чем-то яростно спорили, но о чем именно — я так и не узнала. Стоило мне появиться в зоне их видимости, как эта парочка изобразила на лицах такую безмятежность — хоть в храмовый хор обоих записывай!

— Ну что, я готова! — так радостно заявила я, что самой захотелось скривиться от такой сшибавшей с ног волны оптимизма.

— Отлично, — усмехнулся Мор. — Значит, идем в архив. Ты будешь очаровывать зрителя, я искать информацию по стихийным магическим бедствиям, Дэн — стоять на стреме.

И, не дожидаясь моего очевидного вопроса, приятель пояснил:

— Я рассказал все Стиллу, — сквозь зубы процедил Толье, и у меня сложилось впечатление, что поведал Мор о заговоре не совсем добровольно. — И Дэниэль дал клятву о неразглашении.

Понятливо кивнула и первой пошла к ступеням библиотеки, про себя радуясь, что теперь между мной и стражем больше нет чужой тайны. И я помыслить не могла, что ликование будет недолгим и сменится очередными неприятностями...

А начались они с того, что Дэну не понравился вариант, в котором я отвлекаю смотрителя архивного отдела, он стоит на стреме, а Толье, собственно, ищет информацию. И он недолго думая предложил:

— А давай ты, Мор, построишь глазки этому озабоченному подслеповатому старику-сластолюбцу, а мы с Ники поищем про эти стихийные магические бедствия?

— Я? — тоном монашки, которой инкуб только что сделал неприличное предложение, спросил приятель. — Ты за кого меня принимаешь?

— За того, кто умеет отлично актерствовать. А Туфусу с его зрением нет особой разницы, девица перед ним или парень. Ты морок накинь, голосок потоньше сделай, жеманности добавь и подхихикивай над его плоскими шуточками. Он тебя от Ники и не отличит.

— Ну знаешь... — выдохнул Мор после такого предложения и, видимо не найдя с достойным ответом, произнес первое, что пришло на ум: — Врать пожилому больному человеку — это некрасиво.

— Зато красиво врать — это талант, который у тебя определенно есть, — тут же сориентировался Дэн и даже польстил Мору, которого на дух не переносил.

— Издеваешься? — мрачно отозвался приятель, уже понимая, что влип.

— Говорю чистую правду, — на честном глазу заверил страж и добавил: — Тем более если старый маразматик начнет к тебе приставать и пытаться потрогать колени, случайная затрещина в твоём исполнении будет куда гуманней...

— Ты это о чем? — подозрительно уточнила я у Дэна.

— О том, что, когда к тебе в последний раз попробовали пристать, это закончилось трупически.

— Может, трагически? — не поняла я.

— Ну волкодлак же превратился в труп, так что трупически, — рассудительно заметил Дэн и добавил: — И вообще, Ники сейчас волноваться нельзя, у нее магия нестабильная...

— То есть когда она будет выискивать данные под моим доблестным прикрытием, то волноваться совсем не будет?

— Да! — рявкнула я, потому как надоело слушать это мужской спор, на котором за меня пытались все решить. Приятель на такое мое резкое заявление даже икнул. И я, сбавив тон, добавила: — Не буду нисколечко. Потому что я буду стоять на стреме. У меня в этом обширный одноразовый опыт... А кто будет искать информацию, кто очаровывать зрителя — разыграйте на пальцах, раз бедному пожилому господину все равно, кто его охмуряет.

После этого эмоционального, но короткого выступления я удостоилась двух возмущенных мужских взглядов. От Дэна в духе: «Как ты могла меня не поддержать, любимая?» и от Мора: «Как ты вообще могла меня подвести, напарница?»

На что я демонстративно скрестила руки: «А вот так!» Впрочем, Толье, как тот, кому это предприятие было нужнее всего, долго спорить не стал, только назвал нас со стражем злыднями. Ну и еще добавил пару эпитетов, из которых я узнала о себе кое-что новое и интересное.

И мы двинулись на штурм библиотеки. А точнее — отдела архивов с периодикой. Потому как Мор, оказывается, ожидал моего выздоровления очень продуктивно, успел просмотреть информацию о стихийных бедствиях и не нашел среди параграфов учебников и статей энциклопедий ничего интересного. Оставалась надежда на газетные подшивки... А просмотреть такой объем многотиражек за прорву лет, не вызывая подозрений... было, мягко говоря, проблематично. Это только после отправки заявки, пока нам все выдадут, неделю ждать придется. Так что мы и решили проникнуть, так сказать, не привлекая особого внимания. Последнее-то и взялся отвлекать на себя Мор. Накинув морок, приятель, вихляя своей тазобедренной композицией (просто бедрами это язык не поворачивался назвать), двинулся на штурм зрителя.

Спереди приятель начаровал себе изрядный противовес, так что иллюзия женских округлостей в исполнении Толье походила одновременно и на мужскую мечту (можно не просто в руках поддержать женские прелести, но и с головой зарыться или даже

утонуть в них), и на женский кошмар (это как с такими перепадами от пышной груди к тончайшей талии одежду-то нормальную найти? А на живот во сне лечь?).

И вот это нечто, отдаленно адепткообразное, двинулось на хранителя библиотечного покоя... А мы с Дэном шмыгнули в отдел периодики. К слову, Стилл нагло заявил, что моя помощь ему необходима гораздо больше, чем охрана, и утянул за стеллажи.

И едва мы скрылись за ними...

— Наконец-то мы одни! Я скучал...

Я не успела опомниться, как оказалась прижата спиной к стеллажу с книгами, а губы стража накрыли мои. Мы целовались в полумраке отдела, освещенные лишь тусклым магическим шаром, что висел под самым потолком. Ладони Дэна нырнули мне под куртку, а я сама не заметила, как мои руки оказались на его шее. Мы упали в этот поцелуй, как в бездонный колодец, горячий источник, вода которого обжигала — заставляла кровь кипеть.

Мы забылись настолько, что он подхватил меня под ягодицы, приподнимая, а я инстинктивно закинула ноги на его бедра. И тут же ощутила намерения стража. Они были однозначными, твердыми и готовыми к осуществлению. Настолько, что им в штанах было тесно.

Мне было мало воздуха. А еще — его рук, губ, прикосновений... Я безумно скучала по ним, пока Дэн был в лечебнице. И едва я вспомнила про нее, как лавиной накрыло осознание: что я творю? Он же еще не оправился и... Я испуганно отстранилась, спешно прыгивая на пол с таких удобных рук. И растерянно посмотрела на стража, который принял мои действия за отказ. Не иначе как решил, что я опешила от его натиска.

— Извини, я, кажется, немного... забылся... Мы, кажется, собирались искать информацию... — выдохнул он, явно с трудом подбирая слова и возвращаясь в реальность.

Я же нашла в себе силы лишь кивнуть. Хотелось сказать столько всего. Что это не испуг. Точнее, испуг, но я боялась вовсе не Дэна, а за него. Но впервые со мной было такое: мысли никак не желали формулироваться в связные предложения.

Оставалось одно — лишь безмолвно вложить свою руку в его широкую ладонь и направиться вглубь. Туда, где вечерние сумерки сплелись в узлы теней. И в их хитросплетениях нам предстояло найти

ответы на загадку, загаданную Лирин следователям больше двадцати лет назад.

Глава 10

Мы с Дэном шли меж полок с периодикой в поисках газет, которые выходили сразу после бедствий. И если с недавними магическими катастрофами проблем не возникало, то чем больше мы углублялись в прошлое, тем информации было меньше.

За шестое инарина четыре тысячи девятьсот семьдесят пятого года мы и вовсе ничего не нашли.

— Давай работать с тем, что есть, — заключил Дэн.

Мне оставлось лишь согласиться, и мы углубились в чтение. Через час у меня от обилия информации, гипотез, впечатлений очевидцев пухла голова. Через четыре — она же ощущалась набитой настолько, что если я прочту еще хоть одно предложение и впитаю его в мозг, то из последнего с другой стороны, откуда-то в районе затылка, обязательно вывалятся другие сведения. Потому что им не хватит места. Например, то, как меня саму зовут. Или что я здесь делаю...

Выдохнула, зажмурилась, пытаюсь прогнать усталость, и, когда снова открыла глаза и проморгалась, упрямо попыталась прочесть заметку о стихийном выплеске силы, случившемся шестого айбрана. Начиналась статья словами: *«Вчера произошел колоссальный выброс силы вблизи провинции Длоу. Его уже прозвали «Гневом Милинды». Магистры считают, что резкое повышение уровня магического фона, унесшее тысячи жизней, было вызвано сдвигом пласта породы, под которым пролегалo русло мощного источника природных энергетических сил...»*

Я читала и понимала, что не запомнила ничего. Ни единого слова и...

— Долго вы тут еще торчать будете? — услышала я незнакомое пискляво-возмущенное контральто и, вздрогнув, резко повернулась на звук.

И лишь спустя несколько секунд созерцания женской фигуры в короткой юбке и так натянутой на груди блузке, что пуговицы того и гляди выстрелят, узнала Мора.

— Уф. Это ты, — облегченно выдохнула я.

— А ты кого ожидала? — пропищал друг и поморщился. Видимо, сам осознал, что в его голосе звучат какие-то странные нотки женского скандала, пощелкал пальцами и вернул себе нормальный тембр. — А ты кого ожидала? — повторил он уже приятным баритоном.

— Да всего! От зрителя до наемных убийц и заговорщиков, замысливших государственный переворот. Мало ли что в этих библиотеках водится! — выпалила я, ничуть не погрешив против истины.

— Извини, что разочаровал. — Движением руки Мор согнал с себя морок и на мой недоуменный взгляд, не дожидаясь вопроса, пояснил: — Пока вы тут непонятно чем занимались, я доотвлекал старика до того, что чуть не вышел замуж!

— Это как? — тут же из-за стеллажа выглянул заинтересованный Дэн с подшивкой газет в руках.

— А вот так. Меня совращали на поцелуй. Но я заявил, что честная девушка и до свадьбы ни-ни... в этом стремлении сохранить себя до брака со мной согласны и двое моих маленьких сыновей... Почему-то после этой фразы зритель и предпочел меня покинуть... — нарочито задумчиво глядя на свои ногти, произнес Мор. — А ведь до этого так бдительно следил за порядком на вверенных ему территориях. А тут взял — и смылся, сославшись, что в картотеке порядок навести надо... Слабак! А я еще о будущей теще даже ничего не сказал...

Я прыснула, представив себе, какой образ славной «матушки будущей новобрачной» могло нарисовать для библиотекаря расшалившееся воображение приятеля. А еще не могла не отметить, что Толье отлично удаются женские роли. Я думала, что он был неподобен в том махровом халате и полотенце в общежитии... Но сегодня Мор превзошел себя. Он смог не только отвлечь зрителя, но и ликвидировать его. Теперь главное — не столкнуться с ним в библиотечных лабиринтах.

— Вот, теперь я с вами! — радостно возвестил приятель и потребовал отчета: — Что вы тут без меня нарыли, пока я кокетничал в поте лица и добивал слабую престарелую психику этого извращенца?

— Кучу ненужной и архиневажной информации, — поделилась я. — Ну и лично я приобрела одну большую голову.

— Ну у меня-то она пока здоровая, — отзывался Мор. — Так что ты пока можешь пойти поискать еще информацию, а я просмотрю то, что вы уже нарыли...

Я охотно согласилась и отправилась вглубь стеллажного лабиринта. Может, и вправду что найду о первой дате. Хотя с учетом того, как давно это было... тогда, наверное, и газеты еще не выходили. Разве что листовки... Но вдруг? Я так углубилась в недра библиотеки, что едва не наткнулась на зрителя. Услышала его бубнеж с другой стороны полок:

— Вот ведь девка проклятая... Не девка — стихийное бедствие! Жениться... Щас, разбежался Туфус жениться... Еще и двое детей... Но какие сис... — бормотал он, переставляя что-то с той стороны.

А я замерла... в первый миг захотелось толкнуть стоявшие в ряд папки, ровный строй которых отделял меня от сластолюбца, со словами: «А ну-ка, повтори, что ты только что сказал?!» И дело вовсе не в том, что зритель восхищался иллюзорными прелестями Мора.

«Не девка — стихийное бедствие!» — так и звучало у меня в ушах. Ну конечно! Как я могла не увидеть очевидного! Каждой магической катастрофе газетчики приписывали женское имя. При составлении справочников эти прозвища обычно не вносились в реестр данных.

Это что получается? Под датами тетя Мора зашифровала женские имена? И наверняка это были чем-то очень важные имена... Догадка, осенившая меня, заставила застыть на месте. Туфус уже давно ушел, что-то бормоча, а я, выстраивавшая в голове логическую цепочку, наконец отмерла. А в следующую секунду я сорвалась с места и понеслась к Дэну и Морю.

Подошвы сапог были упругими. Я бежала практически бесшумно и потому врезалась, как в стену, в беседу этих двоих. Причем голоса доносились из-за поворота, так что я услышала их раньше, чем увидела Стилла и Толье.

— ...оставь Ники, — прозвучал твердый голос Мора. И это заставило меня остановиться. — Что ты ей можешь дать? У тебя помолвка с Анабель. И если ты решишь отказаться от женитьбы, это дорого обойдется твоей семье. Очень дорого. Я в курсе условий брачного контракта... Так что еще раз спрошу: что ты можешь предложить Ники? Место своей любов...

Толье не договорил. Его голос оборвался, сменившись глухим звуком. С таким тело впечатывают в стену.

— Заткнись, — прорычал страж, явно сдерживая злость. — Это не твое дело!

— А может, как раз мое?! — судя по интонациям, прижатый к стеллажу Толье ничуть не испугался. — Может, я имею на нее виды?

— Любишь? — всего одно слово, хлесткое, как пощечина.

— А это имеет значение?! — прорычал Мор, явно теряя самообладание. — Я в силах дать ей то, что ты не сможешь никогда. Статус. Положение. Уважение. Моя семья, в отличие от твоей, будет только рада, если в род войдет сильный маг. Мой отец не помешан на сословных предрассудках, в отличие от твоего. Так что если ты действительно любишь Ники, то должен отойти и не мешать ей быть счастливой...

Я не выдержала, выглянула из-за угла и увидела, как кулак Дэна впечатывается в каменную кладку рядом со скулой Мора. Это жест отчаяния и бессилия того, кто признает правоту слов противника. Толье расчетливо и точно бил по самому больному.

В оглушающей тишине страж отнял руку от стены, и в том месте, где костяшки в нее врезались, остался кровавый след.

— А меня вы ни о чем не забыли спросить? — Я вышла из-за своего укрытия. И, только произнеся фразу, поняла, что, собственно, делала.

Судя по выражению лиц этой сладкой парочки, они даже и не собирались. И выглядели как любовники, застигнутые на горяченьком рога носцем-супругом, роль которого досталась в этом раскладе мне.

Последовавшая за этой сценой фраза Мора лишь убедила меня в этом.

— Ники, ты все не так поняла, — в духе классического горе-любовника выдохнул он.

— У вас свидание, а я помешала? — иронично поинтересовалась у него.

— Нет, — замотал головой приятель.

— Тогда я поняла все правильно, — резюмировала я и задала главный вопрос: — Мор, а теперь скажи честно, так ли тебе была нужна моя помощь, как ты говорил?

Потому как только что выяснилось: один расчетливый интриган требовал с меня клятву и втянул в политические интриги не только из-за высоких целей, но и из-за своих личных.

— Мне нужна ты, — глядя на меня и только на меня, ответил Толье. — И твоя помощь. Потому что я не врал, когда говорил, что от этого зависят жизни сотен тысяч людей.

Гад! Вот как у него так получалось не лгать, но обманывать? Меня — так точно. Но если Мор прав... хотя бы на сотую долю, то получается, что от того, сумеем ли мы доказать, что его отец не причастен к исчезновению Лирин, зависит будущее канцлера. А будущее такого человека неразрывно связано с будущим целой страны.

Поэтому мы должны переиграть заговорщиков, решившихся на шантаж лорда Толье. Так что дело превыше.

Поэтому я глубоко вдохнула, стараясь в мыслях не держать на приятеля зла. Только нацеленный на него боевой пульсар и злого рвущегося волкодава. И да, никакой агрессии!

Последнее я повторяла про себя как мантру, пока рассказывала о догадке с именами. И если Мор засомневался, то Дэн без лишних слов подошел к газетам и начал выписывать в столбец даты. При этом Стилл был невозмутим. Лишь яростно вдавливаемый в бумагу карандаш выдавал его злость.

А затем он начал перелистывать газеты в поисках имен. Я присоединилась к стражу. А за мной и Толье.

И спустя полчаса у нас напротив дат был столбец женских имен по названиям магических катаклизмов: Стальвия, Анабэль, Милинда, Олиния.

— И что нам это дает? — озвучил наш общий немой вопрос Дэн.

Мор озадаченно почесал затылок и...

— А хрен его знает, — растерянно отозвался он. — Возможно, тетя узнала что-то о них...

— Вот только кто эти самые они? — Я повернула листок с себе, разглядывая твердый уверенный почерк Дэна.

— Если исходить из логики, что твоя тетя, будучи студенткой, почти все свое время проводила в академии, то логично предположить, что эти имена принадлежат тоже адепткам... — отозвался страж. — Только зачем их шифровать?

— А вот залезем в архив с личными делами и узнаем! — обрадованно заключил Мор.

А я же, глядя на этого энтузиаста, в которого меня угораздило с размаху вляпаться, подумала, что такими темпами к окончанию академии (если таковое вообще случится) у меня будут сразу две профильные специальности: стража и взломщика.

— Ты предлагаешь пересмотреть личные дела всех Анабелей, Милинд и далее по списку? — мрачно уточнил Дэн.

— Ну да, — кивнул Мор как само собой разумеющееся.

— Толье, если на тебя снизошло высокое одурение поисков, это не значит, что и на других тоже.

— Ты, наверное, имел в виду высокое вдохновение?

— У нормальных сыщиков — вдохновение, — возразил страж, — а у тебя явно одурение. Ты хоть представляешь, сколько документов придется перелопатить? И за сколько лет? И не факт, что мы не пропустим нужных нам, потому что мы не знаем точно, что именно ищем...

В словах Дэна был резон. Я тоже не представляла, по каким параметрам отбирать нужных нам девушек.

— Предлагаю сделать перерыв и все обдумать, — выдохнула я. И едва это произнесла, как осознала, насколько я голодна.

Потому поиски решено было прервать. Мор опять отправился отвлекать на себя хранителя отдела периодики, а мы со Стиллом под прикрытием внушительного фантомного декольте приятеля поспешили покинуть зал, предварительно вернув все подшивки на полки.

Едва оказались на улице, как выяснилось, что время уже близилось к ужину. Пришлось поспешить, чтобы на него не опоздать. Потому что спасти великого канцлера, а с ним и всю державу на голодный желудок было как-то не с руки.

В столовой мы сели рядом и по достоинству оценили мясное рагу, тарелки с которым материализовались перед нами. Как выяснилось, я была дико, просто зверски голодной. И видимо, это заметил и Мор, который даже чуть отодвинулся.

— Что-то не так? — Я посмотрела на приятеля.

— Знаешь, ты так расправлялась с мясом и овощами, что мне захотелось сделать сразу две вещи.

— Какие? — Я подняла на Толье вопросительный взгляд.

— Накормить тебе получше или... — Тут друг отчего-то закашлялся.

— И? — не поняла я.

— Удрать, — сдал Мора Дэн.

— Не нужно приписывать мне своих желаний, — фыркнул приятель, с вызовом глянув на Стилла.

— Какие желания? Я оцениваю исключительно действия. — И Стилл оскалился в улыбке, кивком указав на сидевшего на самом краю скамьи Мора.

— Это регенерация, — произнесла смущенно. — Меня о ней предупреждали в лазарете. После того как заблокировали мою магию, целитель наконец смог запустить процесс восстановления с помощью заклинаний. И как результат...

— И сколько будет длиться такой аппет... кхм... регенерация?

Я лишь развела руками. Потому как на данный вопрос не смог ответить даже целитель. Маг жизни так и заявил, что лекарское дело — одна из самых неточных и неопределенных наук. А в моем случае, с учетом аномально высокого дара, даже пифия не даст ответа. Одним словом, эскулап лишь заверил, что скоро. Но когда это «скоро» — не уточнил.

— Ясно, — протянул Мор с видом адепта, который страдает то от избытка дел, то от их недостатка, то просто ерундой. Одним словом — великого мученика.

— У тебя такой вид, словно Ники только что испортила тебе целый список подарков, как то: цветы и серенады под луной или кулон, который ты готовился ей всучить, — поддел Дэн Мора.

И судя по тому, как приятель закашлялся, Стилл с точностью до запятой угадал планы этого ушлого интригана Толье.

Дэн на это ничего не сказал, но его хмурый взгляд без слов давал понять: «Приятель, даже не думай». Я же, не став дожидаться, пока эти двое от гляделок перейдут к махалкам, решила использовать дармовую рабсилу в своих интересах. И, резко меняя тему разговора, спросила:

— А какие у вас планы на вечер?

Мор оживился и тут же заверил, что он абсолютно свободен и к моим услугам. Дэн, знавший меня лучше, сразу догадался:

— Оранжерея?

Мне оставалось лишь кивнуть, после чего страж радостно возвестил сникшему Морю, что услуг наследника великого канцлера ждут компостные кучи. С намеком так произнес, в духе: не желает ли аристократ отказаться от такого свиданьица. Но Мор стойко заверил, что раз наследник династии Стилл будет гнуть спину в оранжерее, то и ему, отпрыску славного рода, не следует отставать.

В итоге больше всего выиграл господин Штопс, который вместо одной немощной адепки в отработку получил сразу три пары рук. И по этому поводу отрядил нашу троицу не абы куда, а полить злотые крылатки — так назывались магические очень редкие и крайне прихотливые цветы, чьим основным достоинством было то, что чашечка с венчиком могли отделяться от стебелька и порхать в воздухе мотыльками, при этом мелодично позванивая и тем услаждая взор и слух. Сейчас все, кроме одного растения, были еще зелеными. Но пройдет неделя и...

— Такие есть только у нас — в оранжерее академии и в главном ботаническом саду! — с гордостью возвестил Штопс, указывая на свою делянку. — У меня все они наперечет. Ровно дюжина! Полейте их как следует. Они очень уж воду любят. Под каждое — по пять ведер. И после — свободны.

И как раз в процессе, когда мы заканчивали «соображать на троих» грядку злотых крылаток, у меня в кармане затрещонил магофон. Слышать меня жаждала Силь. На заднем фоне ей аккомпанировала Пуся жуткими завываниями.

Узнав, что меня сегодня наконец-то выпустили из лечебницы, подруга радостно взвизгнула.

Она была счастлива за меня, что наконец-то я «на свободе», и вдвойне счастлива, что появился тот, кому можно сплавить на одну ночь химеру.

Как оказалось, Силь за это время успела снять маленькую уютную квартирку, и как раз сегодня в ней намечалось свидание подруги и одного представительного джентльмена. Жаркое randevу с чашкой вечернего кофе, плавно переходящей в чашку кофе утреннего.

Вот только был один нюанс. Точнее, нюансище с мохнатой пушистой жо... хвостом внушительной псины. Именно в нее предпочитала обращаться Пуся при появлении поклонника Силь, у которого, как выяснилось, на собачью шерсть аллергия. Чем питомица

беззастенчиво и пользовалась, вытесняя конкурента на постель хозяйки таким нехитрым способом. Только на пороге появлялся ухажер подруги, как химера тут же принимала облик псины и выбивала из поклонника Силь слезу, насморк, чихание и однажды даже удушье.

На совести химеры было уже три напрочь испорченных свидания. Одним словом, Пуся стояла за честь хозяйки похлеще любых поясов верности и отцов, блюдущих дочернее целомудрие.

— Понимаешь, Грегор такой... такой... а Пуся... она такая... такая... — эмоционально вещала в трубку подруга. — Выручи! Всего на одну ночь... Пожалуйста...

— А куда я ее, по-твоему, дену? В общежитии-то?

— Да она тихой мышкой в переноске посидит...

— А что ей мешает так же тихо посидеть у тебя? — вкрадчиво поинтересовалась я.

— Грегор, — печально выдохнула подруга. — У него такая чувствительность сильная, что он пусин дух даже через две запертые двери чувствует, если та в собачьем облике. Я уже просила эту паразитку, уговаривала, шантажировала кормом — бесполезно... А у меня, может быть, от этого будущее зависит...

— Семейное? — поинтересовалась я.

— Сплюнь! — жарко выдохнула Силь. — Карьерное! Грегор мюзикл новый ставит...

— Но он хотя бы тебе нравится? — задала я вопрос, начиная разделять мнение ПУси.

— Очень! Там такие костюмы, декорации...

Я закашлялась и пояснила:

— Я вообще-то этого Грегора имела в виду.

— А, он тоже ничего. И пресс, и целуется он изумительно, но мюзикл мне нравится больше...

— Силь, ты уверена...

— Ники, я знаю, что ты сейчас скажешь. Давай пропустим все нотации и перейдём сразу к делу. Ты мне поможешь?

— И все же это безнравственно, — фыркнула я, уже понимая, что Пусю возьму.

— Ник... Это ты хочешь незамутненной улетной любви, от которой сносит крышу, а я хочу столь же улетного и незамутненного

тра...

— Я тебя поняла, — перебила подругу.

— Так вот, Грегор в постели просто бог. И мне этого достаточно. Так ты мне поможешь?

У нас в этом плане действительно были полярные взгляды. И это вовсе не значило, что кто-то из нас прав, а кто-то нет. Просто Силь так нравилось. Я не навязывала ей свою мораль, а она — свою. В этом и был секрет нашей дружбы.

— Да, — произнесла я. — Вези давай Пусю. Что-нибудь придумаю.

Силь примчалась в академию как на крыльях. Полчаса — и она уже торжественно передавала мне переноску с мрачной Пусей, которая смотрела на меня, как на предательницу. Я еще не знала, как мне за это химера отомстит...

Глава 11

Я взяла у Силь тварюшку, прикидывая, как бы мне пронести ее мимо вахтерши, которая и так точила на меня клыки.

Мор, к слову, как только узнал, что я собралась на встречу с Пусей, решил, что сил его аристократических сегодня на меня больше нет. Оранжерея и так была сверх лимитов. А тут еще и химера...

Дэна же вызвал куратор. Как я узнала чуть позже, за время лечения Стилл многое пропустил, и сейчас над ним топором палача висит несданный проект по алхимии, который нужно было срочно доделать. А страж вместо усиленной учебы, едва вернулся в академию, начал ерундой заниматься — заговоры политические распутывать. О последнем, правда, куратор был не в курсе, так что просто считал: его подопечный валяет дурака вместо того, чтобы корпеть над учебниками. И решил сделать внушение.

Поэтому на встречу с подругой я отправилась одна.

И сейчас, когда уже попрощалась с Силь, та заметила, что я слишком уж отстраненно-задумчивая.

— Что с тобой? — спросила она озабоченно.

— Да вот все думаю: если одна девушка составляет список из имен других... что это может значить?

— Только имена, без цифр? — уточнила она.

— А при чем тут цифры? — напряглась, припомнив даты.

— Если там фигурируют цифры, то я бы предположила, то это список, кто скидывается на винишко для вечеринки. В ином случае я бы предположила, что это список ее соперниц, — не задумываясь, ответила подруга. — По опыту тебе скажу: ни одна работа или хобби не заставит девушку педантично выписывать имена на листочек. Она их в уме будет держать. Потому что это не проблемы... так, рабочие моменты. А вот мужики — это да, проблемы... — явно думая о чем-то своем, протянула Силь.

Я лишь фыркнула и махнула на нее рукой. Нашла тоже у кого спрашивать! У подруги все сводилось или к мужикам, или к

выступлениям и веселью.

На этом мы с Силь и распрощались, и я осталась в компании Пуси.

— Ну, и что мы с тобой будем делать? — поинтересовалась я у химеры.

«Мстить предательницам», — безмолвно, одним только взглядом ответила питомица.

Я же, зная о том, насколько паскудным может быть характер этой паразитки, решила не рисковать и не пытаться протащить переноску под носом у вахтерши: обязательно Пуся в этот момент либо завоюет, либо еще что учудит, а мне потом выпутывайся, трупы закапывай...

Потому я оставила переноску под окном своей комнаты и поспешила к себе. Лори и Дара на этот раз оказались на месте: одна готовилась ко сну, вторая — к практике на кладбище. Увидев, как я деловито откопала у себя в вещах тонкую веревку, привязала один конец той к ножке кровати, а второй — спустила в открытое окно, Лори, заплетавшая косу из своих кучерявых волос, поинтересовалась:

— Для любовника? Если что, предупреждаю: творите разврат тихо, я спать хочу.

— Тихо навряд ли получится. Потому что Пуся орет сильнее любого ухажера. И дольше тоже.

— Ты опять притащила сюда химеру? — возмутилась Лори.

— Еще нет, но притащу. — Я свесилась в окно, прикинув, как, собственно, буду тягать в комнату переноску через окно. — К слову, Пуся пострадала именно за свои моральные принципы.

— Это какие же? — поинтересовалась Дара, видимо припомнив, как принципиальная тварюшка располосовала штанину одного адепта — любителя сидеть в шкафах.

— Не хотела допускать разврата на вверенной ей территории.

— Поэтому ее с этой самой территории и выселили? — проницательно спросила Дара.

Я лишь согласно угукнула и побежала опять вниз, удостоившись бдительного взгляда вахтерши, которая то ли начала что-то подозревать, то ли просто решила заставить меня понервничать.

Вновь оказавшись под окном, закрепила веревку на ручке переноски, и Дара, выглянув сверху, взялась тянуть.

Пуся взмыла вверх, огласив округу душераздирающим криком. Видимо, тварюшка, после недавних событий не любившая высоту, еще могла смириться с тем, что она может упасть вниз. Но наверх... одним словом, у зверушки только что под траурный химеров вой была похоронена логика и разорвался шаблон.

Причем ее сольная партия была столь громогласной, что я засомневалась, смогла бы Силь взять такие октавы. И едва «певица» заткнул... сорвала голос, как талант зверюги нашел своих почитателей. Первой выразить свой восторг примчалась, роняя тапки, вахтерша. Завидев меня, она тут же сделала стойку и подозрительно спросила без обиняков:

— Что ты тут делаешь?

— Любуюсь закатом, — выдала я, выразительно оглядываясь окрест. С учетом того, что огнедышащее солнечное око уже давно скрылось за горизонтом и окрест не было видно ни зги, утверждение было сомнительным.

— Ну-ну... — протянула стражница общежитских врат. — А орала, словно режут, тоже ты?

— Ага, — кивнула, чувствуя себя по-идиотски. И попыталась оправдать свою дурость в глазах вахтерши: — В кустах что-то зашевелилось. — Я ткнула пальцем в чахлую поросль, в которой могла затеряться разве что мышь. Пробник мыши.

Про себя же молилась всему небесному пантеону сразу, чтобы Дара успела втащить переноску в окно. А то ладно бы парней на веревке в комнату затягивали... Это пусть и нарушение устава академии, но привычное, что ли... А тут — зверюгу. Эх, все у меня не как у нормальных людей.

Вахтер не успела задать очередной вопрос, как к нашему диалогу присоединились уже адепты, тоже привлеченные концертом Пуся.

— Кого тут убивают? — с интересом спросила высунувшаяся из-за угла знакомая лысая макушка.

По ней-то я и опознала Люка — любвеобильного стража, что учился на пару курсов старше. Парень тоже идентифицировал меня и как-то облегченно выдохнул:

— А, Ники, опять тебя? — Вышел из-за угла уже во весь своей немалый рост и поинтересовался: — Труп где?

— Какой труп? — уперев руки в бока, поинтересовалась вахтер почему-то у громилы-студента.

— Дык это... — Люк почесал лысину. — Ники как какую пакость встретит, так сразу ее упокаивает. То маньяка, то волкодлака... Вот я сразу и спрашиваю: где новый труп?

— Пока из трупов только моя психика, — призналась я.

— Ну это неинтересно... — разочарованно произнес Люк, когда понял, что труп ему не светит. — А чего орала-то тогда?

— В кустах что-то шуршало... — повторила я свою легенду.

И тут над нами что-то протяжно... нет, не завыло, а скорее... зашипело сорванным голосом, который тут же перешел в звук открываемых несмазанных петель. Вахтер и адепт тут же вскинули голову вверх и...

Пикирующий цветочный горшок стал им ответом.

Бах. Дзинь... Просвистев рядом с лысой макушкой, из окна спикировала чахлая герань, чтобы тут же разбиться о щебенку обратной засыпки фундамента.

Люк посмотрел вниз, под ноги, и, увидев черепки, землю и, собственно, злополучную герань у своих ног, сглотнул. А потом снова вскинул голову наверх, чтобы увидеть свесившуюся через подоконник Дару.

Некромантка жизнерадостно возвестила:

— Тут кто-то так орал... — она произнесла это так натурально, что даже я поверила бы: рыжая только что распахнула окно. И тут Дара «поняла», что нечаянно чуть не организовала труп, который так жаждал найти Люк. То, что в роли покойника выступил бы сам громила, — уже детали. — Ой... Я нечаянно... Он сам упал. Вы там все живы? Я никого не убила? — спросила она с затаенной надеждой, которая может быть слышна лишь в голосе истинного мага смерти.

— Нет, — буркнул Люк, подальше отходя от окна, из которого могло «нечаянно» десантироваться еще что-то. Например, амнезия, сотрясение головы или еще какая пакость в этом же роде, что непременно идет в комплекте с летающими горшками.

— Ну и хорошо, — тоном «а жаль» произнесла Дара и вновь спросила: — Так кто вопил-то?

— Ники. Она мышшь увидела... — за меня решил Люк.

— А... всего-то, — разочарованно протянула рыжая и подытожила: — Ну тогда я спать...

И Дара с шумом захлопнула створки, выполнив миссию «отвлеки противников» на отлично. Ей бы не некроманткой быть, а шпионкой. Вон как ловко выходит. И Пусин мяв в скрип превратила, и вахтера убедила, что никого в окно не втягивали...

Я же, смущенно потоптавшись, завила, что, кажется, воздухом перед сном уже надышалась, и вообще, того... пойду к себе. Как раз вовремя, потому как на крик вслед за Люком начали подтягиваться и другие адепты. Не столь расторопные, как Люк. Ушла я, когда под окнами нашей комнаты начал собираться консилиум. Он спустя какое-то время и отправился на охоту в кустики за мышью. Руководил операцией лысый громила. Вахтер же, глянув на эту поисковую операцию, только плюнула и отправилась к себе. Бдеть.

А я лишь могла представить, как ошалела от внимания теоретическая пискуха, когда на нее двинулась орда адептов, обвешанная заклинаниями.

За этим мы четверо: я, Лори, Дара и Пуся — наблюдали уже из окна.

— Да уж... — только протянула Лори, отстраняясь от подоконника и оглядывая взглядом меня, химеру и некромантку. — Втягивая в окно переноску, организовать покушение горшком и поднять на уши всю академию — это талант.

Рыжая на этот комплимент смущенно шаркнула ножкой, я потупила взор, Пуся возгордилась. И мы, дабы охрипшая химера еще чего такого не отколола, решили превентивно дать ей взятку. Вскладчину. В особо вкусном размере. Ради этого Лори даже пожертвовала кусок колбасы, который нашелся у нее в загашнике.

Тварюшка подношение милостиво приняла и вроде бы затихла. Мы с кучеряшкой начали готовиться ко сну. А некромантка отправилась на ночной практикум.

Ложась в постель, я уже было подумала, что этот длинный день наконец-то закончился. И пребывала в этой уверенности, пока меня что-то вдруг резко не ударило в грудь. И я тут же проснулась, чтобы узреть Пуся, которая невесть как выбралась из переноски. И мало того, что она умудрилась открыть запор. Это было сущей ерундой по сравнению с тем, что эта паразитка топталась на моей постели, а

рядом с ее пушистым хвостом лежал стебель золотой крылатки. А по комнате латали, звеня крылышками, бабочки. Их-то, видимо, и гоняла химера, обернувшись кошкой.

Вот тварюшка напружинила лапы. Прыжок. Пушистое тело взвилось в воздух, чтобы в следующий миг закогтить звонкий крылатый лепесток.

«Тинь-дилинь», — раздалось в комнате мелодичное. И тут же следом — утробное урчание.

— Выплюнь гадость! — выдохнула я возмущенно и попыталась отнять у Пуси ее добычу. Проще было отжать у дракона из пасти принесенную ему в жертву девственницу, которой ящер уже подзакусил, чем вырвать из зубов химеры магического мотылька. Пушистая паразитка упиралась лапами, хрипела, царапалась. Стояла насмерть, одним словом. И, несмотря на все мои усилия, сожрала раритетный экземпляр. И тут же вожделенно уставилась на остальные порхавшие лепестки.

А я поняла: это конец. И не только для растения. Для меня. И для Мора с Дэном. Потому как мы тепличнику работу не сдавали — просто полили и ушли, заперев оранжерею, как и велел Штопс. И когда он завтра утром придет глянуть на свою гордость, первыми кандидатами на обвинения будем мы!

Я посмотрела на наглую, до безобразия довольную кошачью морду и с чувством пожелала:

— Чтоб ты подавилась.

А затем потянулась к магфону и набрала в ночи знакомый номер. Услышав хриплое знакомое «Да», я обрадовала Дэна фразой:

— Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться в главный ботанический сад?

— Прямо сейчас? — прогоняя сон, спросил страж, уже печенкой чуя, что если я приглашаю его подышать свежим воздухом под луной и прогуляться, то свиданием тут и не пахнет.

— Ну, можно не прямо... До утра время, чтобы найти новую цветущую золотую крылатку, у нас еще есть...

— Всего-то... — как-то обреченно отозвался Стилл...

И я услышала шуршание. Судя по всему, кто-то эксгумировал свое тело из кровати, чтобы отправиться на подвиги. Дальнейшие слова Дэна это подтвердили.

— Хорошо. Жду тебя под окном душевой через четверть часа.

На этом мы и распрощались. А я начала спешно собираться, параллельно пытаюсь поймать Пусю и запихнуть ее в переноску. Тварюшка обратному заселению отчаянно сопротивлялась и орала. Летавшие по комнате крылатки вторили ее мяуканью мелодичным перезвоном.

Под эту какофонию и проснулась Лори, чтобы застать данную эпичную картину.

— Что ты делаешь? — задала соседка резонный вопрос.

— Собираюсь на занятие по ботанике, — отозвалась я, предпринимая нечеловеческие усилия по утрамбовыванию Пуси.

— А... Всего-то? — зевнув произнесла Лори. — И где оно будет проходить?

— Это выездной практикум, — не погрешив против истины, сказала я, отбиваясь от химеры, которая больше походила сейчас на фурию.

— Лучше бы ты творила простой и привычный разврат, — подытожила она, глядя на то, как Пуся упирается всеми четырьмя лапами с видом невинно мучимой животинушки. При этом в зубах она держала трепыхавшегося мотылька. Как при этом пушистая скотина умудрялась орать — для меня осталось загадкой.

— Это еще почему? — возмутилась я.

— Разврат звучит тише.

— Ну, так представь, что это не просто разврат, а целая оргия, — нашлась я.

— Угу. Оргия у меня под боком, а меня туда даже не пригласили... — усмехнулась Лори.

— Так я приглашаю... Помоги защелку закрыть, а? — попросила я, наконец впихнув Пусю в переноску. И когда защелка была задвинута, я проникновенно добавила: — Посторожи эту заразу, а... А то она один раз уже умудрилась удрать. Очень надо...

— Вот так всегда... просишь приглашения на вечеринку, а получаешь на свехурочку...

— Я твоя должница, — ныряя в горловину свитера, протараторила я, устремляясь к входной двери.

— Учти, я предпочитаю взятки пирожками, в которых мясо и грибы!!! — понеслось мне вслед.

— Не уверена, что ночью грибы найду... — засомневалась я.

— Тогда просто гребни уже отсюда, — беззлобно напутствовала Лори, — и возвращайся поскорее, так и быть, без пирожков.

Я кивнула в духе «все поняла» и поспешила в коридор. Там, скользнув по узору теней, в душевую. И в окно. Из него я выпала в руки Дэну.

— Ты как? — поинтересовался он.

— Знаешь, кажется, теперь я доподлинно знаю, как выпадают в осадок, — отозвалась я, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Причем нерастворимый и из тяжелого металла, — усмехнулся страж.

— Ты намекаешь на мой вес? — спешиваясь, притворно возмутилась я.

— Что ты... Всего лишь на твой характер. Который тяжелый, потому что золотой.

С учетом того, что я выдернула Стилла из теплой постели, чтобы ограбить посреди промозглой ночи главный ботанический сад столицы, утверждение было явно сомнительным.

— А теперь я жду подробностей, — произнес Стилл, продолжая обнимать меня за талию.

И я рассказала все как есть.

— Я правильно тебя понял: какая-то тварь сожрала цветок из оранжереи, и теперь нам надо во что бы то ни стало заменить его, чтобы Штопс не подумал на нас?

— Не просто тварь. Пуся.

— Это тот самый демон, которого по ошибке называют химерой, с которым я прятался у тебя в шкафу? — тут же идентифицировал виновницу нашего ночного променада Дэн.

— Угу.

— Зачем ты ее опять притащила в общежитие?

— Чтобы у Силь была незабываемая ночь любви.

— А у нас — полная приключений? — вкрадчиво поинтересовался страж.

Я печально вздохнула.

— Ладно, пошли обчищать ботанический сад, — вздохнул Дэн. — Начнется разбирательство, кто сожрал цветок в оранжерее, — выйдут

на химеру. И тогда влетит не столько за порчу крылатки, сколько за нарушение устава...

Как мы выбирались в дыру ограждения с территории академии — отдельная история и эпичный эпизод в моей биографии. А как только оказались на ночных улицах города, Дэн поймал машину. На ней мы доехали не до самого ботанического сада, а остановились в квартале от него. И остальной путь проделали уже пешком. А вот оказавшись у кованой ограды, я вдруг подумала, что не так и страшен нагоняй от Штопса и разбираательства.

Главный сад столицы был обнесен охранными заклинаниями так, что обворовать королевскую сокровищницу, как по мне, и то было бы проще, но Стилл, уже что-то решивший для себя, пер к цели так, что не видел препятствий. В результате заклинания были взломаны, а прутья решетки — просто сломаны. Мы залезли в проем и бодрой рысью помчали меж теплиц. Не знаю, сколько проплутали бы меж ними, если бы не особенность разыскиваемых нами цветочков: крылатки порхали в воздухе и светились, словно золотые мотыльки.

Завидев их в ночной тьме, мы с Дэном устремились к объекту промысла. И уже спустя совсем немного времени цветок вместе с корнями был завернут в куртку стража, а мы выбрались из сада. При этом Стилл вернул раздвинутым магией прутьям первоначальный вид и заделал брешь в охранных чарах.

В академию мы вернулись в тот час, когда на горизонте забрезжила розовая полоска, предвещавшая скорый рассвет. Вкопали украденный цветок на месте вырытого Пусей, и лишь после этого я смогла выдохнуть.

Мы стояли рядом с грядкой, перепачканные в земле, в молочных сумерках, и я поймала себя на том, что улыбаюсь. А изнутри разбирает смех. Посмотрела на Дэна... Его скулу украшал росчерк рыжей глины, в волосах осталась пара листьев барбариса — это мы пролезали через колючие кусты в ботаническом саду, а вот чуть выше правого локтя порвалась рубашка, зацепившись за ветку уже на территории академии, когда возвращались.

И ведь он, даже не раздумывая, ринулся в эту авантюру. Ради меня.

— Спасибо, — произнесла и отчего-то сглотнула.

Его глаза оказались так близко, что еще немного — и я утонула бы в них. Пальцы Дэна прикоснулись к моему затылку, едва ощутимо, без усилия... Поцелуй сухих твердых губ. Словно печать. Будто безумие. Удары сердца. Первый. Второй. Третий... И обжигающая дрожь, что прокатилась волной по телу.

Это была магия. Не иначе. Потому что я не могла ничем другим объяснить это странное ощущение. Словно нас окутало тепло. Оно опустилось на плечи, от них прокатилось по груди к животу, рождая где-то внутри тела, там, где живет душа, дрожь. А в сердце — тревогу.

Мои ладони скользили по спине Дэна, чувствуя сквозь тонкий батист напряженные мышцы широкой мужской спины. Горячее дыхание Стилла опаляло мою кожу: скулы, ямочку меж ключиц, ложбинку груди... И эти касания... они были очень интимными, интимнее даже, чем самые откровенные поцелуи.

Широкая мозолистая ладонь скользнула под мою рубашку, чтобы от живота подняться чуть выше. И тут я опомнилась. Брыкнулась. И попыталась прекратить это безобразие. Даже лягнула Дэна.

Но Стилл не был бы выпускником, опытным бойцом, лучшим в академии, если бы его смогла остановить какая-то невнятная попытка вырваться.

Он мало того, что не выпустил меня из своих объятий, а прижал еще крепче. А в следующую секунду я оказалась подхваченной и посаженной на крышку бочки так, что ни выбраться, ни дрыгнуться. И пока я выясняла это опытным путем, ладони Дэна оказались под моей рубашкой, обхватив грудь.

Осторожно, невесомо пальцы дотронулись до моей обнаженной кожи, заставив меня прикрыть глаза... от него по телу прошла волна жара. Я замерла, изумленная невероятно яркими ощущениями от всего нескольких касаний, и обнаружила, что Дэн не только гораздо ближе ко мне, чем я ожидала, но и гораздо... обнаженнее!

Он почти нависал надо мной. Его рубашка осталась где-то на земле, и мой взгляд сейчас скользил по напряженному рельефу пресса, по груди с плитами мышц, по шее и четко очерченной линии подбородка, на котором проступила утренняя щетина, по чувственным мужским губам. И когда я наконец добралась до глаз... до невозможно-синих глаз стража, я ощутила, как лихорадочно застучало сердце в моей груди. Как оно билось, гоня кровь по венам, и та прилиwała к

щекам. Как полыхали мои губы в ожидании новых поцелуев. Как пересохло горло, и единственное, что я могла сейчас сказать, — это требовательное: «Ещё!» Как плавилась кожа под мужскими пальцами, что ее касались.

Дэн, зацепившись за мой взгляд, рвано сглотнул, тяжело выдохнул и нехотя убрал руки из-под рубашки. Легче от этого не стало. Грудь все еще помнила мужские руки на ней. И там, где они лежали, все еще жгло.

Стилл медленно, словно влекомый магнитом, наклонился.

Я выдохнула, опустив веки. Мои губы сами собой приоткрылись, и я против воли тихо разочарованно застонала, когда страж поцеловал не их, жаждавших прикосновения, а лишь мою скулу.

— Ники, ты сводишь меня с ума, — прошептал Дэн и резко, будто боялся передумать, отстранился.

Мы оба понимали: если бы он сейчас невероятным усилием воли не остановился, то в оранжерее случился бы самый настоящий разврат. И остатками разума я понимала, что Стилл поступил правильно, но... как же мне хотелось продолжения! Которого один невыносимый страж меня лишил. И теперь я разрывалась от выбора — злиться на Дэна за то, что он покусился на мою честь, или за то, что Стилл не лишил меня ее.

А пока я была мучима этой дилеммой и параллельно пыталась заправить рубашку и вообще привести себя в порядок, над нами разгорался рассвет. И в его розовых лучах кружили мотыльки золотой крылатки.

Глава 12

Из оранжереи мы выбирались крадучись, переполненные чувствами голода, холода (утро выдалось инеистым) и глубокого морального удовлетворения от выполненной миссии. Дэн ловко закинул заклинание в полуоткрытое окно душевой, и я по силовому тросу, подпихиваемая снизу, быстро забралась обратно в общежитие. Высунувшись из окна, помахала рукой стражу, который стоял внизу у стены и, задрвав голову, чему-то счастливо улыбался. Наверное, рассвету.

Распрощавшись с Дэном, я решила, что мое попадание в общежитие через душевую — это явно знак свыше и грех им не воспользоваться. Я и не стала грешить. Выкрутив краны, встала под теплые струи и не только помылась, но и согрелась. Счастливая, чистая, с мокрой головой и слипавшимися глазами, я вернулась к себе, чтобы застать картину, от которой в первый миг похолодела.

Лори спала, положив руку под щеку, клетка была настезь распахнута и пуста. Но инфаркт я все же догнать не успела. Потому как, едва перевела взгляд на соседнюю кровать, выдохнула: Дара, пришедшая с ночного практикума, завалилась в постель, даже не раздеваясь, но при этом она умудрилась обнять Пусю и притиснуть ее себе под бок. Химера на этот произвол смотрела явно матерно, но уже даже не вырывалась и не вопила. Видимо, смирилась с неизбежностью быть этим утром плюшевым мишкой для сонной некромантки. Только пушистый хвост нет-нет да и яростно бил по одеялу, выражая весь гнев тварюшки.

Когда Пуся увидела меня, она возликовала, радостно мякнула, дернулась, вырываясь из хватки, и у нее почти это получилось, но... Рефлексы некромантки были всем умертвиям на зависть (и на погибель тоже!): молниеносный хват рукой, и Дара, даже не просыпаясь, поймала химеру за хвост и вернула в исходное положение.

— Мяу! — прозвучала жалобное.

Пуся словно призывала меня в свидетели: смотри, какое бесчинство со мной творит этот изверг. Я лишь благодарно посмотрела в сторону этого рыжего изверга, печально глянула на монстра в кошачьем облике и начала выволакивать его из капкана цепких девичьих рук. И это даже получилось!

Едва химера оказалась на свободе, она, победно мяукнув... умчалась в переноску! И даже лапой постаралась закрыть ее дверцу! Я же, глядя на это, подумала: не примерещилось ли мне то, как я сегодняшней ночью пыталась запихнуть этого монстра туда же?

И тут из переноски раздалось урчание. Я глянула через прутья и увидела, как Пуся с наслаждением догрызает остатки спертой из оранжереи золотой крылатки.

— Чтоб ты подавилась, Пуся, — с чувством пожелала я и... открыв дверцу, подкинула этой паразитке остатки копченой колбасы. Иначе ведь через час тварюшка опять разорется, чтобы ее покормили. А мне будет хотеться спать. Наверняка. Я же себя знаю!

Химера радостно вцепилась в колбасную шкурку, и урчание достигло стадии вибрации. Вибрировала, по ощущениям, не только Пуся, но и вся переноска.

А я не стала полагаться на заклинания и, найдя обрывок бечевки, надежно примотала дверцу. Выполнив таким образом долг временной хозяйки, на несколько часов оградившей мир от злодеяний мелкой химеры по облику и большого демона по натуре, завалилась спать.

А вот проснулась я, когда за окном всю сиял день. В комнате спорили. Шепотом, но постоянно забываясь. Потому голоса то звучали едва различимо, то врезались в барабанные перепонки, чтобы вновь опуститься на уровень плинтуса.

Спорили Дара с Лори. Некромантка, встав с постели, обнаружила расцарапанную руку. И она не помнила, откуда у нее шрамы, и полагала, что вчера на кладбище ее все же достало когтистое мертвое. И посему просила Лори обработать порезы. Лори уверяла, что это явно не следы мертвеца и не стоит тратить драгоценные слезы дракона на какие-то царапины.

— А если я заражусь?! — вопрошала Дара.

— Да у тебя такой характер, что это не ты инфекции должна бояться, а она тебя! — фыркнула алхимик, впрочем гремя склянками.

— Угу. Я поняла, что та еще зараза, как и все некроманты, — хмыкнула Дара, — Но почему-то по статистике наша братия чаще умирает как раз от не обработанных вовремя ран. Моровая гниль, нагноения...

— У тебя профессиональная фобия, — резюмировала Лори и радостно взвизгнула: — Нашла! Давай свою руку.

В этот момент я окончательно проснулась и села на постели. Увидела рыжую, которая подставила запястье кучеряшке, и та обильно поливала его из склянки. Тут же кожу окутала пенная шапка, а через пару секунд, когда она опала, на руке Дары не было ни единой царапины.

Я же лишь подумала: стоит ли сообщать соседкам, что элексир залечил не когти нежити, а всего лишь Пусины? Пара секунд размышления, и... я пришла к выводу, что все же жить хочу больше, чем нести людям правду. Потому широко зевнула, похлопала глазами и невинно спросила:

— А что это вы тут делаете?

— Спасем чужие жизни и свою нервную систему! — пафосно произнесла Лори, закупоривая пузырек.

— Спасибо, — обращаясь к кучеряшке, отозвалась некромантка, а затем уже нам обеим возвестила: — Вот уж не думала, что обычная просьба обработать царапину может так называться.

— Заметь, не я пару минут назад говорила о статистике смертей среди твоей братии... — с намеком протянула алхимик, уев рыжую.

Правда, та тушевалась недолго. Ровно до того момента, как узрела переноску. Пуся прогрызла бечевку, открыла дверцу и... не подумала выходить из своего убежища. Видимо, расчистила путь к свободе химера исключительно из демонстрации своего превосходства, а осталась в убежище исключительно из инстинкта самосохранения.

Дара же недовольно посмотрела на Пусю и, кажется, начала что-то подозревать.

— Это исчадье преисподней все еще здесь? — уточнила рыжая.

— Не переживай, скоро открою пентаграмму и загоню ее обратно в пекло, — пообещала я. И, собственно, начала эту самую пентаграмму чертить. Точнее, звонить Силь, которая отвечала за изгнание демона под кодовым именем Пуся из нашей комнаты.

Подруга долго не брала трубку магфона. И наконец я услышала томно-сонное:

— Алло.

— Уже утро, — вместо приветствия напомнила я. — Ты просила о передержке до него. Так вот, я держалась как могла, — отозвалась я.

— Ники? — Зевок в трубку. — Это ты... — Еще один зевок. — А ты не могла бы Пусю еще немного...

Хоть Лори с Дарой и не слышали разговора, но, видимо, что-то поняли, потому как по комнате прогремело наше слаженное: «НЕТ!»

— Ладно, сейчас провожу моего зайчика и сразу приеду, — пообещала Силь.

На языке подруги «сразу» — это было где-то через пару часов, после полудня. Скорее всего, к ужину. Так что я лишь вздохнула, прикидывая, где раздобыть проволоку. Может, хотя бы ее, в отличие от бечевки, Пуся не перегрызет.

К завтраку и я, и Дара, и Лори безнадежно опоздали. А если мы не поторопимся, то вскоре пропустим и обед. Эта мысль придала нам троим энтузиазма. Собирались мы хоть и не в спешке, но и не медлили.

У меня на столовую были еще и другие надежды, кроме гастрономических. Нужно было узнать задание на завтра. Выходные все же подходили к концу, и новая учебная неделя начинала нависать надо мной.

Ожидания мои оправдались по всем пунктами. Жареные овощи с мясом были выше всяких похвал, сок вкусным, а улов одnogруппников — удачным. У Пирата удалось узнать домашние задания на завтра. И я, не откладывая дела в долгий ящик, захватив из комнаты тетради для конспектирования, отправилась в библиотеку за знаниями. По дороге созвонилась с Дэном. Как оказалось, он тоже озадачен тем же, чем и я, а точнее — проектом по алхимии, который ему нужно сдать кровь из носа к послезавтра. Поэтому со стражем договорились о встрече вечером.

В читальном зале, набрав литературы, засела за работу. И вот когда в глазах начало рябить, спина — затекать, а рука — отваливаться от количества написанного, я решила сделать перерыв и расставить на полки те книги, которые уже не понадобятся в работе. И мне отдых, и библиотекарю работы меньше.

Бродя между стеллажами, я искала нужные секции, возвращая книги по местам. И вот когда в руках остался всего один внушительный фолиант, я услышала совсем рядом, с другой стороны полок, смутно знакомый голос. И не обратила бы на него внимание, если бы не имя, которое произнесла с придыханием девушка.

— Ну Дэни, милый... — простонала она, словно умоляя о чем-то важном, а заодно обещая, давая надежду на что-то волнующее и откровенное. — С тобой так хорошо...

Послышалось многозначительное шуршание ткани.

— Адель, я просил тебя так не делать... — отозвался... Стилл!

Та-а-а... кто-то меня не так давно уверял, что будет до вечера занят учебой... Какие у этого кого-то интересные занятия, оказывается.

Руки сами собой сжали книгу, которую я держала. Еще немного — и у фолианта случился бы разрыв по корешку, а у меня — сразу по психике. И я не стала себя мучить ожиданием. Да и вообще чем-либо! Это пусть они мучаются! А угрызениями совести или просто в лечебнице... Это как им повезет.

— Извини, я, когда мы вместе, все время забываю... Ничего не могу с собой поделать, — перебил стража женский голос, полный бархатных интонаций. Сожаление в нем было столь притворным, что даже два ряда книг, что нас разделяли, его не заглушили.

Вновь какое-то странное шуршание, от которого у меня возникло острое сожаление, что в руках нет сковородки потяжелее...

Я попыталась привстать на цыпочки, чтобы увидеть, что же там, с другой стороны стеллажа, происходит. Но, увы, смогла разглядеть лишь подбородок Стилла. Рядом с ним на миг промелькнули светлые женские локоны, нырнув вниз.

Я машинально нагнулась следом. Нос уперся в высокий ряд фолиантов, корешки которых занимали почти все пространство между нижней полкой, на которой плотно в ряд стояли книги, до верхней, что была над ними. Оставалась какая-то полоска в дюйм. И в ней я увидела голову неизвестной мне Адель. Она была как раз на уровне моей талии. А это значит, девица явно стояла на коленях.

И снова эти звуки. И опять шуршание. Вжикнула молния...

— Ого, вот и он! Я и не думала, что он такой большой! Ни разу не видела подобного, — восхищенное. — Вау...

И причмокивание.

«Ну все! С меня хватит!» — с такими мыслями я стремительно направилась, чтобы обогнуть стеллаж, и, когда вышла с другой стороны, застала Стилла, который тянулся за книгой. Что примечательно, страж был полностью одет. Свитер, штаны, кроссовки. А рядом с ним, развернув на полу то ли какой-то план, то ли карту, на коленях стояла белокурая девица. Вроде бы при этом она старательно придерживала концы норовившего свернуться в рулон большого листа, прижимая те коленями и ладонями. Но как по мне — откровенно пыталась совратить не только Дэна, но и авторов всех книг, что ее окружали. Потому как блондинка выразительно прогнулась в спине, оттопырив зад. Тот, к слову, был обтянут вызывающе облегавшими кожаными штанами. Короткий топ не столь скрывал девичьи прелести, сколь показывал. И плоский живот, и пышную грудь в глубоком декольте...

Стал понятен и звук вжикнувшей молнии: ультракороткая, лишь до груди, кожаная куртка, что даже в застегнутом состоянии оставляет живот обнаженным, лежала на полу рядом.

Все заготовленные слова разом куда-то испарились. Остались только эмоции. В основном, правда, те были бранными.

— Дэн? — ошарашенно выдохнула я, взглядом указав на непотребство в лице блондинистой девицы.

И вроде бы только имя его произнесла. И оно было сказано исключительно цензурно. Но с каким-то все же матовым покрытием.

— Ники? — изумился страж, видимо не ожидавший меня здесь увидеть.

«Что ЭТО такое?» — спросила я без слов, одним взглядом.

«Сам не знаю...» — так же беззвучно отозвался он.

И тут в наш безмолвный диалог вклинилась девица.

— Ой, а мы занимаемся... проектом. — Она повернула голову в мою сторону, волна светлых волос скользнула с плеч, свесившись почти до пола. И я ее узнала — это была та самая адептка, которую мы с Дэном встретили вечером, когда шли через парк, обсуждая кандидатов на роль ликвидатора. Сразу вспомнились и томный взгляд, и ее бархатный голос во время первой встречи. И то, как она смотрела на меня. Словно я была пустым местом. Так вот. Сейчас было точно то

же самое. Но я была уже не пустым местом, а ямкой. Колдобиной на ее ровном пути. — Не стоит нам мешать.

— Чем вы таким занимались, что вам может помешать любой, кто проходит мимо? — Хотела скрестить руки на груди, но желанию помешала малость: я уже держала в руках увесистый том, которым хотела осенить изменщика. Как оказалось, прелюбодеяния не было, и фолиант остался не у дел.

— Искали карту распространения серой гнили. Зелье Фамоса, по которому нужно подготовить доклад, как раз остановило эту болезнь.

— Значит, карту...

Я глянула на валявшийся на полу тубус. Он и правда был необычной формы. Я бы сказала, крайне экзотической, еще и расписанный рунами. И да, размерчик чехла для карты был внушительным.

И пока я его разглядывала, кое-кто пристально смотрел на меня.

— Думаю, закончим с проектом завтра, — решительно произнес Дэн тоном, который не допускал возражения.

Но Адель все же возразила:

— Но у нас не осталось времени.

— Завтра еще есть целый день. Сдадим все к вечеру.

— А как же...

— Завтра, — отрезал страж и протянул девице руку, помогая подняться. Та не преминула воспользоваться ситуацией. И не просто встала — выросла с грацией пантеры. Вот покачнулись бедра, замер в луче света изгиб талии. Девица так прогнулась, что выпяченная вперед грудь коснулась рубашки стража.

Я, стиснув зубы, безмолвно наблюдала за этим совращением МОЕГО парня на МОИХ глазах. А Дэн при этом, казалось, не замечал стараний своей напарницы по проекту, пристально глядя мне в глаза.

Когда с процессом вставания с пола было покончено, Адель «вспомнила», что забыла свернуть карту, и нагнулась за ней.

Этого моя нервная система уже не выдержала. Шаг вперед, и я одним движением подняла карту и скатала ее в трубку. А затем запихнула в тубус и вручила Дэну со словами:

— Извини, что помешала...

И, повернувшись на каблуках так, что за моей спиной взметнулась волна волос, пошла прочь, пылая гневом... Или не гневом, а чем-то

другим?

Шаги легкие и стремительные. А затем сильная рука легла на плечо, заставив повернуться.

— Ники, — выдохнул Дэн, глядя на меня с прищуром. — Это что было?

— Это я у тебя должна спросить, что я сейчас увидела. Тебя пытаются соблазнить, а ты и ухом не ведешь. Даже ни одной попытки не делаешь, чтобы как-то...

— Вообще-то ты сама просила меня держать наши отношения в тайне. Я лишь делал, что ты хотела.

— Я? Хотела? Хотела, чтобы к тебе прижимались своими декольте всякие?.. Хотела смотреть, как перед тобой крутит обтянутым задом какая-нибудь?..

Я говорила и понимала: единственное, чего я действительно сейчас хочу, — это...

Договорить я не успела, засиявший улыбкой Дэн не дал мне не то что договорить — домыслить. Резкий, обжигающий, полный страсти поцелуй накрыл мои губы. Он был сродни укусу. И выжигал кровь из вен, кислород из легких. Оставляя взамен лишь безумие.

Кажется, в этот момент мир сошел с орбиты. Нас закружило в водовороте созвездий и... Когда Стилл отстранился, я не сразу вспомнила, что такое дышать и как должно биться сердце.

— Рад узнать, что не только я мучим ревностью, — с улыбкой демона-искусителя протянул Дэн.

— Что-о-о?

— А думаешь, легко смотреть, как за тобой вьются все эти... — страж выразительно фыркнул.

— Я их даже не замечаю. — Я обвиняюще уперла палец в твердую мужскую грудь.

— И я не вижу никого, кроме тебя, — улыбнулся мне страж и, хитро посмотрев на меня, предложил: — И раз уж мы встретились раньше, то предлагаю начать наше свидание прямо сейчас...

Я вздохнула. Не хотелось разочаровывать Стилла, но пришлось.

— Знаешь, никогда не думала, что такое скажу, но между нами есть третий, и совсем не лишний.

Страж нахмурился и посмотрел на меня с недоумением и настороженностью.

— И как же его зовут? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Рубиус. И мне предстоит сначала плотно пообщаться с ним. И лишь потом я буду свободна для тебя.

— И кто он? — Взгляд синих глаз начал темнеть. — Не припомню адептов с таким именем.

— Он не адепт, архимаг.

— Даже так... — протянул Дэн.

И, глядя на то, как его лицо начало каменеть, я фыркнула.

— Угу. И жил он пять сотен лет назад, а еще стал основоположником теории большого магического взрыва, которую мне нужно сегодня разобрать, иначе завтра профессор Морриган разберет мой мозг на извилины.

— Смерть это может, — со знанием дела хмыкнул Дэн, до которого наконец дошло, что я говорю о Рубиусе Донинге Штольме — выдающемся чародее, ученом и просто удивительном человеке, жившем в эпоху великих магических открытий.

И когда Стилл в полной мере это осознал, предложил помочь. А я не стала отказываться. И мы просидели в библиотеке до самого ужина, разобрав не только теорию Штольма, но и задание по зельеварению, основы атакующих плетений. Еще сделали домашнее задание по рунологии. Стилл оказался на редкость терпеливым учителем.

А когда наконец нас выперли... кхм, мы закончили, то пошли в столовую. Вместе. Держась за руки. Вот только наша идиллия была недолгой: едва я и Дэн вошли в зал, где уже сидела за обеденными столами почти вся академия, как рядом со стражем конденсировалась какая-то рыжуля, начала ему усиленно строить глазки и при этом подчеркнуто меня не замечать.

А я вдруг почувствовала, что у меня от этого подгорает. И дело даже не в огненной магии, а в нервной системе, у которой перемкнуло клеммы в том месте, где спина заканчивает свое благородное название.

Да, Дэн не обращал на адептку внимания, но сам факт того, что какая-то рыжая зараза вышла на охоту в моих угожьях! Так и захотелось сдуть два ее верхних орудия промысла. Или хотя бы показать, что эта территория ревностно охраняема Николь Роук, и... не выдержала. Показала!

Просто на миг остановилась и на середине фразы рыжей девицы взяла Дэна за плечо. Тот развернулся и... Я всего лишь привстала на

цыпочки, желая чмокнуть стража в щеку, но не успела. Моих губ коснулось горячее дыхание. А вместе с ним я услышала вопрос:

— Ты уверена?

— Да, — выдох-признание, разделивший мою жизнь на до и после. Если раньше я боялась мести подружек Стилла, то теперь... Мне надоело прятаться по углам.

И я услышала облегченное:

— Наконец-то...

Губы стража накрыли мои. И я поняла, всем своим существом почувствовала, как Стилл этого ждал, хотел. А еще в очередной раз убедилась, как головокружительно он целуется. Так, что я забываю о земном притяжении.

— Теперь я имею полное право вызвать любого, кто на тебя позарится, на поединок...

— Да ты и до этого... — Я припомнила, как Дэн «возвращал конспекты», явно давая понять, что Николь Роук уже занята. Им.

— До этого все было неофициально.

С того момента, как я взяла Дэна за плечо и решительно привстала на цыпочки, я смотрела лишь в его глаза... Ну хорошо, во время поцелуя филонила и прикрывала их. Но потом-то опять только на стража. И вот сейчас решила повернуться, осознав, что мы стоим в оглушительной тишине.

Как оказалось, вся столовая смотрела на нас. И та рыжая девица, которая так и не договорила, тоже. С разинутым ртом.

А я вдруг поняла: как это здорово — ни от кого не скрываться, не прятаться... И будь что будет. Я жила этим мигом, когда у меня был Дэн, а я у него.

И в этом безмолвии Дэн обнял меня за талию, притянув к себе. Он ничего не сказал. Но так посмотрел на всех и каждого, словно говоря: «Эта девушка моя. Смотреть можно. Приближаться — не советую». А затем и произнес это вслух. Правда, короче.

— Ники согласилась стать моей невестой!

Что-о-о? Я едва не закашлялась. А потом решила, что ослышалась. Когда я что-то подобное успела... А Дэн между тем сиял счастливой улыбкой, давая понять, что акустическими галлюцинациями я, к своему большому сожалению, не страдаю.

И пока я не успела ничего возразить, крепко обнял меня за талию и буквально отбуксировал к ближайшему свободному столику. Вокруг адепты начали отмирать, осознавать и... обсуждать только что увиденное! И с каждым мигот шум становился все сильнее, а к нам потянулись студенты с поздравлениями. Многих из них я до этого ни разу не видела даже...

Спросить, зачем Дэн это сделал, я смогла лишь спустя час, когда мы все же выбрались из столовой и по аллее через сад, длинной дорогой направились к женскому общежитию. И ответ стража был убийственно очевиден: чтобы не оставить никому ни капли надежды, что у нас все несерьезно и можно попытаться увести меня у него... Хотя затем Дэн признался, что самых ретивых все же придется вызывать на дуэль. Но определенно, их будет в разы меньше. Зато и мне не придется доказывать девицам, что я рядом со Стиллом явление временное и меня можно так легко подвинуть...

— А еще я поспешил объявить о помолвке, чтобы ты не успела мне отказать.

— Что ты имеешь...

Договорить я не успела. Дэн остановился, вынудив меня сделать то же самое. А затем начал хлопать себя по карманам, словно что-то ища, и ворчал:

— Да куда же я ее засунул? — И, обнаружив искомое, с радостным выдохом заключил: — Вот же она.

А затем неожиданно опустился на колени, будто готовясь завязать шнурок. Но не наклонился, а достал небольшую деревянную коробочку.

— Ники, в столовой я не шутил. И действительно хочу, чтобы ты была со мной. И сегодня утром я окончательно понял... что хочу проводить все оставшиеся ночи с тобой. И встречать рассветы тоже.

— И даже воровать крылаток из ботанического сада? — ляпнула я не подумав.

— И даже воровать эти демоновы цветы... но с тобой! Поэтому прошу: прими от меня это кольцо...

Я сглотнула, стремительно возвращаясь в реальность. С оглушительной скоростью падая в нее, вдребезги падая.

— Твоя мать... — я вспомнила разговор с мисс Стилл. — Она ясно дала понять, что брак с ее сыном — только через мой труп.

— Сегодня утром я отрекся от рода. — Дэн упрямо вскинул подбородок.

Я сглотнула. Всего одно слово... Оно жгло меня изнутри. И вырвалось все же наружу.

— Нет. — И я в следующий миг вспыхнула факелом, но даже не заметила, что дар вырвался из-под контроля.

— Нет? — Дэн резко выпрямился.

— Если я соглашусь, то не смогу себе простить того, что из-за меня ты порвал с семьей. Потому что рано или поздно ты захочешь вернуться. К своей матери, которая тебя по-своему, но любит, в свою прежнюю жизнь, в которой мне нет места. И возненавидишь меня за то, что из-за меня этого всего лишился...

— Это мой выбор, Ники! — рявкнул Дэн.

— А я не хочу заставлять тебя выбирать между мной и своей семьей! — я шептала, крича. Никогда не думала, что такое вообще возможно, но... — Семья — это самое ценное, что есть у человека. Нельзя от нее отрезаться.

— Ты — моя семья. — Дэн посмотрел мне прямо в глаза. — Я хочу быть с тобой.

— И я — с тобой, столько, сколько будет угодно двуединой силе. — Я обняла его скулы ладонями, понимая, что моя гордость сломалась, треснула по шву вся, как и я сама. Потому что сейчас я четко осознала: плевать на все условности. Любовница так любовница. Мне никогда не быть женой Стилла, но рядом... Я могу. — Быть просто твоей. Безо всяких колец. И уйти, когда пойму, что наше время истекло.

— Я не отпущу, — упрямо ответил Дэн и наклонился так, что наши лбы столкнулись.

Глава 13

— Знаю, — выдохнула ему в губы.

Мы стояли на аллее, под облетевшими каштанами, в вечерних сумерках. Не целовались, не обнимались, но при этом были настолько близки. Запредельно нежно. Интимно. Обнажив друг перед другом не тела — души.

Я не знаю, сколько так длилось. И сколько бы еще могло продолжаться, если бы не шумная компания адептов, голоса и смех которых мы с Дэном слышали раньше, чем увидели троих парней и двух девушек, что-то бурно обсуждавших.

Я и страж отпрянули друг от друга, точно школьники, застигнутые врасплох. Я спешно начала поправлять куртку, которая и так сидела отлично. Стилл задумчиво посмотрел куда-то в сторону...

И только когда шумная компания поравнялась с нами, я заметила: на моем пальце все же было кольцо! Когда, а главное, как Дэн успел мне его надеть? Вот упрямый! И ведь как ловко все провернул. Сначала объявление в столовой. И чтобы я не начала все отрицать, сделал это публично и вроде бы в шутку. А потом уже — предложение, настоящее. Этот стратег буквально в угол меня загнал и даже кольцо вручил. Обручив меня же без меня.

Когда группа магов прошла, я, пытаясь стянуть украшение с пальца, прошипела:

— Ты невозможный тип! Почему у нас всегда так?

— Как? — уточнил Дэн, бессовестно глядя на мои потуги и даже не предлагая помощь.

— Ты соглашаешься, киваешь и все делаешь по-своему! — возмутилась, уже понимая: не сниму.

Дальнейшие слова Стилла это только подтвердили:

— Оно родовое. Я попросил его у Бэль, когда сегодня утром разорвал с ней договорную помолвку...

Он сказал помолвку, а у меня перед глазами возникло лицо его матери. И ее карминово-накрашенные губы, произносящие:

«Неустойка». А еще: «Тебе, Ники, крышка!» Я не знала, что с этим делать. Как жить дальше. Но то, что я могла совершить сейчас, — это подвиг. Правда, садоводческий. Ведь даже помолвка, свадьба или собственные похороны не повод, чтобы прогуливать отработку в оранжерее. О чем и сообщила Стиллу. Не то чтобы я была энтузиасткой прополки грядок. Но мне сейчас нужно было срочно занять руки, раз уж мозги забиты. К тому же во время простой работы лучше думалось и меньше хотелось придушить некоторых самонадеянных женихов...

Дэн (самоубийца, не иначе!) вызвался мне помочь. И к владениям Штопса мы подошли в абсолютном и недовольном молчании. Вот только тепличнику не было до нас особого дела. Он был, мягко говоря, озадачен и чесал затылок.

— Что-то случилось? — спросила я, когда обнаружила властелина оранжереи рядом с грядкой, на которой росли демоновы злотые крылатки. Внутри у меня все похолодело. Потому что высаженного утром цветка там не было.

— Мистика, — почесывая затылок, отозвался тепличник.

Слово за слово мы с Дэном выяснили, что вчера вечером Штопс срезал свой лучший цветок из оранжереи, чтобы подарить его одной особе, которая была ему небезразлична. А сегодня утром обнаружил, что крылатка таинственным образом вернулась на грядку.

— Вот я решил срезать его по новой и еще раз подарить...

— И как? — Я сглотнула от напряжения. — Подарили?

— Да, — радостно отозвался он. — Правда, госпожа Файтенбах сказала, что первый цветок куда-то исчез...

«В кого-то», — захотелось поправить мне. Но я не стала. Лишь взяла протянутую Штопсом тяпку и с остервенением начала окучивать что-то большое, раскидистое и хищное. О том, что растение не прочь поохотиться, я узнала опытным путем, когда один из побегов решил схватить меня за лодыжку. Ну как схватил, так и отхватил. Но не от меня: я оказалась не столь расторопной, как страж. Наглядная демонстрация магической силы и тяпковой доктрины — Стилл шарахнул по побегу сначала магией, а затем и рабочим инвентарем — поумерили пыл растения, и оно стало изображать из себя приличный кустик.

Мы уже заканчивали окучивать, когда в моем кармане зазвонил магофон. Силь сообщила, что придет через пару часиков забрать Пусю. Я вздохнула с облегчением. Когда же с садизмом и огородничеством в стенах оранжереи было покончено, Дэн, как истинный джентльмен, вызвался проводить меня до общежития.

И вот там-то, когда мы стояли на крыльце перед входными дверьми и расставаться вроде бы было надо, но отчего-то не хотелось, нас и застала главная блюстительница нравственного облика адептов — вахтер, госпожа Файтенбах.

— Смотри-ка ты! Еще недавно с одним миловалась, а теперь уже с другим хахалем под ручку ходить! — уперев руки в бока, выдала она, стоя на пороге общежития.

— Женихом, — холодно произнес Дэн.

— Чего? — не поняла дама.

— Не хахалем, а женихом.

— Повидала я таких женихов за тридцать-то лет, что здесь работаю! — фыркнула вахтер. — Сначала жених-жених, а потом в кустах притих, как узнал, что отцом нечаянно стал.

Стилл уже хотел сказать что-то резкое, как я схватила его за руку и мило, но совершенно невпопад добавила:

— Кстати, о кустиках, а мы как раз из оранжереи. И господин Штопс просил вам передать, что вы самая очаровательная дама в этой академии...

Моя ложь была настолько топорной, что Стилл закашлялся, запнувшись об нее. Но, как говорится, чем неправдоподобнее вымысел, тем в него легче поверить.

— Так и сказал? — уточнила Файтенбах, хотя по глазам ее было видно: вопрос задан для проформы.

На губах дородной дамы расцвела улыбка. Видимо, она вспомнила тепличника.

— Именно.

И пока у вахтера было хорошее настроение, я поспешила с самым важным для меня вопросом:

— А вы правда тридцать лет тут работаете? И всех-всех адептов помните?

— Еще бы! — важно отозвалась Файтенбах.

И тут я поняла: взлом архива отменяется. Вот он, перед нами! Самый главный справочник по всем личным делам всех девиц, что за последние три десятка лет учились в стенах этой академии. Главное теперь — правильно задать вопрос.

— Неужели и подружек Лирин Толье помните?

— То каких? Не было у Лири особо подружек. Она очень правильная леди была. Не чета всяким вертихвосткам. Об учебе думала...

— Ну как же не было! — перебила я. — А Стальвия? Анабэль? Милинда? Оливия?

— Какие еще Анабэль и Оливия? — возмутилась моей бесцеремонности Файтенбах.

Вот тут был большой упс! Фамилий я просто не знала. И тут вахтер нахмурилась, задумавшись.

— Хотя... Стальвия вроде была... Имя больно редкое, южное. Потому запомнила. Ее все Сталь звали. Как раз вместе с Лирин учились, в одно время, только не дружили. Сталь такая же беспутная была, как некоторые. — Она скосила взгляд на меня. — То с одним придет, то с другим... Последний раз перед тем, как уйти из академии, с Олавом так под окнами миловалась, что сбежала.

— Сбежала? — переспросил Дэн, подхватывая допросный марафон, разгадав мой замысел.

Спросил он это лишь ради того, чтобы Файтенбах не замолкла. А то еще как спохватится, что мы не о том заговорили, да и перестанет давать ценную информацию. В том, что она ценная, даже сомневаться не приходилось.

— Ну да. Это за год до того, как Толье исчезла. Тогда после ее пропажи всю академию на уши поставили. Слыханное ли дело! Леди из знатного рода! И хоть тогда еще никто не знал, что ее брат канцлером станет, все равно... Эх, хорошая девочка была Лирин. Серьезная... — И вновь укоризненный взгляд на наши руки.

Правда, заметив кольцо на моем пальце, вахтер перестала сыпать укорами и даже поинтересовалась:

— Неужто и вправду жених?

Я перевела мрачный взгляд на довольного Стилла. А маг так и сиял, словно памятник такому прозорливому себе. Его вид без слов

говорил: смотри, ты моя невеста всего ничего, а уже вон какая выгода...

Увы, больше разговорить Файтенбах о Толье не удалось, она ушла обратно в общежитие, напомнив о приличиях и времени. На ее языке, судя по всему, это значило, что мы получили ее одобрение.

Вот только Дэн, когда мы вновь остались наедине, прищурился и иронично уточнил:

— А с кем это ты миловалась?

— Мы еще даже не женаты, а я уже чувствую себя супругой ревнивца, — попытался я отшутиться.

— Мне нравится ход твоих мыслей о браке, но все же, кого мне первым следует вызвать на дуэль? — не дав себя сбить с пути подозрения, спросил маг.

— Да с Мором мы тут стояли! Тебе еще и магографию с отчетом об этом прислали, — напомнила я о злополучном снимке, сделанном так виртуозно, что ракурс получился, словно мы целуемся.

Если я думала, что страж смутится, то я жестоко ошиблась. Он лишь произнес тихо, скорее для себя:

— Как же он меня достал!

— И ты решил это высказать ему в библиотеке? — я решила прояснить ситуацию.

— Да. И еще пару раз напомню. — Дэн сжал кулаки, остро глянув на меня, и... тут черты его лица разгладились, и он неожиданно выдал: — Никогда не думал, что буду таким ревнивцем... И будет бесить одна мысль о том, что какой-то тип подбивает клинья к моей девушке.

— Похоже, мы стоим друг друга. — Я невольно улыбнулась, вспомнив свою реакцию на девицу, что стояла на полу на коленях перед стражем сегодня в библиотеке.

— А этот миг стоит того, чтобы потратить его на поцелуй. — Стилл обнял меня, решительно привлекая к себе.

А я была совсем не против. И неважно, что через стекло Файтенбах испепеляла нас грозным взором поборницы нравов, у которой прямо под носом творилось форменное бесстыдство.

В комнату я возвращалась, не чувствуя земного притяжения. Окрыленная, счастливая, беззаботная, но едва открыла дверь...

— Ники, когда ты избавишь нас от этой пакости! — категорично выдохнула Дара.

— А что случилось? — опасливо уточнила я.

— Твоя химера! — ткнув пальцем куда-то в недра шкафа, пояснила некромантка. — Я сегодня разбирала свои вещи и нашла много интересного и шесть раз твою Пусю!

— С ней такое случается, — пришлось признать неизбежное. — Но Силь вот-вот ее забер...

Услышав имя хозяйки, Пуся отчего-то не проявила должного рвения, а поспешила спрятаться под кровать. И, судя по звукам, доносившимся из-под ложа, усиленно рыла подкоп на первый этаж.

— Я смотрю, химера рада возвращению домой... — прокомментировала Лори.

— Она просто слегка вне себя от счастья, — попыталась я заверить соседок.

А после этого полезла совершать подвиг — доставать пушистую пакость из ее убежища. Не сказать, что это удалось сразу, но все же спустя полчаса тварюшка была запихнута в переноску. Как раз к тому времени, когда Силь позвонила, чтобы сообщить: она у ворот академии и жаждет воссоединиться со своей питомицей.

Питомица, слушавшая голос хозяйки по мегафону, недовольно заурчала. Видимо, Пусе понравился дух свободы, царивший в академии. А еще колбаса, которой ее кормила Лори.

Но, несмотря на протесты химеры, торжественная ее передача все же состоялась. И я наконец-то смогла выдохнуть.

— Не хочешь прогуляться? — предложила подруга.

— А как же твое выступление? — удивилась. — Ты же по вечерам занята в клубе...

Только сказала — и тут же пожалела. У Силь дрогнула губа, а глаза мгновенно увлажнились.

— Эй. Ты чего?.. — начала было я, и в ту же секунду обычно жизнерадостная и целеустремленная подруга растерянно шмыгнула носом. — Ну-ну...

Я обняла ее и погладила, как маленькую, по голове. Причина слез Силь оказалась проста: ей пришлось делить место звезды шоу с еще одной талантливой дивой. И сейчас подруга не просто боялась. Она

была в панике: вдруг ее — и попросят на выход. Только не на сцену, а вон из клуба.

— А еще эта Ангелос... Дрянь! — Силь отняла заплаканные глаза от носового платка. Импульсивно сжала ткань так, словно выплакала все и теперь была готова к бою. — Представляешь, вчера мне в туфли битого стекла насыпала. Мне на сцену выходить, я только ногу всунула... А у них носок закрытый и каблук...

Я невольно припомнила, что подруга ниже семи дюймов каблуки не признавала от слова «совсем», и поежилась. Представляю, как порезала Силь ноги.

Но мое воображение было гораздо богаче реальности. Все оказалось не так страшно. И хотя стекло все же оставило след на пальцах, но не сильный.

Силь успела вытряхнуть осколки буквально за пару секунд до того, как выбежала на сцену. А потом, после выступления, поехала к целителю. Но сначала объяснила Ангелос, исключительно по-девичьи объяснила, что так делать не стоит. Как итог, не только Силь посетила утром целителя. Ангелос пришлось наращивать свою шевелюру, которая враз поредела.

— Я бы ей все патлы крашенные выдрала, — негодовала подруга, пока мы шли по улице. — Дрянь! Решила мое место занять. И ведь ни перед чем не останавливается... Сегодня крошево из осколков, а завтра что — яд? Или кирпич на голову?

Силь зло цокала на высоких каблуках по тротуару. Мы как раз подходили к мосту, выгнувшемуся над рекой. Металлический каркас, чугунные перила с затейливой ковкой, что вплотную примыкали к тянувшимся с обеих сторон пешеходным проходам. А меж ними было дорожное полотно, по которому плотным потоком шли машины.

Ветер, бравший разбег над рекой, трепал волосы, кидая пряди то на лицо, то, наоборот, отбрасывая за спину, так что те реяли, словно стяги.

И все то время, пока мы шли по подъему, меня не покидало странное чувство. Меж лопаток зудело, словно там застрял чей-то взгляд.

— Нет, ну ты предста... — начала снова Силь. И тут ее каблук попал в выбоину. Подруга пошатнулась, взмахнула руками. Я

попыталась ее схватить и тут почувствовала, как мимо меня по касательной что-то промчалось.

Я не удержала равновесие, рухнув на подругу. Она пронзительно тонко вскрикнула, и мы обе шлепнулись на мостовую. Переноска с Пусей выпала из рук подруги, дверца открылась, и химера стрелой выскочила из-под нее, ринувшись куда-то в сторону.

Пронзительный визг шин, истерика клаксонов...

Я повернула голову и увидела, как в том месте, где я только что стояла, погнулась от удара воздушной волны чугунная ограда. По ней словно врезали гигантским кулаком...

Если бы не падение Силь — меня бы просто смяло и перекинуло через перила безвольной мертвой куклой.

Я лихорадочно вскочила с места. Подруга, которая не понимала, что происходит, продолжала вопить.

Я оглядывалась, пытаюсь определить источник удара. О том, что магический хук задел не только меня, свидетельствовало хотя бы то, что несколько машин развернуло на полном ходу. Они врезались друг в друга и замерли, истерично вопя вышедшими из строя от удара сигнализационными заклинаниями.

Прохожие на тротуарах с обеих сторон моста остановились, глаза на аварию. Вот только одна фигура — не понять, мужская или женская, лишь светлую макушку и разглядишь, — устремилась прочь.

Силь же, быстро поняв, что на ее крики в стиле «несчастливая девушка нуждается в сильном защитнике» никто не реагирует, достаточно шустро вскочила и тоже увидела белобрысую голову. И во всю мощь своих легких завопила.

— Вот! Светлые патлы! Задержи, Ники! — причем подруга орала «задержи» мне, а швырнула заклинанием в убегающую фигуру сама. При этом нимало не заботясь о том, что чары могут задеть кого-то еще. Так и случилась.

Выпущенная Силь магия задела какого-то представительного джентльмена, опрокинув того навзничь. Он зацепил руками свою спутницу, которая почему-то завопила:

— Убивают!!!

Я же решила, что бросаться магией для будущего стража настолько непрофессионально, что может закончиться вылетом из академии. Поэтому по-простому побежала.

Перепрыгнула через высокий бордюр, что отделял пешеходную зону от проезжей части. Тут же в меня едва не врезался автомобиль. Он ударил меня так, что я оказалась у него на капоте, и провез несколько метров, пока я не перекатилась спиной по окрашенной в канареечный цвет стали. На миг увидела побелевшее вытянувшееся лицо водителя и в ту секунду, когда он нажал на тормоза, скатилась с капота и побежала дальше.

На пути возникла та самая свалка из машин. Одна из них даже задымилась. Из-под ее днища валил чад и вырывались языки пламени. С разгону я вскочила на один из минивэнов. Оттолкнулась от его бампера. Прыжок. Под моим весом прогнулась крыша другого автомобиля. А я ловко перескочила на следующий, стараясь не терять из виду белобрысую макушку.

Почему-то внутри была уверенность: никакая это не Ангелос. Удар был рассчитан на меня, а Силь просто попала под руку. Точнее, так удачно упала на своих каблуках, что спасла мне жизнь, сама этого не подозревая.

И сейчас у меня впервые был реальный шанс если не поймать своего несостоявшегося убийцу, то оказаться с ним лицом к лицу.

Я наконец пересекла проезжую часть и помчалась по тротуару, протискиваясь локтями сквозь плотную толпу зевак.

Моя цель все ускорялась, при этом очертания фигуры таяли, менялись на глазах. словно тело было из пластилина, плавившегося под безжалостным жарким светом софитов. Краски смешивались. И вот уже блондинистая шевелюра слилась с ярким зеленым свитером, став болотного цвета.

На бегу огляделась. Людей вокруг стало в разы меньше, чем на мосту. И я решила. Призвала магию. Огненный шар в ладонях зашипел, того и гляди готовый сорваться в полет. И я его швырнула, точно метя в цель, когда на линии броска не осталось никого, кроме меня и моего убийцы.

Пламенный сгусток начал свое движение, поджигая собой не только пространство, но и, кажется, даже время. И то, недовольное, замедлилось. Растянулось, словно эластичная резина.

Вот файербол нагоняет цель. Размытая, потерявшая уже всякое сходство с человеческой фигура делает рывок в сторону, поворачивая в переулок, шар врезается в кирпичную стену, выбивая из той осколки

камней и цементную крошку. Заклинание лишь задевает плечо моего убийцы, разворачивая его.

На миг я вижу перед собой смазанную иллюзорную маску. Искаженные черты лица: рот напоминает лягушачий разрезом от уха до уха, глаза странно съехали по диагонали, нос провалился. И все же в этом уродце есть что-то...

Я не успеваю осознать ничего до конца. Потому что в ответ тот, кто находится под личиной, успевает достать что-то. И почти тут же в меня летит заранее заготовленное смертельное проклятие. То, что у моего убийцы был заготовлен по мою душу артефакт из арсенала магов-отступников, я понимаю лишь краем сознания.

А руки сами собой плетут щит. Примитивный. На сложный нет времени. Я вливаю в него магию. Много магии. Сила идет сплошным потоком, разгоняясь, как волна цунами при приближении к берегу.

Они сталкиваются. Проклятие и мой барьер.

Время, до этого застывшее, словно ледяная статуя, крошится на сотню осколков. Секунды срываются в стремительный бег.

Я увидела, как мой щит, на мгновение набрав огромную скорость, столкнулся с темным заклинанием. От взаимного удара образовалась такая волна, что меня не просто отбросило — подхватило, приподняло в воздухе и протащило до столба, в который я и впечаталась спиной так, что на некоторое время перед глазами возникла чернота.

А когда зрение все же вернулось, то я увидела, что в двадцати метрах от меня в пустом переулке образовалась воронка, как при взрыве. Но сквозь пыльную завесу я все же смогла разглядеть, что тип, которого я преследовала, исчез.

Завывшие вдалеке сирены блюстителей порядка ненавязчиво намекали, что и мне пора делать ноги, пока мне не сделали руки. Точнее — не заковали их в наручники. Я поднялась и, потирая отбитую поясницу, как старая бабка, поковыляла прочь.

Ощущая на себе все прелести человека, сведшего личное знакомство с радикулитом, я успела свернуть за угол ближайшего дома, когда к месту столкновения заклятий прибыли офицеры.

Я же, морщась, разогнулась и медленно побрела к мосту, где оставила Силь. Оказалось, что в погоне за своим убийцей я преодолела несколько кварталов. И уже когда подходила к тому месту, где оставила подругу, в моем кармане запищал магофон.

Звонила подруга. И, шмыгая носом, поведала мне, что она в порядке, с ней все хорошо и вообще почти чудесно, только она просит ее забрать из этого замечательного места.

— Какого? — уточнила я.

— Участка, — отозвалась Силь. — И еще нужно внести залог...

— А тебя-то за что? — только и нашлась что спросить.

Глава 14

Из сбивчивого рассказа подруги выяснилось, что почти за дело. Точнее, за то, что она задела двух горожан заклинанием, применив атакующую магию. Ее заклинание попало ровно в префекта столичного округа, совершавшего этим вечером моцион с супругой.

Я на это лишь вздохнула. И поехала вызволять Силь.

За подругу залог внесла уже глубокой ночью.

Ворота в академию были уже закрыты, поэтому я подумывала, как бы половчее и незаметнее пробраться в общежитие. Вторая ночь подряд почти без сна — даже для меня перебор. Поэтому я была перманентно зевающая и очень злая.

Мы вышли с ней из участка, когда небо уже вызвездило. Мы топали по улице, Силь одергивала короткое платье, расшитое блестками. После того как она при задержании порвала свой пиджак, придававший наряду солидности, вид у подруги стал вопиюще легкомысленным. А с учетом того, что мы шли по улице, славившейся бурной ночной жизнью, немудрено, что нам вслед неся свист. Некоторые им не ограничивались, пытаясь склеить... кхм, познакомиться с Силь.

— Эй, милашка, не хочешь покататься на моем жеребце? — донеслось откуда-то сбоку.

Подруга резко обернулась. Я тоже непроизвольно скосила взгляд в сторону крикуна. А тот только и ждал, когда красотка обратит на него внимание. И выразительно хлопнул по баку байка, на котором сидел. Вот только ладонь его при этом легла как раз рядом с тем местом, где начиналось сиденье. То есть почти рядом со своим пахом. Отчего приглашение прямым тестом говорило: он явно не байк имеет в виду.

Я оценила и зашкаливавшую наглость, и внешний вид парня: кожаная безрукавка на голое накачанное тело, кожаные же штаны, тяжелые армейские ботинки, легкая щетина, добавлявшая шарма, жгучий взгляд и волосы цвета южной ночи, собранные в короткий хвост.

— Я против домогательств, — фыркнула подруга, давая понять, что тип ее не заинтересовал.

На что байкер тут же ответил:

— А домогательства и не предполагают твоего согласия, детка...

Именно в этот момент в кармане моих штанов вновь ожил магофон. Дэн.

— Ники, где ты сейчас? — вопрос, заданный вроде бы мягким тоном, настораживал. Был в нем какой-то внутренний напор и... нотки ревности!

— Я... — начала было, но тут на заднем фоне послышался мужской голос:

— У тебя шикарные булочки, киска. Я их уже обожаю... — И хотя восклицание байкера было обращено к Силь, отреагировал на него страж.

— Это кто? — голос стража не предвещал ничего хорошего.

— Будущий инвалид, — зло глянув на пристававшего к подруге парня, отозвалась я.

— Труп, — произнес Дэн.

— Что? — не поняла я.

— Я говорю, что это не инвалид, а труп, — пояснил маг и повторил свой вопрос: — Ты сейчас где?

— Ты не поверишь... — выдохнула я и закусила губу, пытаюсь максимально кратко охарактеризовать все, что с нами произошло.

— Попытаюсь поднапрячь воображение... — холодно заверил Стилл.

— Мы с Силь только что вышли из полицейского участка и сейчас идем по Веселому кварталу. И к моей подруге пристают...

— Сильно пристают? — уточнил Дэн.

Я, на время разговора успевшая отвлечься от подруги, повернула голову в ее сторону и...

— Сильно. Но, кажется, она уже не так и против...

Судя по тому, как оживленно Силь уже чирикала с байкером, они все же на чем-то сошлись.

Я отняла трубку от телефона и уточнила:

— Силь, его еще все надо убивать или у вас любовь, ночь страсти, брак, ссуда на квартиру и дети в перспективе?..

Байкер при перечислении первых пунктов сначала радостно оскалился, а при последних — как-то враз поумерил пыл. Мне на миг показалось, даже свою жилетку на голом торсе вот-вот целомудренно запахнет.

Перевела взгляд на подругу: та тоже поскуцнела. Даже губы поджала.

— Убивать не надо, — недовольно фыркнула она. — А Диего — отличный парень, просто со своеобразным чувством юмора. Он, кстати, обещал нас подбросить, если куда надо.

— В академию! — тут же среагировала я, пока подруга не назвала свой адрес. А то потом, сдастся мне, они поднимутся к Силь весело проводить время, а мне — во дворе байк охраняй?

И радостно сообщила Дэну, что, кажется, нашелся извозчик, что домчит меня до ворот, точнее, до дыры в ограде, через которую можно вернуться в общежитие.

— Дай-ка магофон этому парню, — только и произнес страж.

И так это сказал, что мои руки сами протянули трубку байкеру, минуя мой мозг. Осталось лишь добавить:

— Это вас...

Диего удивленно посмотрел на магофон, но все же взял переговорный артефакт. И начал слушать. Серьёзно так, сосредоточенно. Не сказал ни слова. Лишь когда отдавал магофон, смотрел на меня уже с уважением, почтением и опаской.

И домчал меня до академии и вправду быстро. А еще осторожно, словно статуэтку. И все это время байкер вел себя так, словно за ним наблюдают из прицела.

И только когда я слезла, Диего сглотнул и произнес:

— Передай Скале, что Диего все сделал в точности, как он сказал...

Я лишь кивнула с умным видом и пошла прочь. За спиной тут же взревел мотор, взвизгнули покрышки, и Силь со своим байкером умчались прочь.

А я осталась. Я и куча вопросов. Стилл — Скала? И почему это прозвище внушает такой трепет наглым байкерам? Как выяснилось, я многого не знаю о Дэне... И что еще он скрывает? И еще, божественный провидец подери, куда делась Пуся?

Но терзаться догадками долго мне не пришлось. Из тайного прохода появился хмурый Стилл.

— А теперь рассказывай, — сложив руки на груди, начал он.

Я и поведала Дэну подробности сегодняшней «прогулки» с подругой, а затем, точно так же скопировав и позу, и интонацию страджа, потребовала:

— А теперь ты ответь на вопрос: кто такой Скала?

Удивительно, но Дэн смутился! Посмотрел себе под ноги, почесав затылок, а потом нехотя признался:

— Это было на первом курсе. Когда дури было в голове немерено, а желание доказать, что яйца круче, чем вареные, хлестало через край. И очень хотелось набить морду одному типу...

— Магическая дуэль? — догадалась я.

— Вообще-то, драка в подворотне, — поправил страж, расписавшись в том, что не все его поступки благородны и возвышенны.

У той драки были свидетели. И один из них — организатор подпольных боев. Он-то и предложил Стилли выступать на ринге за деньги, думая, что перед ним обычный уличный парень, а не наследник древнего рода. Тяжело было распознать в парне, у которого кровью противника напрочь заляпаны джинсы и футболка, аристократа. А Дэн возьми и согласись.

— Посчитал это отличным способом выпустить пар. Ну и насолить отцу, который считал меня слабосилком... Лишь потом, спустя пару месяцев, два десятка побед и сломанное ребро, когда притон накрыли и меня арестовали, я понял, что это была не самая лучшая идея. Адвокат, конечно, отмазал, но с отцом мы долго не общались, — признался Дэн. — С тех пор осталось только имя — Скала. И вот сегодня оно пригодились...

— Ты полон сюрпризов... — протянула я.

Стилл на это заявление лишь хмыкнул:

— И это мне говорит девушка, которую я четыре часа назад оставил на пороге общежития в полной уверенности, что она ляжет спать, а не будет гонять по городу, вызволять из участка подруг и кататься на байке с одним из самых отвязных гонщиков столицы... — страж произнес это вроде бы в шутку, но следующий вопрос прозвучал

абсолютно серьезно: — Тебя не сильно приложило о столб? Может, тебе нужен лекарь?

— Да. Мне нужен... — не стала я спорить. Дэн тут же помрачнел. И пока он не успел потащить меня в лазарет, перебудив всех целителей, я потянулась к нему, привстала на цыпочки и, выдохнув в губы, добавила:

— Мне нужен ты!

Целовались мы долго и с упоением. Я потеряла счет времени. Не осталось ни минут, ни часов. Лишь только губы Дэна, его объятия, горячее дыхание и шепот...

Я не знаю, сколько усилий Стилли понадобилось, чтобы остановиться. Лично у меня не нашлось моральных сил, чтобы сделать это первой.

— Скоро рассвет, — тяжело дыша, глядя на зарево неба, ответил страж.

— Вторым рассвет, который мы встречаем вместе, — сказала — и спрятала лицо на груди Дэна.

— Вторым лучшим рассветом в моей жизни.

— Ага, — согласилась я. Все бы хорошо, но я в этот миг неожиданно для себя широко зевнула...

Страж, увидев это, категорично повел меня к дыре в ограде. А когда мы оказались на территории академии, и проводил до общежития, и помог забраться в окно душевой второго этажа, закинув в приоткрытую створку магическую петлю.

Я же, оказавшись в здании, крадучись пробралась в комнату. Тихонько разделась, нырнула в теплую кровать с мыслью, как же хорошо под одеялом, и... оказалась в постели не одна!

На меня в упор смотрела наглая морда, полная презрения.

— Мяу! — возмутилась Пуся.

— Вот демон! — выругалась я, давая характеристику то ли химере, то ли ситуации в целом.

Я и Силь напрочь забыли о ней, когда на нас на мосту напали. А эта поганка, как оказалось, никуда не делась, а пришла туда, где ее не ждали, но зато кормили колбасой.

— Пуся, сгинь! — с чувством произнесла я.

— Мяу! — заявила химера, а мне послышалось «сама сгинь».

На этом наши препирательства и кончились, потому как я банально заснула. А утро для меня началось не со звука будящего артефакта или тормозивших за плечо соседок, а с желания сдохнуть. Превозмогла его невероятным усилием воли и заставила себя подняться с постели. Взглянув на мирно дрыхнувшую Пусю, с соседками мы приняли коллективное решение не будить зло, пока оно тихо. А потом разберемся. Главное — не выпускать это исчадие пекла из комнаты. А затем я сонным зомби побрела сначала в столовую, потом — на практикум по некромантии.

Я наверняка задремала бы на занятии, если бы не грозный взгляд магистра Троноса, который, напрактиковавшись на мертвях, теперь способен был вернуть к жизни любого адепта. Хоть сонного, хоть убитого. Одним словом, я была вставшей и смотрящей на мир, но ни демона при этом не соображавшей. Потому моя издохшая крыса, которую нужно было подчинить и заставить атаковать лежавшую на столе палку, вместо того, чтобы измочалить ветку, начала аккуратно грызть ее с целью свить гнездо.

— Что это, адептка Роук? — глядя на мою подопечную, спросил преподаватель.

Лишь чудом мне удалось не зевнуть магистру в ответ.

— Инстинкт гнездования, — моргая и тем пытаюсь прогнать дрему, ответила я. — Похоже, мне попалась беременная... — попыталась хотя бы как-то объяснить конфуз.

— У вас крысенок, — безапелляционно заметил преподаватель.

— Значит, он очень хозяйственный. — Я развела руками.

За хозяйственного крыса Тронос мне поставил удовлетворительно: все же поднять я его сумела. Наверняка от такой оценки я выпавшаяся расстроилась бы. Но сегодня мне было все равно. А вот Толье, который занимался рядом, нет.

— Чем это ты всю ночь занималась? — подозрительно, ну точно дотошная дуэнья, спросил он.

— У меня была насыщенная некультурная программа. — Я все же прикрыла рот ладонью.

— И чем же ее насыщали? Надеюсь, углеводами? — вновь проворчал Мор.

И тут я поняла: он не дуэнья, он ревнивец.

— Насыщенная покушениями, приводом в участок, ездой на байке и заразой, с которой пришлось спать в одной постели.

— Ты это о Дэне? — мрачно поинтересовался напарник.

— О химере! — выдохнула я и в сердцах наградила эту пушистую пакость еще несколькими эпитетами, которые наверняка не пропустило бы в печать ни одно приличное издание. Неприличное, впрочем, тоже не факт, что выпустило бы в тираж.

Удивительно, но замена стража на Пусю отчего-то обрадовала Толье, который даже улыбнулся от этой новости. А я, глядя на его улыбку, решила все же подпортить приятелю настроение и сообщила:

— Нам нужно в архив.

Мор тут же все понял и возразил:

— Но мы же не знаем, что точно искать...

— Кажется, уже знаем.

— Точно? — прищурился приятель.

— Примерно, — не стала лукавить я.

Остаток дня прошел как в тумане. Я что-то писала в лекционных тетрадях, но чаще просто клевала носом.

А на отработке в оранжерее, куда пошла сразу же после пар, и вовсе едва не уснула. Благо пришел Дэн и сделал почти все за меня. На удивление, страж был бодр, полон сил и лучился энергией. То есть вызывал зависть настолько, что еще немного — и она грозила бы перерасти в ненависть.

Посещение архива запланировали на полночь. И пока та не наступила, я попыталась засесть за пропущенные темы. Потому что разговоры разговорами, перевороты переворотами, а учебу никто не отменял. А то со всеми этими расследованиями можно запустить учебу и вылететь из академии. А делать этого ни в коем случае нельзя. Я мужественно несколько раз прочла заданные параграфы и... уснула над учебниками.

Проснулась я оттого, что кто-то настойчиво кидал камешки прямо мне в голову. Я с усилием оторвала ту от стола и поняла: не в голову, а в окно. Мелкая галька противно дзинькала, грозя перебудить соседок.

Я подошла к шторам, отдернула их и увидела Толье с голышом в руках. Распахнула окно.

— Ты чего? — прошептала я громко, так чтобы этот снайпер услышал.

— Это ты чего на звонки не отвечаешь? — возмущенно отозвался в ответ Мор.

Я достала магофон. Артефакт оказался напрочь разряжен. Заверив подельников... кхм, напарников, что сейчас спущусь, начала спешно собираться. Выпрыгнула все через то же окно в душевой, успев подумать, что пользуюсь им едва ли не чаще, чем парадным входом.

Поймал меня Дэн. Страж был чем-то недоволен. Как выяснилось минутой позже — кем-то. А точнее — Толье.

— Я предлагал тебя не будить и дать выспаться, — ворчливо признался Стилл. — Но этот...

— Этот, в отличие от тебя, — тут же смешался Мор, — прекрасно понимает, что вдвоем с тобой мы можем пропустить что-то важное.

— Ники невыспавшаяся, она в таком состоянии тоже может не заметить... — упрямо возразил страж.

Вот так, препираясь (даже когда прятались от блазней, эти двое все равно спорили), мы и добрались до архива с личными делами. Он стоял особняком от библиотеки, и на нем было столько защитных чар... На ели в Новогодие и то меньше гирлянд и игрушек. Но Дэн умудрился проделать в них дыру, не потревожив охранки. А Толье, каким-то чудом раздобывший ключи, — отпереть обычные замки.

Мы оказались внутри темного, пахнущего пылью и временем помещения.

— Ну, и что искать? — задал насущный вопрос Мор.

— Для начала — личное дело твоей тети, — отозвалась я.

— Что-о-о? Мы ради этого сюда лезли? — возмутился Толье. — Да я тебе и так все о ней расскажу.

— Дела девушек, которых мы ищем, должны быть где-то рядом с Лирин.

Мор недоверчиво глянул на меня, но нужную папку все же пошел искать. Не сразу, но она обнаружилась. А затем начались долгие и кропотливые поиски личных дел адептов, учившихся в то же время, что и тетя Мора.

К трем утра на столе лежало четыре стопки. Одна — вовсе из одной папки. На которой было выведено «Стальвия Микас» — та самая, что ушла из академии по собственному желанию за год до исчезновения Лирин.

Три остальных стопки были более объёмными. Так в одно время с юной Толье училось семь Анабель, три Миранды и четыре Олинии.

— Так, давайте, что между Стальвией и остальными может быть общего? — с этими словами Страж разложил открытые личные дела одно под другим. Все стопки.

Мы устали на листы, вчитываясь в характеристики. И... ничего. Я уже было решила, что моя затея — ерунда, когда Дэн неожиданно положил рядом со снимком, с которого жизнерадостно улыбалась брюнетка Стальвия, изображение Лирин, и...

— Брюнетки! — это бросилось в глаза. Обе девушки были милыми. Только юная Толье — серьёзной, а Сталь — задорной.

Я лихорадочно выбрала из разложенных личных дел темноволосых. Анабель, Олинию, Миранду...

Теперь я видела, что они чем-то неуловимо похожи. Типаж!

И мы уже целенаправленно стали изучать их дела. И... нашли закономерность! Все они в интервале пяти лет написали заявление об отчислении по собственному желанию. Кроме Лирин, конечно. В этом поступке у той же Олинии и Стальвии не было ничего удивительного, если судить по таблице успеваемости, но Миранда, похоже, училась превосходно. Зачем такой бросать учебу? Был, конечно, вариант личных обстоятельств — смерть отца или матери, долги семьи... Но что-то мне в подобное не верилось.

Я чувствовала, что разгадка близка, но... в сон клонило невероятно. Видя это, Дэн предложил закругляться. Выписав имена и фамилии адептов, четверть века назад учившихся в академии, мы расставили дела по полкам, и я отправилась спать.

Когда очутилась в постели, морде химеры даже не удивилась, лишь повернулась на другой бок и выпала из реальности.

Зато на следующий день проснулась отдохнувшей и полной сил и, только когда глянула на часы, поняла: это не волшебство или чудо. Я банально проспала. Стрелки показывали полдень. Стадии «паника», «раскаяние», «принятие» я прошла быстро. Рассудила, что все равно уже ничего не изменить и лучше подготовиться к отработкам пропущенного, чем к унынию.

Пуся сладко потягивалась рядом.

— Надо сдать тебя хозяйке, — глядя на довольную морду химеры, возвестила я.

Пушистая зараза возмущенно фыркнула в духе: «Нет уж. Дудки!»
— Мне нечем тебя кормить, — понимая, что и сама бы не прочь перекусить, просветила я.

На меня уставились янтарные глаза с вертикальными зрачками, словно вопрошая: так дело только в этом?

Не стал развивать эту тему, а быстро собравшись, я подхватила сумку и помчалась на последнее занятие, на которое еще успевала.

В аудиторию, где должна была проходить история магии, влетела буквально за пару секунд до начала лекции и, только плюхнувшись на свое место, поняла: что-то не так. Попыталась понять, что именно, и только тут осознала: я одна за партой. Толье не было. Но выяснить, куда делся напарник, было некогда. Началось занятие. А у магистра Смерти на лекциях полагалось сидеть тихо, писать быстро, соображать активно. И не отвлекаться на постороннее. За последним бдительный Морриган особенно следил.

Так что пришлось мысленно отложить магофон подальше и усиленно застрочить в тетради. После занятия же выяснилось, что артефакт, который был вчера разряжен, я так и не наполнила магией.

Пришлось срочно устранять это упущение. И лишь после этого я смогла дозвониться до Толье. Оказалось, приятель и вовсе сегодня не приходил на занятия. Отбыл к отцу. Хотя по официальной версии — просто заболел.

Мор обещал, что появится вечером с новостями. Не соврал. Как выяснилось, помимо дел семейных, приятель поговорил с отцом по поводу четырех бывших адептов. И Толье-старший пообещал выяснить их дальнейшую судьбу. Конечно, не сам лично, а дав поручение своим людям.

Услышав это, я обрадовалась: в моей душе появилась робкая надежда, что с расследованием будет покончено. Во всяком случае, для нас с Дэном. Ведь теперь уже остальным займется сам канцлер. И похоже, подобные мысли появились не только у меня, но и у Стилла.

— Надеюсь, теперь твой отец сумеет разобраться с тем, куда пропала его сестра, — выразил нашу общую мысль страж.

— Я тоже... — задумчиво покусывая костяшку пальца, произнес Толье. — Правда, не могу понять, что могло связывать их... Но надеюсь, агенты в этом разберутся...

«Разберутся»... Вот божественный провидец! Совсем забыла! Если агентам нужно было разобраться с загадками прошлого, то у меня в комнате сейчас засела проблема настоящего. Пуся. Нужно позвонить Силь и сообщить, что ее химера у меня. Пусть забирает!

— Я ненадолго, — извинилась перед Дэном и Мором, объяснив, что нужно сделать один звонок.

И, отойдя на небольшое расстояние, под раскидистый каштан, полезла в карман за магофоном.

Я стояла в парке под деревом, с которого уже изрядно опали листья. Они шуршали от дуновений ветра, радуя взгляд переливами золота и охры. Сквозь полупрозрачные ветви деревьев проглядывало осеннее солнце, которое светило, но не грело. Типичный день для золотой поры... Типичный...

В трубке раздавались гудки... Силь опять наверняка окунулась с головой в новый роман. С этим, как его, Диего. Он как раз ее типаж...

Типичная осень.

Типичный парень.

И неожиданно из глубины подсознания всплыл ответ подруги на мой вопрос: что может быть общего у нескольких девушек из списка? Силь тогда легкомысленно ответила: мужчина! А я посмеялась. А она, сама не догадываясь, оказалась права.

Девушки были похожи не случайно. А что, если именно этот типаж нравился кому-то?

Забыв о том, что хотела поговорить с подругой, я нажала «отбой» на магофоне в тот самый момент, когда Силь наконец-то ответила. И побежала к Дэну, который о чем-то напряженно разговаривал с Мором.

— Я, кажется, знаю, что общего может быть у всех девушек, — выпалила я, врезавшись на полном ходу в диалог Толье и стража, как таран.

— Что ты сказала? — не поверил сын канцлера.

— Что, кажется, догадываюсь, кого нужно искать. Парня. Точнее, сейчас уже мужчину. Лет около сорока. Он должен был учиться в этой же академии вместе со всеми ушедшими адептками...

И я, видя озадаченные лица Дэна и Мора, постаралась объяснить, на чем основано мое предположение.

— А вот теперь, кажется, мне придется вас покинуть, — светским тоном отозвался Толье. — Это не магофонный разговор.

И он спешно ушел. А мы с Дэном остались.

— Наконец-то, — облегченно выдохнул страж. — Я все ждал, когда смогу с тобой поговорить...

То, каким тоном он это произнес, заставило меня внутренне подобраться. Дэн явно не приглашал меня на легкомысленное свидание. Я оказалась права. В чем-то. Но Стилл меня все же пригласил. Только на званый вечер.

— Я хочу познакомить тебя с отцом. И официально представить всем как свою невесту.

— Знаешь, я с твоей матушкой уже встречалась, и... мне кажется, это не лучшая идея, — осторожно заметила я. — Может, не стоит? Особенно на подобных мероприятиях...

— Именно на подобном рауте и стоит. Мать слишком дорожит репутацией истинной леди, чтобы закатить скандал. А отец после моего объявления о помолвке сразу представит нового наследника рода Стилл.

— В смысле? — не поняла я.

— Разрыв помолвки с Анабель стоил мне отречения от прав наследования. Это было условие отца — если я поступаю, как хочу, то и несу полную ответственность за принятое решение. И после выплаты моей серьезной неустойки по контракту помолвки я не имею права на деньги семьи. Теперь мой младший братец получит после смерти родителей все. Это была плата за мой выбор. И я ни о чем не жалею.

— Так зачем тогда все эти официальные представления? — не могла понять я, далекая от светской жизни.

— Чтобы ни у кого и мысли не возникло, что ты моя любовница. Я хочу, чтобы все видели в тебе мою будущую супругу.

Глава 15

Дэн говорил, а я понимала, что не имею права отказываться. Не идти на этот демонов прием, даже если мне и не хочется. Он пошел ради меня против воли родителей, отказался от всего... И сейчас, когда весь мир обернулся против него, я должна была быть рядом. Поддержать. Поверить тому, кого люблю.

— Мне без разницы, в качестве кого я буду рядом с тобой: невесты или подруги. Главное, чтобы мы были вместе...

— Даже если у меня за душой не останется ни гроша? Лишь имя рода? Да и то не факт, что меня его не лишат...

— Зато в доме моей семьи тебя всегда будут ждать горячая похлебка и радушный, хоть и скромный прием, — попыталась я приободрить Дэна и добавила, делая мысленную пометку, что придется ехать в родной городок: — Только надо тебя с папой и мамой познакомить.

— Обязательно, — охотно согласился Дэн и неожиданно спросил: — А тебе нравится праздник перелома зимы?

— А почему ты спрашиваешь? — не поняла я столь резкого перехода.

— Я думаю, что это было бы отличное время, чтобы сыграть свадьбу...

— А ты ничего не забыл? — вкрадчиво поинтересовалась я.

— Чего? — столь натурально изумился Дэн, что стало понятно: играет.

— Например, а невеста в курсе, что у нее свадьба?..

— Я думаю, она по намекам должна была догадаться...

— Дэниэл Стилл! — Захотелось огреть по шее этого невыносимого, несносного, невозможного, невероятно самонадеянного, но любимого мага. — Это самое отвратительное предложение выйти замуж, какое я когда-нибудь получала...

— И я обещаю, сделаю все, чтобы больше никаких других не было, — заверил Дэн и, не давая сбить себя с пути к алтарю, спросил

прямо: — Так ты выйдешь за меня замуж?

— Ты еще спрашиваешь? — Я приподняла бровь.

— Просто скажи: да или нет, — оттянув вырез рубашки, словно тот его душил не хуже удавки, произнес Стилл.

— Конечно же, да!..

Не успела ответить, как меня подхватили и закружили над землей. А я засмеялась. Вот так, в самом сердце бури, оказавшись в эпицентре политического заговора, когда вокруг бушевали страсти, мы нашли свой островок спокойствия. Под скупым осенним солнцем, когда вокруг была прохлада, я и Дэн были согреты. Нашей любовью, которая заставляла улыбаться.

Я улыбалась весь оставшийся день. И пока отрабатывала в оранжерее (Дэн уже привычно был рядом), и пока готовилась к завтрашним занятиям в библиотеке.

А вот вернувшись вечером в комнату — перестала. Потому как Пуси не было. Лори и Дара были, а химеры нет.

Спрашивается, куда могла подеваться эта пакость? Только после ужина, когда на академию опустилась ночь, эта паразитка появилась. Причем не одна. С добычей. В пасти она тащила незнамо откуда уворованный кусок колбасы. Он был почти недогрызенный, что для химеры — просто подвиг.

Она положила добычу передо мной с таким видом, словно принесла пропитание сырым, убогим и голодным на год вперед. И после посмотрела на меня с немym вопросом: ну и кто тут у нас кого кормит?

После этого звонить Силь стало даже как-то неловко, и я малодушно решила сделать это завтра.

Но завтра меня окунула в себя круговерть лекций, практикумов, дополнительных занятий, отработки. А еще дополнительные занятия, когда пыталась нагнать упущенное. Как выяснилось, когда ничего экстренного не происходит, даже обычные дела наваливаются так, что только думаешь: где бы лопату побольше найти, чтобы их разгрести.

А через день появился Толье с фразой:

— Ты была права!

Мы как раз беседовали в пустом крытом переходе, который вел от учебного корпуса к складу рабочего инвентаря, потому здесь редко кто бывал.

Я облюбовала подоконник. Ден подпирал плечом стену рядом. Мор задумчиво смотрел поверх моей головы куда-то на улицу.

Там сегодня разбушевалась непогода. Дождь лил как из ведра, срывая с деревьев остатки листьев. Лично я ненавидела эту пору, когда красота уже облетела, снег еще не выпал и вокруг промозгло и уныло.

— В чем именно? — тут же пожелала я внести ясность: пифия я или все же скромный гений дедукции?

— В том, что все эти девушки связаны и похожи не только внешне. Агентам удалось выяснить, что все четверо после того, как покинули академию, погибли, не доехав до дома. Одну нашли в канаве с перерезанным горлом, вторая повесилась. Третья умерла от разрыва сердца. А четвертая просто пропала... Но самое главное, что они перед тем, как написать заявление об отчислении, встречались...

— С Олавом! — выпалила я, вдруг вспомнив, что именно это имя называла вахтер, когда говорила о Стальвии и нравах в академии. Дескать, она от этого самого Олава забеременела...

— Откуда ты знаешь о после Эскобаре? — в свою очередь, удивился приятель.

— Я знала только имя.

Мор — по глазам было видно — так и хотел возмутиться: знала — и не сказала!!! Но не успел, его перебил Дэн:

— Подожди! Это тот самый Олав Эскобар — посол Фларнии?

— Он самый. Около двадцати лет назад он учился в академии высшей магии по обмену... Наследник второго по величине рода после императорского в своей стране... Даже Лирин по его меркам была не столь значимой фигурой...

— Которую можно было смести с доски, — закончила я за Мора.

— И что нам теперь делать? — после воцарившегося молчания задала я самый насущный из вопросов.

— Не знаю... пока не знаю... — растерялся Толье.

Даже я понимала: шансов расспросить столь важную фигуру, да еще из соседнего государства... Не поедешь же во Фларнию с вопросом: а это не вы убили двадцать лет назад... За такое и арестовать могут. И даже не меня. А Мора.

Так и разошлись, ничего толком и не решив. Я была в раздрае. Казалось, что мы были в шаге от ответа, куда же пропала Лирин. А по

факту, сделав этот самый шаг, провалились по самое горло в трясину внешней политики.

А вот кто был полон уверенности в завтрашнем дне и имел четкие планы — это Пуся. Она напрочь отказалась возвращаться к хозяйке. Когда спустя пару дней Силь сама позвонила мне и в слезах начала жаловаться, что так и не смогла найти Пусю, хотя приезжала на следующее утро на тот мост, я заверила подругу, что ее питомица у меня. И только это сказала, как химеры и хвост простыл.

Пришлось разочаровывать Силь, что Пуся уже того, ушла на вольные академические хлеба. Я думала — насовсем, но нет. Эта пройдоха вернулась с сушеной рыбой в зубах. Добыча сильно напоминала взятку и была такой же мятой и замусоленной, как выдавшая виды купюра, которую и в карман пихали, и в ладонь мздоимцу совали...

— Хорошо. Оставайся. Но до первой жалобы коменданта, — строго наказала я этой паразитке, сдаваясь под натиском упорства хвостатой. О том, что это предупреждение может быть не для пушистой, а для меня и звучать как: «С вещами на выход», старалась не думать.

Наконец учебная неделя закончилась. И несмотря на то, что она получилась весьма насыщенной и тяжелой, я бы предпочла, чтобы она потянулась подольше. Потому как, проснувшись утром выходного дня, я поняла ужасное: сегодня состоится знакомство с отцом Дэна.

Возникла подлая мыслишка — спереть для выхода на это мероприятие... нет, не вечернее платье из магазина элитного белья, а железный рыцарский доспех из музея. Он был бы в самый раз. Потому как я прекрасно помнила, чем закончилась моя встреча с матушкой Стилла. И подозревала, что знакомство с отцом будет ничем не лучше.

Но если тогда я была испуганной, отчаявшейся, то сейчас я верила в себя, в своего мужчину, которого любила.

Поэтому я решительно встала с кровати. Мне нужно пойти на этот светский прием, даже если он состоится в самой преисподней! И выглядеть я на нем должна идеально.

С последним у меня были загвоздки. И тут я решила попросить помощи у подруги. Не сказать, чтобы удалось до Силь дозвониться с первого и даже с пятого раза, но упорство — удел победителей. А я была настроена только на победу.

Правда, во время переговоров Пуся забила под кровать и злобно оттуда урчала, но, поняв, что речь на этот раз не о ней, успокоилась.

Я договорилась с подругой, что приеду к ней в три пополудни. У Силь как раз будет пара часов, чтобы привести меня в порядок, после чего она отправится в клуб — выступать. А меня заберет Дэн. О чем и сообщила ему.

Страж хоть и слегка удивился новому адресу, но обещал, что будет к пяти. Как раз когда Силь должна будет уезжать.

Решив вопрос с приличным видом, я выдохнула. И в оговоренное время стояла на пороге съемной квартиры Силь. Подруга встретила меня радостно, но когда оценила масштаб работ, то знатно приуныла, надолго задумалась и... с энтузиазмом моли кинулась к шкафу, в недрах которого и зарылась больше чем на четверть часа. Я уже подумала, не начать ли поисково-спасательные работы, когда Силь появилась с торжественным видом, держа в руках бирюзовое длинное вечернее платье из струистого шелка.

А я задала лишь один вопрос:

— Откуда у тебя столько нарядов?

Подруга беспечно махнула рукой и сообщила, что, пока некоторые адепки приобретали знания, она занималась инвестициями. В свою красоту. А также нашла сторонних меценатов под это дело.

— Мне это платье Патрик подарил. Зачарованное. Я его еще ни разу не примеряла даже. В смысле наряд, а не Патрика, — беспечно пояснила Силь. — Мне цвет понравился, и я купила его походя, только приложив к фигуре.

Она беспечно щебетала о щедрости загадочного Патрика. Но больше о том, какое это чудесное платье. А особенно — чары, которые на нем лежат. Они делают прическу идеальной и подправляют даже самый кривой макияж и маникюр до состояния «сделано профессионалом высшего класса».

— Фигуру тоже правит, но не так глобально, — пояснила Силь. — Корсет в этом плане будет понадежнее.

От последнего я категорически отреклась. Подруга лишь вздохнула — видимо, до этого все же возлагала надежды сделать из меня песочные часы — и занялась моими волосами и всем остальным.

Время пролетело незаметно. И когда часы пробили пять, оказалось, что Силь пора убегать, а вот Дэн подъехать еще не успел.

— Вот ключ — оставишь под ковриком. Просто наложи на замок еще чары — так, на всякий случай.

Я понятливо кивнула: замок и охранка лучше, чем просто замок.

Силь упорхнула, а я осталась. Поймала свое отражение в большом напольном зеркале, веря и одновременно не веря, что это я. Не знаю, был ли это эффект заклинания, наложенного на вечерний туалет, или умелые руки подруги, но на меня сейчас из отражения смотрела красавица. Нежная, утонченная, с пышными распущенными волосами и...

«Дзинь...» — дверной колокольчик дал знать, что за входной дверью меня ждут.

Поспешила открыть и... обомлела. Дэн. Я впервые его видела во фраке. Сейчас передо мной стоял не страж, не адепт академии. Аристократ в демон знает каком поколении. И он почему-то не сводил с меня взгляда.

— Ники, — хрипло выдохнул Стилл и, шагнув, кажется сам того не осознавая, протянул мне небольшой букет цветов.

Я взяла его почти не глядя. Мы все так же продолжали смотреть друг на друга. А мне так захотелось дотронуться до него. Потому что не могла поверить: это реальность. Не сон. И вот он стоит на пороге. Мой Дэн...

Я подошла. Робко, несмело положила руку на сильную широкую мужскую грудь и почувствовала, как там глухо бьется сердце. Так же стучало сейчас и мое. Не знаю, кто первым потянулся за поцелуем.

Мысли о том, что через полтора часа начнется важный прием, что я так к нему готовилась... вылетели напрочь. Из нас обоих. Невесомые касания губ становились все жарче.

Я услышала, как Дэн умудрился каким-то чудом закрыть входную дверь. На пол упал фрак. А мои руки уже выправляли рубашку из брюк, неумело расстегивая на той пуговицы. Когда ее белые полы разошлись, я увидела полоску загорелой кожи, которую пересекали два росчерка старых шрамов. Рука скользнула в образовавшуюся прорезь сама, чтобы быть как можно ближе к Дэну.

Мое дыхание участилось, и я неожиданно почувствовала, как жесткая кромка выреза платья врезалась в грудь. И почти тут же мужские пальцы ловко и умело расстегнули мое платье. Шелк упал рядом с фракком.

До Дэна у меня не было мужчин. Но сейчас это не пугало. Страх внутри не было. Было любопытно — да. Нервно — бесспорно. Но любопытно все же больше.

— Ты сводишь меня с ума, — оторвавшись от моих губ, рвано произнес Дэн. — Я должен остановиться...

— Только посмей, — пригрозила я, жадно глотая ртом воздух. — Я хочу, чтобы это случилось сейчас. В первый раз...

Кажется, он не поверил услышанному, а когда осознал... Вихрь по имени Дэниэл Стилл подхватил меня, а когда опустил, я оказалась лежащей на кровати.

И пока я лежала на простынях растерянная, пытаюсь сообразить: то ли это мое собственное безумие, то ли это воздух в квартире Силь какой-то особенно... романтический, — то лишилась туфель.

Мужские пальцы скользнули по моей ступне, чуть замерев на щиколотке, и продолжили свое неспешное движение вверх, вырывая из груди стон. А я поняла: это все-таки мое личное безумие по имени Дэн. Вместе с этим осознанием меня накрыла волна жара. Потому как интимность простого вроде бы прикосновения ладони к колену зашкаливала. Может, оттого, что ладонь принадлежала любимому, а колено — мне?

А когда его рука добралась выше, туда, где был край тончайшего чулка, я забыла, как дышать. Кровь вскипела в жилах, я откинулась на руки, прикрыв глаза и лоя открытым ртом воздух. Ощущения были слишком яркими, запредельно громкими. И это ведь был даже не поцелуй.

А когда вновь смогла посмотреть перед собой, то оказалось, что Дэн гораздо ближе, чем я ожидала. Он практически нависал надо мной. А моя магия вдруг потянулась к нему. Не так, как тогда, в день нашего знакомства. А ласковым котенком. Не пытаюсь уйти от меня, но ластясь к магу.

Я невольно шумно сглотнула. Мой взгляд скользнул по его напряженному прессу, по пластинам мышц груди, по впадинке ключиц, шее, идеально выбритому подбородку... И когда поднялся еще выше и наши взгляды встретились... это был конец. Конец для остатков моего здравого смысла.

Мне стало жарко. Настолько, что щеки запылали, а губы пересохли. И я невольно облизнула их. И увидела, как взгляд Дэна от

этого простого движения окончательно потемнел.

Маг наклонился, и я прикрыла глаза в ожидании, когда его губы коснутся моих, и... Он поцеловал, в шею. Нежно, долго, чувственно. Так, что я непроизвольно застонала. А когда Дэн опустился чуть ниже, к полушариям груди, и вовсе смяла пальцами простыни.

Это была невероятно сладкая пытка.

— Я хочу тебя, Ники. До безумия. — Его дыхание коснулось моего обнажённого живота. С закрытыми глазами это простое даже не касание, намек на него, ощущалось так остро, пронзительно, что я изнывала, неосознанно выгибаясь навстречу Дэну так, чтобы его рука, что все еще лежала на моем бедре, скользнула чуть выше. Туда, где все пульсировало...

— И я... — смогла выдохнуть лишь это.

— Я буду осторожен... — произнес Дэн севшим голосом, который сейчас возбуждал меня едва ли не больше мужских прикосновений.

Или все же... нет, прикосновения больше. Это я поняла, когда пальцы Стилла скользнули чуть выше. Под тонкое кружево белья. Касание там, внизу. И мой вскрик удовольствия, который маг поймал своими губами.

Поцелуй — долгий, умопомрачительный, крышесносный. Язык проникал в мой рот, играя и дразня. И ниже пальцы Дэна делали то же самое, заставляя меня тонуть в сладких ощущениях. Я балансировала на грани, когда поглаживания Дена, легкие надавливания на одну особо чувствительную точку на моем теле, о существовании которой я до этого момента и не подозревала, заставляли меня терять связь с реальностью.

Магия бурлила. И я не могла понять, моя ли она или Дэна. Потoki силы переплетались, обвивая наши тела. Это было невыносимо. Это было прекрасно. Я замерла в ожидании момента, который должен был настать.

Сейчас.

Вот-вот...

Ну же...

И...

Кажется, внутри меня что-то взорвалось. Сверхновая. Ослепительная вспышка. А за ней волна удовольствия, которая накрыла меня с головой и смыла из этой реальности. И... я ощутила,

как Дэн плавно опускает меня на простыни, тяжесть его тела и податливость моего.

Мы целовались. Жадно, яростно, жарко. Сдирая друг с друга остатки одежды. Кажется, губы Дэна были везде, как и мои руки. Стилл мял, кусал мои губы, я царапала его спину, выгибаясь навстречу его ласкам, а язык мага скользил по моему животу и ниже, рисуя узоры.

А пальцы, его пальцы, подарившие мне столько удовольствия, проникли снова. Еще глубже, даря еще более острые ощущения. И когда они сменились чем-то другим... Большим. Твердым. Напористым. Толчок. Мой вскрик. Краткая вспышка боли. Вскрик. И по телу разлилась волна удовольствия.

Я ощутила наполненность внутри себя. Приятную тяжесть навалившегося тела. Сильного. Жаркого. Любимого.

— Ники. Больше не будет больно. Обещаю.

Я сглотнула и кивнула. Говорить все еще была не в силах. Слишком хорошо мне было. Я посмотрела в глаза Дэна. Самые удивительные, в которых сейчас отражались я и его любовь ко мне.

Дэн чуть приподнялся, отчего я ощутила животом прохладу воздуха. И снова опустился. А я непроизвольно закинула ноги ему на бедра, подстраиваясь под темп. Боли не было. Нисколько. А вот жажда... она была. Хотелось больше, еще больше, быстрее, глубже... Напряжение нарастало. Я не смогла сдержаться:

— Дэ-э-эн!

Его губы накрыли мои, ловя очередной крик, полный наслаждения.

Я откинулась на простыни, только сейчас ощутив, что все это время с силой впивалась в плечо мага. Дэн замер в каменном напряжении, и затем я почувствовала, как его тело медленно опускается.

Магия, бурлившая в крови, резонировавшая с даром Дэна, начала сыто, довольно успокаиваться.

— Ники, я люблю тебя. Всегда буду любить, — услышала я шепот того, кого, кажется, ждала всю жизнь. Вот только время нас ждать не собиралось, о чем пробили напольные часы.

— Приём!

— Твои родители!

Выпалили мы синхронно и... Еще минуту назад я нежилась в надежных руках любимого. А сейчас эти руки помогали мне собираться. Правда, все время при этом так и норовили начать мешать. Вместо того чтобы подтянуть чулок — приспускали. И сводили своими прикосновениями с ума...

Глава 16

— Может, никуда не пойдём... — малодушно начала я.

И тут же услышала с сожалением:

— Нет... Хотя ты и сплошное искушение, Ники.

На светский прием мы все же собрались. Правда, пришлось заново накладывать макияж (уже не так ровно, как это было у Силь) и просто расчесать волосы.

Вышло не очень, но зачарованный вечерний туалет здорово помог, исправив мои косметические и парикмахерские недочеты. Зато счастливый блеск в глазах был мой, собственный, шальной. И такой ни одному заклинанию не под силу сотворить.

До фларнийского посольства, где и проходило мероприятие, домчали на бешеной скорости, благо Дэн оказался отличным водителем, а машина, которую он взял по сегодняшнему случаю, быстрой.

Наше авто затормозило у самого начала красной ковровой дорожки. Дверца открылась, я глубоко выдохнула и, ослепительно улыбаясь, подала руку Стилли, который галантно помог мне выбраться из салона.

Вместе мы поднялись по высокой мраморной лестнице. Вот только меня не покидало странное чувство. Это была даже не интуиция, а скорее беспокойство.

Я списала это на волнение перед встречей с мисс Стилл и мистером Стилло-старшим.

— Все будет... — начал было Дэн, склонившись ко мне. Его дыхание щекотало мне шею, вызывая приятные мурашки.

— Только не говори «хорошо», потому что хорошо оно точно не будет. Твои родители будут в ярости от того, что ты задумал, — прошептала я в ответ.

— Я хотел сказать, что все будет феерично, — хмыкнул маг и одобрительно добавил, глянув мне в район декольте: — Хорошо, что надела защитный родовой артефакт.

— Дважды в ярости, — поправила я.

Перешептываясь, мы добрались до верха лестницы и вошли в высокий арочный проем, миновали крытую анфиладу и попали в зал.

Я на миг обомлела. Еще ни разу мне не приходилось видеть столько аристократов вместе. И главное, я никого из них не знала и, если бы не Дэн, наверняка бы растерялась.

А вот Стилл, в отличие от меня, со многими раскланивался, привставал. Мне оставалось лишь улыбаться и знакомиться, знакомиться, знакомиться... Спустя час в голове была уже мешанина из имен и лиц. Но двух, главных, ради которых мы и пришли, все не было. Родители Дэна задерживались.

А я нет-нет да и ловила себя на том, что глаз не спускаю с входной двери. Не укрылось это и от Стилла.

— Потанцуем? — предложил он.

Мне ничего не осталось, как согласиться. Хотя с балетными па я была не очень-то и в ладах. Оркестр заиграл медленную, лиричную, тягучую, как патока, мелодию, и я заскользила, подхваченная любимым, по паркету.

И в круговерти вечерних платьев и фраков вдруг выхватила смутно знакомую фигуру. Постаралась приглядеться... Странно. Черты лица были совершенно иными, но я могла поклясться, что это Толье. Он целеустремленно спешил за каким-то господином, словно преследуя...

— Кто это? — Я указала кивком на джентельмена, за которым следовал Толье, и...

Дэн сбился с шага, затем выругался так, как на светских приемах делать явно не полагалось, и зло выдохнул:

— Да Мор псих!

— В каком смысле?

— В прямом. Тот, за кем он пошел, — Эскобар!

У меня в голове словно щелкнуло. Мы во фларнирском посольстве. Олав Эскобар — фларнирец... Неужели Толье каким-то образом узнал, что тот, кто может быть замешан в исчезновении его тети, сейчас здесь, в столице...

Вот демоны! Может же быть дипломатический скандал!

И в этот момент в дверях показалась чета Стиллов. Я растерянно посмотрела вслед Мору. На выход. На удаляющуюся спину Мора...

— Как насчет того, чтобы познакомить меня с твоим отцом чуть позже? А пока предотвратить намечающийся международный конфликт?

— Ники, ты готова отговориться чем угодно, даже урегулировать политический конфликт и предотвратить переворот в стране, лишь бы не знакомиться с моими родителями, — заметил Дэн.

— Знаешь, заговоры как-то легче раскрывать. И не так нервно... — призналась я, устремляясь в ту сторону, куда ушел Мор.

— Могу сказать то же самое по поводу свадьбы: проще убить целый кагал наемников экстра-класса, чем довести тебя до алтаря.

Но, несмотря на ворчание, Дэн последовал за мной. А мне оставлось только помалкивать, потому что крыть было нечем: у стража имелся опыт сражения с ликвидатором, и он знал, о чем говорил.

Мы покинули зал, оказавшись в полутемном пустом коридоре с высоким стрельчатым потолком. Я было отчаялась, что Толье успел уйти и мы не сможем его теперь найти. Но тут послышался едва различимый звук. Настолько невнятный, что и не распознаешь, что это. Но мы, не тратя ни секунды, поспешили на него.

Дверь была неплотно прикрыта. И в узкую щель я смогла разглядеть Мора, стоявшего боком к входу, и профиль собеседника. Судя по всему, это и был Олав Эскобар. Высокий жгучий брюнет, чьи темные волосы щедро разбавила седина. Хищный взгляд черных, как провалы в бездну, глаз пугал, даже если смотреть на его обладателя сбоку, как я, через дверную щель. Но Толье не дрогнул. Когда Мор задал вопрос, в его голосе не было ни капли страха.

— Где она? — всего два слова, но сколько за ними было всего.

— О ком вы, молодой человек? — чуть насмешливо, растягивая гласные, уточнил Эскобар.

— О Лирин Толье, — твердо ответил Мор.

— Впервые слышу это имя, — тут же, нагло усмехаясь, парировал фларниец. — Вы, молодой человек, меня с кем-то явно спутали. Верно, это ваша подружка, которую вы приревновали... Ничего страшного, такое часто бывает с юношами в период полового созревания... — намекая на то, что Мор не в себе, произнес Эскобар.

— Странно, — чуть насмешливо протянул Толье. — А вот доказательства... — при этих словах Мор положил на стол, что стоял рядом с ним, плотный конверт серого картона, — говорят об

обратном. — Или хотите сказать, что вам не знакомы Алстальвия, Анабэль, Милинда, Олиния... У меня есть записки, адресованные им. Записки, выведенные вашей рукой. Любая магическая экспертиза это подтвердит. А смерти девушек и подтверждать не нужно, как и то, что вы в них замешаны...

— Сопляк, — зло, явно выходя из роли благодушного иностранного посла, выдохнул Эскобар. — Сколько ты хочешь за то, чтобы я никогда больше тебя не видел и не слышал чушь, которую ты сейчас молот?

Судя по всему, Мора приняли за ушлого шантажиста. Толье не стал разочаровывать, назвав цену, от которой в других обстоятельствах я бы присвистнула. Но сейчас сдержалась. И увидела, как Эскобар спрятал руку за спину и в его ладони вспыхнуло смертельно опасное проклятие. Темное. Подобным в меня зашвырнули чуть меньше недели назад, в переулке, когда попытка покушения на мосту с треском провалилась. Только тогда нападавший использовал артефакт. Сейчас же запрещенные чары творили прямо на моих глазах, не пользуясь заготовкой.

Я хотела было закричать, предупредить Мора, но Дэн перехватил меня, остановив буквально за миг до того, как я закричала.

— Подожди, — шикнул Стилл и взглядом указал на сжатую в кулак руку Мора. В ней блеснула грань записывающего кристалла.

Вот только навряд ли две фразы, ничего не значившие, можно было бы использовать для обвинения. Эскобар ответил столь обтекаемо, что можно было подумать, он не поддался на шантаж, а лишь хочет, чтобы назойливый парень больше никогда не докучал ему. Это доказал бы любой начинающий адвокат. А у Эскобара наверняка юристы были очень опытными.

Но если ждать... на Мора нападут. А я не хотела быть свидетелем на судебном заседании в процессе по убийству наследника рода Толье. Я хотела видеть Мора живым. И по возможности здоровым и...

Я услышала почти беззвучный щелчок пальцев и, медленно повернув голову, увидела, как рядом со мной поднимается... Лирин. Точно такая же, как на гравюре из ее личного дела, которое мы обнаружили в архиве.

— Прикрой меня, — произнес Дэн мягким женским голосом.

Да уж... в мастерстве иллюзий Мору было далеко до стража. У Стилла получилась превосходная иллюзия, которую не отличишь от живого человека.

И пока я ошарашенно глазела на ожившую Толье, у которой по прихоти мага появились небольшие морщинки, выдававшие возраст, Стилл толкнул дверь со словами:

— Значит, моя судьба — это чушь? — произнес напевно Дэн, вернее Лирин.

— Лири? — вырвалось у Эскобара. Но это было не восклицание человека, узревшего мертвеца. Потому как в нем не было ни капли ужаса. Скорее недоумение. Почему она именно здесь. — Ты же должна быть в башне...

Миг безмолвия, во время которого посол понял, что выдал себя с головой. И проклятие, что жгло тьмой его руку, сорвалось в полет с кончиков пальцев. Мор не успевал выставить щит. Как и Дэн. Но Стилл успел сделать другое — сырой, не оформленной в заклинание силой он сбил темную магию. Та впечаталась в стену черным пятном, которое тут же начало разрастаться, превращая в пепел и тлен все вокруг себя. Быстро переползла на паркет и начала подбираться к Толье. Но тот этого не видел. Как и Дэн, с которого слетел морок. Они оба защищались от атак Эскобара, который призвал запрещенную магию крови. Фларниец был силен. Демонски силен... И это была отнюдь не метафора. Тело темного мага начало меняться, превращаясь в темную сущность.

— Сдвоенный щит! — заорал Дэн, понимая, что поодиночке им не выстоять против того, кто продал свою душу исчадиям пекла.

Демоны. Против них и боролись стражи. Когда случались прорывы, то, бывало, эти твари вырывались в наш мир. И тогда отряд из пяти-семи опытных боевых магов направлялся на отлов и ликвидацию этих исчадий пекла.

Но сейчас матерому демону, которому хватило сил столько лет скрываться ото всех, противостояли двое: Дэн и Мор. Выпускник и первокурсник. И у них не было шансов. И даже вместе со мной...

Но я, прекрасно понимая, что умру, если вступлю в бой, не могла поступить иначе. И, кинув тревожный клич, я переступила порог кабинета и швырнула в демона атакующим заклятьем. Простым: на

сложное плетение времени не было. Но максимально мощным... Призвав все ледяное пламя, что было во мне.

От удара тварь протащило до противоположной стены. Дэн с Мором ударили слаженно, не давая Эскобару, точнее, тому, что от него осталось, подняться с пола.

— Ники, слияние! — приказал Стилл.

И я, не задумываясь ни на минуту, подчинилась. Несколько шагов, что разделяли меня и Стилла, я преодолела прыжком. И положила свои ладони на его плечи, отдавая магу весь свой резерв. Без остатка.

Слияние сил редко практиковалось среди чародеев. Для него должна была быть не только полная уверенность в партнере, но и единение стихий. А еще — готовность открыть свой разум, все его закоулки. Ведь сливалась не только сила, но и разум. Воспоминания, мысли, чувства. Двое становились друг для друга открытой книгой.

Удар магии. Моя сила. Мастерство Дэна. Я чувствовала, как внутренний ледяной огонь, выжигая мои энергетически каналы, струился в Стилла. Но я понимала, что если разорву эту связь, поддамся боли, то мы все умрем.

Долг стража — защищать людей. И я сейчас защищала. Как могла. Отдавая всю себя. Без остатка. Перед закрытыми от напряжения глазами заалел кровавый рассвет. Я упрямо до крови закусил губу, молясь про себя, чтобы сил хватило, и... Раздался агонизирующий крик, от которого содрогнулись стены.

И тут же Дэн обернулся, заставляя меня разорвать связь. И я услышала:

— Мы справились...

Я открыла глаза. Кабинет превратился в руины. Рядом с окном зиял огромный провал, захвативший не только эту комнату, но и соседнюю. А прямо в книжном шкафу разверзлась дыра в мой рост, через которую были видны соседние покои и... точно такое же круглое, словно тараном пробитое отверстие... И сдаётся мне, этот «магический таран» прошёл все здание посольства насквозь. Во всяком случае, я точно насчитала два десятка комнат, которые соединял этот авангардный сквозной проем.

На полу лежал полуобугленный конверт из плотного коричневого картона. Тот самый, шантажерский... И он был... пустой. Захотелось истерично рассеяться. Ну Мор! Провокатор! Я посмотрела на Толье.

Тот, поймав мой взгляд, лишь лихо подкинул записывающий кристалл и произнес, кажется, сам до конца не веря:

— Она все-таки жива...

Но если приятеля волновала судьба тети, то Дэна — моя.

— Ты как? — спросил Стилл.

Я сделала несколько шагов в сторону, прислушиваясь к себе и оглядывая учиненный беспорядок. Кажется, теперь во фларнийское посольство мне путь заказан...

— Знаешь, теперь мне, кажется, не так страшно знакомиться с твоими родителями, — попыталась я пошутить.

И тут груды угольев, в которую превратился демон, шевельнулась, и из нее вылетел хвост жидкого смертельного огня и устремился на меня.

Я была полностью опустошенной. Сил отбить атаку не было. Да что там — даже пошевелиться. Мор ударил в грудь угольев запоздавшим заклинанием. Дэн ринулся наперерез огненной плети, но он не успевал.

Протуберанец ударил меня по груди.

Последнее проклятие умирающего демона. Его месть, которая должна была в следующую долю секунды рассечь меня на две части и... Удар страшной силы, выжигающий меня насквозь, подарил мне ощущения, словно вспарывают грудную клетку. Я заорала от боли и не сразу поняла, что это не от демонического протуберанца, а от защитного амулета, который, раскалившись добела, принял на себя основную силу удара. Но не всю. Часть темной магии отразилась и... Стилл, который устремился наперерез атаке, попал под ее рикошет.

Я, отброшенная на пол, увидела, как Стилл упал рядом. Не знаю, откуда нашлись силы подняться. Протянула руку, чтобы дотронуться до него. Но Мор меня опередил. Деловито приложив пальцы к сонной артерии, приятель заключил:

— Жив... И кажется, даже невредим...

А из глубины коридора послышались топот и голоса.

Мое тревожное заклинание сработало по всем правилам сигнализации. Маги спешили на помощь. Успели они, правда, уже к тому моменту, как все закончилось. Но мне было плевать. Самым главным сейчас было, чтобы Дэн очнулся. Я молила об этом

божественного провидца, и... Стилл открыл глаза. Сфокусировал на мне взгляд, словно видя в первый раз, и хрипло спросил:

— Кто ты такая?

Конец второй части